

Мухамет-Халел
Сулейманов

Майкы-бий,
учение “Жасау-ізі”
и истоки чингизизма

История народов Турана
в преданиях казахских биев

МАЙКЫ-БИЙ, УЧЕНИЕ “ЖАСАУ-ІЗІ”
И ИСТОКИ ЧИНГИЗИЗМА

Мухамет-Халел
Сулейманов

**Мухамет-Халел
Сулейманов**

**МАЙКЫ-БИЙ,
УЧЕНИЕ «ЖАСАУ-ІЗІ»
И ИСТОКИ ЧИНГИЗИЗМА**

**История народов Турана
в преданиях казахских биев**

Алматы, «Service Press», 2013

УДК 1/14
ББК 87.3
С 89

Сулейманов М.-Х.

Майкы-бий, учение «Жасау-ізі» и истоки чингизизма. История народов Турана в преданиях казахских биев. - Алматы: «Service Press», 2013. - 278 стр.

ISBN 978-601-7283-03-2

У каждого народа есть своя легендарная история и «предфилософия»: у индусов – «Ригведа», у иранцев – «Авеста», у евреев – «Ветхий завет» и т.д. У тюркских народов Турана таковым является древнее учение «Жасау ізі» («Ясы», «Тропа существования»), хранителем и ретранслятором которого был соратник Чингисхана и Джучи-хана по имени Майкы-бий. Он по праву считается основателем казахской классической школы биев. В настоящей книге известного казахского ученого, этнографа и литератора Мухамед-Халела Сулейманова это учение впервые предстает не в раздробленном и рассеянном по различным шежире, легендам, эпосам и отдельным поговоркам-максимам виде, а как единое, логически связанное, цельное. В книге показывается генезис общественной мысли, морали и права номадов евразийской Великой степи от легендарной праматери «Бір-ана» до Чингисхана. Также приведены уникальные исторические свидетельства самих степняков, раскрывающие исторические истоки чингизизма, как идеологической доктрины. Данная работа будет интересна всем, кто интересуется историей, философией, языком и культурой тюркских народов степной Евразии.

УДК 1/14
ББК 87.3

ISBN 978-601-7283-03-2

© Сулейманов И. М., 2013
© Редакция, примечания,
комментарии, иллюстрации
Сулейманов И. М., 2013

ОБ АВТОРЕ

**Сулейманов Мухамет-Халел
Толеубайулы**
(1939 – 2008)

Известный казахский литератор и публицист, автор многочисленных исследований в области этнографии и фольклора, специалист по военной истории казахов, а также ученый-физик.

Талант М.-Х. Сулейманова был многогранным. Про такие разносторонние личности в народе говорят «сегіз қырлы – бір сырлы», т.е. «восемь граней – одна целостная суть». Научные открытия в области кристаллохимии, экологии строительства, строительных материалов, казахского устного исторического и культурного наследия, военной истории, филологии, филосо-

фии, огромное число научных конференций – таков итог 67 лет его яркой и насыщенной жизни.

Будучи потомком знаменитого Жазы бия (в российских хрониках «почетный гражданин Российской империи, казачий войсковой старшина Язу Янов»), он прекрасно знал духовное наследие биев: казахскую философию, обычное право, традиции и устную историографию. Работая в области физики и химии, автор всю свою жизнь параллельно осуществлял и другую деятельность – исследования в области этнографии, литературную, публицистическую и общественно-организаторскую. Где бы он ни находился в командировках, встречался с местными аксакалами, собирая устные предания об истории, традициях и культуре своего народа.

Мухамет-Халел блестяще владел образно-символическим языком казахских биев, именуемым «билердің қызыл тілі», что позволило ему впервые осуществить перевод ряда стихотворений Ахмета Байтурсынова на русский язык. Благодаря М.-Х. Сулейманову русскоязычная аудитория получила доступ к поэзии выдающегося казахского ученого-филолога и политического деятеля А. Байтурсынова, ознакомилась с философией и мировоззрением великого «алаш-ордынца», погибшего в застенках НКВД в 1937 году. Выдающийся казахский литератор, переводчик трудов Абая на немецкий язык Герольд Бельгер так охарактеризовал это значимое событие в культурной жизни Казахстана: «Этот физик, став лириком, задал такую высокую планку перевода, что мало кто теперь рискнет браться за перевод стихов Ахана. Ведь его язык многозначных образов, как и Абай, подстрочному переводу не поддается». Слова Герольда Карловича оказались пророческими.

О качестве перевода читатель может судить по этим строкам А. Байтурсынова:

*Мы были белыми гусями,
Едиными и равными в строю,
Парили вольными над чистыми лугами,
Ныряли в родниковую струю.*

*Невесть откуда взявшийся пожар,
Огнем все нашу доблесть, честь слизал.
Лишь у немногих тлеет сердца жар,
У большинства – пожар его пожрал...*

*Сегодня много бьющих в грудь себя,
Свою предусмотрительность хваля.
Умишка лишь на то хватает им,
Чтобы хватать себе в ущерб другим.*

*Сегодня стало много болтовни,
Делячества, снобизма напоказ,
Но деловитость, только пальцем ткни,
Как пыль с кошмы, слетит бесследно враз.*

*Богатых также много развелось,
Но толк от них – напиток горьких слёз,
А больше всех - любителей поспать,
Носителей пустых мечтаний, грёз...*

*Увы, нет больше ценностей у нас,
Богатым нужен скот,
Ученым – власть,
И мало уж кому – народ...*

(Цит. по: М.-Х. Сулейманов, «Яркий носитель духа человечности. Стихи Ахмета Байтурсынова и думы о них», 2011).

А вот мнение об авторе казахстанского философа, профессора Мурата Сабитова: «Он писал об Ахмете Байтурсынове не только как об ученом, языковеде, но и как о философе. Мухамет-Халел философски относился к языку. У него любое слово, любой термин обретают некую пространственную полноту, какую-то высоту, ширину, становятся объемными. Он разворачивает любую проблему, делает ее «развертку», а это – философский,

глубокий подход. Он был не просто писателем – он был философом и мыслителем».

Проводимые с активным участием М.-Х. Сулейманова мероприятия – конференции, семинары, выступления – просвещали задавленный коммунистической пропагандой народ, помогали вспомнить имена своих выдающихся предков: тархана Жаныбека, хана Абулхаира, Майкы-бия и многих других, ранее замалчиваемых. Написанный им театральный сценарий «Честь дороже жизни» о преемственности воинских традиций от Чингисхана до современности, про легендарного офицера Панфиловской дивизии Бауржана Момыш-улы и прославленного командира спецназа в Афганистане «карамайора» Керимбаева, был успешно реализован в постановке Костанайского областного драматического театра. Перечисление его вклада в науку, его заслуг в возрождении казахской национальной культуры, его беззаветного интеллектуального служения своему народу – тема отдельной книги, которая, надеюсь, будет написана.

Работая с жестким рентгеновским излучением, Мухамед-Халел подорвал здоровье, но практически сразу же после ухода из академической науки он был приглашен на должность ведущего специалиста военно-исторического отдела департамента ОМР Генштаба Вооруженных сил Казахстана – обширные знания в области казахской истории и философии, тренированный аналитический ум ученого были востребованы молодой казахстанской армией. Его вклад в разработку системы идейно-воспитательной подготовки казахстанских солдат и офицеров был отмечен Почетной грамотой Генштаба ВС РК. Во многом эта система идейно-патриотического воспитания бойцов, защитников обретшего независимость Казахстана, основывалась на учении чингисхановского соратника Майкы-бия «Жасау-ізі» («Тропа существования», «Яссы»), представленным в настоящей книге.

Удивительны были человеческие качества Мухамет-Халела. Бескорыстный помощник всех ищущих – так его можно оха-

рактизовать. Вот что говорил Сейдахмет Куттыкадам, главный редактор журнала «Мысль»: «У него было двойное имя – Мухамет-Халел, но мы его звали Халеке. Халеке всегда будет с нами и в наших сердцах. Мы его хорошо знали. Он отличался отзывчивостью, когда ни позвонишь – всегда протягивал руку помощи. Он был настолько светлый человек и столько отдавал людям – совершенно бескорыстно: помогал писать кандидатские диссертации, причем на его материалах, со многими делится ценными материалами...».

Отличительной чертой М.-Х. Сулейманова было и незаурядное гражданское мужество в сочетании с обостренным чувством справедливости. Вот свидетельство ведущего казахстанского культуролога и общественного деятеля Мурата Ауэзова: «В том, что высокая нравственность и этика ему была органически свойственна, я сам в молодые годы убедился. Мы учились в Москве, вернулись в Алматы, написали первую книгу про эстетику кочевья. Начались жесткие преследования. Атмосфера была напряженная, нашу книгу сжигали, за нами тянулся шлейф националистов. Из Москвы приехали... Далеко не каждый считал возможным для себя встречи и беседы с нами. В этой ситуации Халел – он в то время работал в Институте химии – позвал нас, 70 человек, в том числе автора рукописи по «Эстетике кочевья», в Институт химии. Там, по-моему, были не только ученые-химики, но и другие представители нашей интеллигенции. В то время это были, по существу, первые наши публичные выступления. То есть это был акт гражданского мужества Халекена. Я знаю, насколько было непросто в те годы это сделать. Вот эта отвага тюркского наследия была ему изначально присуща, как и тончайшая конструкция в его душе, изумительная духовность, изумительная тактичность... но в то же время – мощная отвага!» (Цит. по «Материалы научно-практической конференции от 15 октября 2008 года, Дом ученых АН РК, г. Алматы», в книге «Эра Чингисхана в истории казахской нации. Степная диалогия», 2009)

Давая оценку творчеству М.-Х. Сулейманова с точки зрения культурологии, Мурат Мухтарович отметил: «Мухамет-Халел – первооткрыватель стиля «гуманитарного магического реализма» в Казахстане... Магический реализм – стиль чрезвычайно продуктивный, именно он и обеспечивал необыкновенный взлет латиноамериканской философской мысли и латиноамериканской великой гуманистики середины XX века. В этом отношении наша гуманитарная среда получает очень хорошее» (там же).

Необходимо отметить особо значимый вклад М.-Х. Сулейманова в развитие отечественных социально-гуманитарных наук – истории и политологии. М.-Х. Сулейманов являлся основным побудителем казахстанской общественности, сумевшим добиться того, что страна могла бы гордиться достойными сынами нашего народа. Многогранный талант, врожденное чувство справедливости и чести, позволили Мухамед-Халелу высоко оценить общественно-политическую деятельность И. О. Омарова, одного из немногих советских политиков «с человеческим лицом». Благодаря многолетним усилиям, неустанному старанию Мухамед-Халела имя Ильяса Омарова не поглотило забвение. Итогом политико-исторического исследования Мухамед-Халела стала книга «Ильяс Омаров. Жизнь и философия», написанная в 2003 году. Это произведение, располагающее огромным фактологическим материалом, представляет собой первый обобщающий труд, комплексно исследующий жизненный путь, государственную деятельность, общественно-политические взгляды и литературно-философское наследие И. Омарова.

Его книга «Эра Чингисхана в истории казахской нации. Степная диалогия» была удостоена в 2009 году медали Международной организации тюркской культуры «ТЮРКСОЙ». К прискорбию, сам автор книги этого уже не увидел...

В завершение, говоря о личности автора, о его творческом наследии, вновь хочется привести слова Мурата Мухтаровича Ауэзова: «Удивляешься тревоге этих всегда удивитель-

ных людей, творящих по зову души. Таких людей Всевышний никогда не обходил своим благословением. Я думаю, что Мухамет-Халел – это как раз тот ясный, добрый свет очередного знания».

*Кандидат политических наук,
доцент Алина Самай*

Из наградного письма к медали: «Книга Мухамед-Халела Сулейманова «Эра Чингисхана в истории казахской нации» ... представляет собой новый этап в изучении истории братских тюрко-монгольских народов древнего Турана, их единых корней, историко-культурной непрерывности и преемственности тюркских традиций от древних гуннов до монгольской империи Чингисхана» (Директор казахстанского отделения «ТЮРКСОЙ» Б. Барысбеков)

Қазақстан Республикасына
қызмет етемін!

Служу
Республике Казахстан!

МІНДЕТ, АБЫРОЙ, ЕРЛІК!

ДОЛГ, ЧЕСТЬ, ОТВАГА!

ГРАМОТА

НАГРАЖДАЕТСЯ

Ведущий специалист военно-исторического отдела Департамента организационно-мобилизационной работы Генерального штаба Вооруженных Сил Республики Казахстан **СУЛЕЙМАНОВ Мухамет-Халель** за добросовестное выполнение служебных обязанностей и в честь 60-летия со дня своего рождения.

НАЧАЛЬНИК ДЕПАРТАМЕНТА ОРГАНИЗАЦИОННО-МОБИЛИЗАЦИОННОЙ РАБОТЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Д. БЕКМУРАТОВ

**МАЙКЫ-БИЙ:
СОРАТНИК ЧИНГИСХАНА,
ИДЕОЛОГ «ЧИНГИЗИЗМА»**

*Доктор философских наук
Ильяс Сулейманов*

Выдающийся казахстанский ученый-востоковед Вениамин Юдин писал: «Человечество, занятое ликвидацией последствий татаро-монгольских завоеваний, «не заметило» чингизизма-конфессии.... Увлеченные изучением результатов «практической деятельности» татаро-монголов, **не приняли в расчет чингизизм как целостное учение и современные ученые.** Так он и остался в истории человеческой мысли как явление светское. Если и предпринимались попытки осмыслить «чингизизм» в **духовном плане**, то этот его аспект в целом изображался как придаток татаро-монгольского мирового погрома, не имеющий идеологической системности и цельности» [1].

Не согласиться с этим невозможно. Вообще, главным методологическим изъяном советской исторической науки, по мнению многих ученых, чей взгляд не зашорен догмами «марксизма-ленинизма» и «евроцентризма», является взгляд на историческое наследие кочевых народов с точки зрения оседлой цивилизации. Теория государства, социально-политических отношений, которая была разработана в рамках оседлой цивилизации и на примере развития оседлых народов, применялась и, к сожалению, до сих пор применяется для изучения, описания и объяснения исторических процессов в кочевой среде. Абсурдность такого подхода сегодня становится все более очевидной. Вот как по этому поводу высказался сам В. Юдин: «Духовную мощь татаро-монголов искали не там, где ее следовало искать. Религия татаро-монголов была в действительности мощной, основой ее были генеалогические мифы, которые и ранее были сердцевинной тюрко-монгольской картины мира... **эти мифы в их новой системе стали для татаро-монголов могучей духов-**

ной силой, адекватной их воинской мощи. Но чингизизм был не только религией. Чингизизм был мировоззрением, идеологией, философией, санкцией общественного строя и структуры социальных институтов, политической и правовой системой, культурологической доктриной, основой просвещения, средством регуляции поведения в семье и обществе» [там же].

Историческая наука советского периода упорно игнорировала роль великого деятеля, одного из создателей Джучиева улуса, легендарного Майкы-бия. Его считают своим праотцом башкирские мингцы, табынцы и многие племена казахского Старшего жуза, донские казаки в своих преданиях ассоциировали его образ со святым Михаилом, имя его чтится у узбеков, каракалпаков, ногайцев, у казанских и крымских татар. **Именно историко-философское учение «Жасау-ізі» Майкы-бия** (не следует путать с «Великой Ясой» Чингисхана – кодексами «Жасақ», «Билік» и «Төрелік») создало идеологическую основу феномена, который Вениамин Юдин назвал «чингизизмом».

Как отметил в своем выступлении на Третьем съезде рода Табын, посвященном памяти Майкы-бия, вице-президент Академии наук Республики Башкортостан Нияз Мажитов: «В 30-е годы на шежере был наложен запрет. Были уничтожены ценнейшие документы, записанные еще на коже, закопаны, сожжены, разорваны... Истории народа, республики в минувшие времена уделялось очень мало внимания, если не сказать больше: ее вообще пытались уничтожить» [2]. То же самое происходило в Казахстане. Был физически уничтожен весь цвет нации, носители литературно-философского языка Майкы-бия, древнеказахской этнической культуры, истории и памяти – Ахмет Байтурсынов, Алихан Букейханов, Миржакып Дулатов, Мухаметжан Тынышпаев и многие другие деятели политического движения «Алаш-орда». Спасти удалось лишь немногим – Мустафе Шокаю, к примеру, пришлось эмигрировать в Париж, а Масгута Шайкемелева освободили из Сиблага, поскольку он был при

смерти. Как бы то ни было, но в народной памяти сохранилась устно передаваемая информация, которую автору публикуемой книги пришлось собирать буквально по крупицам, сравнивая ее с письменными и устными источниками других народов. Ведь идейной основой «чингизизма» было историко-философское учение Майкы-бия, а сам он являлся главным идеологом этой доктрины, фрагментом которой явилась концепция «Алаш». Вот краткая история Майкы-бия, рассказанная М.-Х. Сулеймановым в книге «Эра Чингисхана в истории казахской нации» [6]:

Родоначальник казахского Старшего жуза по имени «Мэн» («Мэніс»), известный в истории как «старец Уйсын» («Сокровенное сказание монголов») имел четырех сыновей, которых звали «Қойілдір», «Қоғам», «Майқы» и «Мүкрейіл», и вся родословная Старшего жуза казахов, по существу, является родословной их прямых потомков по мужской линии. Уйсыном его звали как главного бия и ру-аксакала (главу) племени уйсын (кит. усунь, монг. хушин). Происходил он из древнего уйсунского рода «Ұзынсақал Ыба-Райым» (монг. «Баарын»). «Ұзынсақал» означает «длиннобородый», в германских языках – «лангобард». Такие известные ученые как Абель Ремюза, Клапрот и Карл Риттер относили уйсуну к индогерманскому племени [3,4]. Их точку зрения разделял и Мустафа Шокай, стоявший у истоков «Туркестанского легиона» германского вермахта. За великую мудрость и поддержку Темиршина (монг. Темучин) старец Уйсун получил от него звание «Төбе-би», т.е. «верховный арбитр» сразу после наречения Темиршина титулом «Шыңғыс-хан». В древнетюркском языке окончание «-ғыс» означало оправданность определения: «шың» – вершина, «шыңғыс» – воистину верховный, истинно вершинный. По историческим данным Абая (Ибрагима Кунанбаева) курултай этот происходил в 1206 г. на горе Найман-кюре в Восточном Казахстане, которая после этого знаменательного события стала именоваться «Шыңғыстау» [5]. В казахских народ-

ных преданиях Чингисхан именовался «Қызыл Арыстан» – «красногривый лев» – очевидно, за свою рыжую бороду.

Сын Уйсына «Мүкрейіл» был назначен Чингисханом старшиной племени Жалайыр и прозван «Екінші Жалайыр» (Жалаир Второй). Командуя группой монгольских войск в Китае, он получил от Чингисхана китайское звание «го-ван» и вошел в мировую историю под именем «Мухали-гован». Историки, по ставшей уже традиционной китайской транскрипции, говорят и пишут «Мухали», но в родословную казахов он вошел под именами «Мүкрейіл қабан» (степняки переименовали китайский титул на свой лад) и «Жалайыр». Другим прославленным сыном Уйсына Тобе-бия был «Қойілдір». Он был назначен старшиной племени «Маңғыт» и командовал тысячным ополчением («мың қол») мангытовцев. В «Сокровенном сказании» его имя переведено как «Хуилдар» в списке 95 ноянов Чингисхана. В этом же списке указан и его сын «Қатаған» («Хадан»). «Қойілдір» спас жизнь Чингисхану во время сражения с объединенными силами Жаумукара (монг. Джамуха) и керитского Ван-хана. Еще один сын Уйсына – «Қоғам» – также пользуется большой славой в памяти казахского народа. Но его имя не вошло в «Сокровенное сказание», поскольку он не был боевым командиром, а отвечал за богатство и процветание всей Булатной орды. Он имел звание «қор-жиюши», т.е. казначея и, одновременно, начальника тылового обеспечения в войске Мухали-Гована. Однако самым прославленным в устной истории казахов, башкир, татар и других народов Джучиева улуса осталось имя Майкы-бия, которое на протяжении 800 лет свято хранится в благодарной памяти народа. Имеется ввиду Майкы-бий Двенадцатый, т.к. в истории упоминаются еще одиннадцать Майкы от сотворения мира [6].

Майкы был младшим сыном Мана. Он родился на 2 года раньше Чингисхана, т.е. в 1153 г. по Григорианскому летоисчислению, в 547 г. Хиджры. Жил 120 лет до 1273 года, оставив многочисленное потомство. От рождения он был хромым (одна нога короче другой) и, как это часто случается, его физический

недостаток компенсировался выдающимися интеллектуальными и дипломатическими способностями. До семилетнего возраста он проходил воспитание у своего деда «Кейікі-би». Затем 5 лет учился ораторскому мастерству у будущего тестя Чингисхана (отца «Борте», первой жены кагана), которого прозвали «Удай-шешен». В «Сокровенном сказании» это прозвание (лакаб) указано как «Дай-сэчен», а также называли его «Кейінгі Қоңырат» или «Екінші Қоңырат» (Конырат Второй). «Шешен» – это оратор-мудрец. Смысл имени «Удай-шешен» означает «непобедимый оратор, каждое слово которого является точным и поражает как яд». Одиннадцатилетний Майкы подружился с девятилетним Чингисханом, которого в то время звали «Темиршын», в доме Удай-шешена. Майкы, по казахским преданиям, называл тогда Темиршына «Шынтемір», т.е. «истинно стальной». В 15 лет Майкы был признан бием (общественным судьей-арбитром). В истории тюрко-монголов никто никогда не выбирал биев и не назначал. Бии признавались обществом или не признавались. Стоило лишиться общественного признания, и бий переставал быть судьей. Это касалось и таких высокочтимых в обществе званий, как «ду» и «бу». «Ду» – это оратор-языкотворец, обогатитель категориально-понятийного аппарата евразийских кочевников. «Бу» – это «бий над биями», «арбитр над арбитрами», или главный судья в обществе. Чтобы воинственные батыры-кшатрии, живущие по понятиям «ар-намыс» (кодекс чести, букв. «честь-гордость») не превратили жизнь в Степи в тотальную войну «всех против всех» и не перебили друг друга на дуэлях и в войнах, издревле возник институт «биев». Но, поскольку специальных учебных заведений в древности не было, то обучение и передача информации осуществлялись устным путем «от отца – к сыну, от дяди – к племяннику». Поэтому в каждом крупном племенном объединении существовала отдельная каста судей-арбитров, историков, психологов, дипломатов, философов-идеологов и мудрецов-пропагандистов, именуемых «би» [7]. В древнеарийском социуме их именовали брахманами, браминами, в древнекельтском - друидами. Институт

биев, по сути, выполнял функцию академии наук и академии права у народов Турана.

В 17 лет Майкы-бий получил признание как одаренный от природы языкотворец «ду», и его часто называли «Майкы-ду». Поэтому в «Сокровенном сказании монголов» при перечислении имен 95 ноянов Чингисхана он указан как «Мэгэду». Имя «Майкы-би» в китайских летописях указывается также и как «Мохоба», и как «Мохэду», и как «Мэгэду». В летописях мусульманских историков его имя перевели как «Байку». Как гласят казахские предания, весной 1206 года, сразу после инугурации, Чингисхан поручил Майкы-бию создать новый лаконичный образный язык для устного учения «Билік» о праве и морали. Майкы блестяще справился с заданием Чингисхана. В конце 1208 года все бии признали беспрецедентно метким, афористически емким и многогранным язык «Майкы би», в котором каждое слово было наполнено глубоким философским смыслом. В течение почти семи веков этот язык оставался элитарным языком казахских биев и назывался «билердің қызыл тілі» (красноречивый язык биев). Во второй половине 19 века Абай первым использовал образный язык Майкы бия для народной поэзии и достиг непревзойденных вершин как в философской, так и в лирической поэзии. В 20 веке этих же вершин достиг Ахмет Байтурсынов. И Абай Кунанбаев, и Ахмет Байтурсынов не уставали повторять крылатую народную поговорку: «Түгел сөздің түбі бір, түп атасы Майкы би» (все слова произрастают из одной корневой системы, которую создал Майкы-бий). Об этом же писал и великий казахский ученый Чокан Валиханов [8]. Абай подчеркивал, что каждое слово Майкы-бия является 90-гранным. Правильное понимание и адекватное восприятие его слов и выражений возможно лишь в контексте. Именно в сочетании с другими словами в предложении высвечивается не своя грань одного и того же слова. Ведь язык Майкы-бия является «қызыл тілі», т.е. красочным, художественно-образным. Вместе с тем каждое слово содержит глубоко содержательный символический смысл. Среди евразийских кочевников никто не достигал тех вершин языкотворческого и ораторского мастерства, которые покорил Майкы-бий. Поэтому

его называют «бидің биі» (бий над биями), «дудың дуы» (языкотворец, превзошедший всех языкотворцев). Чингисхан не случайно поручил именно Майкы-бию создать новый образный язык на основе языков народов Великой Степи. В те времена только он был способен создать новый категориально-понятийный аппарат нового мышления. Сам каган был признанным оратором и автором блестящих афоризмов, облеченных в стихотворную форму. Этот факт неоднократно подчеркивался в исторических произведениях, посвященных жизнедеятельности Чингисхана. Понимание значения меткого, образно-точного, емкого и содержательного языка для устной философской системы заставило Чингисхана обратиться к Майкы-бию. И он не ошибся, ведь новый язык мудрецов-биев, созданный Майкы на основе синтеза базовых, древних, но разнозвучающих понятий, придал новое дыхание традиционному мышлению и культуре потомков ариев, скифов, гуннов и тюрков. Как это ему удалось? Только благодаря древнему учению «Жасау ізі» («Яссы»), где отслеживалась родословная всех народов Евразии, происходящих от Великой праматери «Бір ана» (полный титул «Ал Бір Ана», др.-герман. «Альбруна») и ее сыновей Кибирия («Қ-бір» - ср. Гиммер, Гомер), Ибирия («І-бір» - ср. Иберия, Иверия) и Сибирия («Іс-бір» - совр. Сибирь отсюда). В преданиях кыргызов их имена звучат как «Қабыл», «Абыл» и «Сабыл».

Действительно, родословие Чингисхана отслеживалось в тридцати трех поколениях до кагана сары-жалаиров Тан-хана, а от него – до Бумын-кагана и, далее, до Арьи («Ар-ұя») и самого Кибирия, сына праматери человечества «Ал Бір-ана». Тем самым обосновывалась легитимность власти Чингисхана над всеми «народами, натягивающими лук» – от Тихого океана до Дуная, от Сибири до Гиндукуша. Более того, именно идейная поддержка отца и сына – Маниса «Тобе-бия» и Майкы-бия – позволила Чингисхану освободиться от влияния оппозиционно настроенного шамана «Көкше» (монг. «Кокочу»), присвоившего себе титул «Төбе Тәңірі» (монг. «Тэб-тенгри») [9]. Тем самым, благодаря интеллектуальной и дипломатической поддержке уй-

сунов Майкы и Мана, Чингисхан выиграл самую главную битву – битву за умы и сердца степняков.

О высокой оценке Чингисханом интеллекта Майкы-бия говорится также в «Дафтар-и-Чингиз намэ» [10]. В этом татарском предании говорится о том, как обижаемый родственниками Чингисхан ушел в степь «казаковать»: «Когда же не стало Джингиза, который ушел к Кайсакам, то братья его, Буденджар, Каенджар и Салджут насильовали и угнетали подданных. И народ, не в силах будучи боле терпеть, пришел к Алангу: Гой, Алангу! Лучше бы ты сына своего Джингиза и не показывала, а просто взяла бы души наши; теперь же, для чего, показав нам его, отымаешь душу нашу? О, подай нам весть о Хане нашем Джингизе..... потом, горько плачучи, продолжали: мы идем искать его... Имена же Беков, ходивших на поим Джингиза, были: 1-го Уйшин Майкы-би, 2-го Калдар-би, 3-го Урдач-би, 4-го Кибчак-би, 5-го Тамыан-би; 6-го Кереят-би, 7-го Буртан-би, 8-го Тимыркутлу-би, 9-го Мутыяр-би, 10-го Тангут-би. Эти десять беков, любивши Джангиза, составили совет и решили его искать... Кунграт, будучи наперсником и советником их, искать Джингиза также отказался; вышеименованные же десять человек, не взирая на Кунграта, ушли; а один из них, Уйшин Майкыби взял у Алангу, без ведома прочих Беков, перстень с резным камнем»... После долгих поисков беки во главе с Майкы-бием нашли убежище Чингисхана... «Джингиз-Хан спросил: Да кто же вас научил сюда притти? Они же отвечали: милость эту оказала нам мать твоя, Алангу; она нас и научила. Когда так, молвил он, то есть ли у вас знак от матери моей? И все Беки молчали, а Уйшин Майкыби снял с руки своей взятый у Алангу перстень и подал его. Джингиз-Хан, приняв перстень, посмотрел на него и признал его за гербовой перстень Алангу и улыбнувшись сказал: Гой, Майкыби, коли я буду Ханом, то ты будешь Беком; ибо, если бы ты не представил мне этого перстня, и от матери моей не принес бы мне знаку, то я бы вам никогда не дался, да и вам не бывать бы товарищами и сподвижниками моими»... [10].

Еще показательный момент из этого же источника: «Они же, услышав слова эти, бесконечно радуясь, говорили: И так, нам послал тебя Бог; и в благодарность к Нему за это должны мы лошадей своих, на которых мы приехали, пустить на волю. Сказав это, распустили они, ради обретения Джингиза, коней своих. Но Джингиз–Хан спросил: на чем же вы меня довезете? Они не знали на чем ему ехать, как Калдар–би сказал: я знаю одно искусство; они же просили: покажи нам его; и, чего доселе не умел ни один человек, Калдар–би, мастерством своим, построил телегу. И так, коли спросят вас, кто первый сделал телегу? то, должно отвечать: Калдар–би, сын Ялын–бия. Когда телега была сделана, то все просили Джингиз–Хана садиться. И так Джингиз–Хан, подошедши, осмотрел телегу и сказав: славно сработано, похвалил Калдар–бия, сел в телегу; а Беки его везли. Тогда Уйшин Майкыби сказал: Гой Беки! я наравне с вами ходить не могу; у меня ноги короткие. И прочие Беки спросили: что же ты станешь делать? Майкыби отвечал: я попрошу позволения Ханскаго сесть вместе с ним на телегу, да коли кто плохо везти будет, то стану толкать его тростью в спину. Они же отвечали: пожалуй, сделай это; и Уйшин Майкыби стал просить Хана: О, Хан мой, у меня нога коротка, я тащить телегу не могу; окажи милость, вели присесть вместе с тобою на телегу! И Джингиз–Хан отвечал ему: хорошо садись. Наконец, несколько времени спустя, Беки эти, везя Джингиза, достигли города Алангу и известив ее наперед вошли в палаты ея. А так как никто из них не знал, кому должно войти вслед за Джингизом, то Майкыби сказал: О Хан мой! Кому велите вы итти вслед за собою, волам ли, которые везли телегу, или хозяину, который их впрягал? А Джингиз отвечал: коли хозяин не войдет, так неужели бык войдет наперед? Тогда Майкыби, подбежав прытко вошел и занял место о правую руку Хана ... Потом Джингиз–Хан пожаловал Беков, которые ходили искать его, равно как и прочих званиями и местами и наградил их известными уделами. А еще, наделив каждого Бека особою тамгой, птицей, деревом и прозванием, разделил народ свой на разныя части. И во-первых сказал он

Кыяту, сыну Будеиджара: дерево твое сосна, птица кречеть, прозвание Аруджан, а тамга мотушка. Потом Джингиз–Хан сказал сыну Кунграт–бия, Сюнгля; гой, Сюнгля, твое дерево яблоня, птица сокол, прозвание Кунграт, а тамга знак луны. Потом еще Джингиз–Хан сказал: О Уйшин Майкы–би! твое дерево карагач (карагуч), птица орел, прозвание Салауйат, а тамга сога (срга, сырга) ... Еще же да будет ведомо, что Джингиз наделил каждого из поименованных Биев сообразно с воинственным духом их и ради важности латами, из коих каждая имели свое название; и во-первых, собственные Джингиза латы назывались буян (украшенный); у старшего сына его Ючи были латы кара-тау (черная гора); у второго сына Джедая были латы алтын-сандык (золотой сундук); у третьего сына Гедея латы назывались биктар (весьма узкий). Потом данные Джингиз–Ханом каждому из Биев латы, назывались: латы Кыята, сына Будеиджара, кала (город); Кунгратовы, айкултук (не полная луна); Майкы-биевы, чага–кузь (отблеск мечущий)» [10].

Майкы-бий, несмотря на физическое увечье, был талантливым военачальником. Поначалу он командовал полком, возглавляя тысячу уйсунов-бааринов, затем дивизией («тумен», десять тысяч бойцов), а после успешной хорезмской кампании вместе с биями Алшыном и Кунаном (Куман, Кубан) был откомандирован в распоряжение старшего сына Чингисхана Жошы (русск. Джучи). Ему пришлось подавлять бунт туркменского тумена. Как свидетельствует башкирский ученый, канд. ист. наук, доцент А.Б. Зарипов: «Майкы-бий превратился в крупного монгольского военачальника, и, по некоторым сведениям, участвовал в Западном походе». Общее командование всеми войсками в «Западном походе» осуществлял легендарный полководец Сыпатай батыр (монг. Субедей-багатур) под общим началом Бату-хана, внука Чингисхана.

Здесь начинается второй легендарный этап жизни Майкы-бия, когда он, совместно с Алшином и Кубаном помог Джучи дипломатическим путем привести к покорности основную часть племен Дешт-и-Кипчака. Алшын возглавил левое крыло войск,

Куман – центр, а Майкы-бий – правое крыло, костяк которого составляли племена Табын и Минг (соответствует казахскому роду «мың жүз»). Сейчас меньшая часть табынцев входит в казахский Бекарыс (Младший жуз), большая часть – в башкирский этнос. После выделения Джучиева улуса (одновременно с Джагатаевским улусом) в автономию, три бия – Майкы, Кунан и Алшын – произвели церемонию инаугурации Жошы в качестве хана: сбор курултая, поднятие на белой кошме, наречение новым титулом-лакабом и приведение к присяге. Джучи был присвоен титул Алаш-хан Третий. Алаш-ханом Первым был деятель эпохи Тюргешского каганата с титулом «Үш-үйлык» (кит. Учжилэ) и именем «Сары-үйсын» (не путать с Алаша-ханом по имени «Қара-Жаурын-түрік»). Алаш-ханом Вторым был деятель, сумевший объединить племена под лозунгом «кыпшак», ставшим самоназванием этой племенной конфедерации. После Джучи был еще Алаш-хан Четвертый (ногайский хан Ахмет, похоронен также в Улытау).

Термин «алаш» означает «пестрый». Действительно, Великая степь представляла собой пестрый конгломерат разноязыких племен. Примером служит широкая синонимичность казахского лексикона. Поэтому претендентам на ханскую власть во время инаугурации бии задавали древний традиционный вопрос: «Ер болам десең, жеті ата, жеті тілін білесін ба?» Это в смысловом переводе означало: «Претендуя на власть, знаешь ли ты все родословие тех родов и племен, которые собираешься возглавить, знаешь ли все их языки?» Вот какие требования предъявлялись правителям в то время. На месте инаугурации в горах Улытау Центрального Казахстана был установлен кулпытас (каменный монумент), на котором все вожди протоказахских родов и племен высекли свои родовые тамги. Эти камни в истории остались под названиями «Майкы таңбасы» (знаки Майкы) или «Нұра таңбасы» (знаки Нура) в честь местности, где они были высечены. Следует отметить, что родовая тамга табынов совпадает с родовой тамгой племени Дулат казахского Старшего жуза, а дулаты равно как и табынцы родословие возводят к Майкы-бию. По генеалогическому преданию, предком

семи племен – ысты, ошакты, шапырашты, сары-уйсын, албан, суан, дулат – является Байдыбек-би, советник Тамерлана и родной праправнук Майкы-бия. Тогда же, при Джучи хане, правому крылу войск (прообраз Старшего жуза) был дан уран (боевой клич) «Салауат», центру (Средний жуз) – уран «Қоңырат», а левому крылу (Младший жуз) – уран «Адай». Тогда же, по преданиям, был принят и единый для всех предков казахов уран «Алаш». В связи с этим, в народе сохранился идеологический императив, сформулированный Майкы-бием, в изложении Машхур-Жусупа Копеева: «Алаш» деген атты ұранға қойып; жауға шапқанда «Алаш-Алаш» деп шабындар. «Алаш» демегенді әкең де болса ұрып жыға беріндер» («Твой уран – «Алаш», с ним ты должен идти в атаку, а если встретится даже родной отец в бою, кричащий другой клич, то должен, не дрогнув, поразить его как врага»). О древности клича «алаш» говорят слова, также записанные Машхур-Жусупом Копеевым: «Кеше Алаш Алаш болғанда, Алаш хан болғанда, үйімыз ағаш болғанда, ұранымыз «Алаш» болғанда, үш жүздің баласы қазақ емес пе едің» («Когда Алаш стал Алашем, когда стал ханом Алаш, когда нашим домом стала деревянная юрта, когда нашим ураном стало имя Алаш, тогда стали мы казахами, детьми трех жузов») [11].

С тех пор трех биев – Майкы, Кумана и Алшина – казахи считают своими прародителями, возродившими из забвения имена Акарыс (старший жуз), Жанарыс (средний жуз) и Бекарыс (младший жуз). Конечно, нельзя воспринимать это буквально, поскольку сам процесс образования единой казахской нации как союза племен трех жузов продолжался несколько столетий и завершился лишь с разгромом джунгар и освобождением южных территорий от кокандского владычества. Тем не менее, народная память относит начало процесса именно к Джучи хану и его трем биям, а казахи-бекарысовцы по сей день собирательно именуют себя «Алшын», казахов же Старшего жуза обобщенно называют «Үйсын». По этой же причине великие казахские мыслители начала XX века назвали политическую партию «Алаш-орда», а не как-либо иначе.

И, наконец, еще одна ипостась разносторонней личности Майкы-бия: он считается отцом-основателем казахского «степ-

ного права». Как отмечал академик АН Республики Казахстан Салык Зиманов: «Майкы би был просвещенным деятелем, владел несколькими языками, прославился в свою эпоху как приверженец и идеолог свободы Великой степи кочевников, справедливого управления и справедливого суда в ней ... Майкы би считается и признается «отцом всех казахских биев», их родоначальником, авторитет которого в казахской правовой культуре являлся непререкаемым. Это зафиксировано во всеобщем правиле: «Түгел создiң тубi бiр, түп атасы Майкы би» – это трудно переводимое, но понятное всем степнякам основательное выражение, которое в смысловом переводе приблизительно звучит так: «Слова и сила справедливости – основы решения конфликта – так установил Майкы би». Авторитет Майкы-бия настолько был высоким, что, если судье-бию удавалось доказать, что его решение лежит в русле правил Майкы-бия, то это приводило к беспрекословному его признанию сторонами и их примирению. Однако злоупотребление именем Майкы-бия не допускалось. Это вело к крушению судебно-правовой карьеры бия ... Считается, что от Майкы-бия идут фундаментальные правила, определяющие основы суда и судебной деятельности в «свободной» Степи ... Вот некоторые из них: «Тура биде туған жоқ», – это правило имеет глубокую рамочную мысль и может быть передано: «У справедливого бия одна вера – это справедливость». Более поздней его редакцией считается добавление «...Туғанды биде иман жоқ» – «Би-судья, имеющий пристрастие к своим родственникам, разрушает святость своего сана»; «Әділ би қара қылды қақ жарған» – смысловой перевод: «Искусство бия состоит в том, что он при решении судебного дела поступает так, как бы он тонкий волосок делит на равные две части». Эти и другие дошедшие до нас отдельные установления, приписываемые Майкы бию, выражают принципы правового поля, характерные для свободной зоны Великой степи... Ничто не появляется на пустом месте. Из ничто не вырастает нечто! Так, три великих бия («Төле-би», «Қазыбек-би» и «Әйтеке-би» – прим. авт.) считали себя и были верными последователями Майкы би,

жившего в XII—XIII веках, учение и наследие которого признавались ими первоосновой судеустановления в Казахии, призванного обеспечить мир и стабильность в обществе кочевников» [12].

А главная заповедь, оставленная Майкы-бием для правителей всех веков и народов такова: «Ақ найзаның ұшымен, ақ білектің күшімен ел болуды ойландар» («острием праведного копья, справедливо применяя силу власти, заботьтесь о народе, о его бытии как единой нации»).

В завершение хотелось бы вновь процитировать Вениамина Юдина для иллюстрации важности изучения «устной историографии», или, как он сам ее назвал – «историологии» – кочевых народов степной зоны Евразии: «Перед исследователями вырисовываются контуры грандиозного объекта изучения, которое потребует приложения колоссального труда, но и раскроет широчайшие перспективы познания сокровеннейших тайн духовного, культурного, политического прошлого тюрко-монгольских и других степных кочевых народов. Осуществление таких исследовательских программ потребует, несомненно, выработки новых методик изучения источников и, возможно, оформится в особое историко-научное направление изучения кочевничества» [1].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Юдин В. П. «Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...» (Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI-XVIII вв.), Алма-Ата, 1983
2. “Республика Башкортостан”, № 31, Уфа, 1993
3. Карл Риттер «Землеведение Азии», том 2, Санкт-Петербург, 1859
4. Аристов Н. А. «Усуни и кыргызы или кара-кыргызы», Бишкек, 2001
5. Ауэзов М. О. «Путь Абая», том 1, Алматы, 2009
6. Сулейманов М.-Х. «Эра Чингисхана в истории казахской нации. Степная диалогия», Алматы, 2009

7. Сулейманов М.-Х., Сулейманов И. «Праиндоевропейские корни в казахском языке. Краткий философско-лингвистический и историко-этимологический справочник», Алматы, 2010
8. Валиханов Ч. Ч. «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды» (Собрание сочинений, том 1), Алма-Ата, 1961
9. «Чингисиана: свод свидетельств современников», Москва, 2009
10. «Дафтар-и-Чингиз намэ» (версия Хальфина, перевод В. Луганского), Казань, 1822
11. Артықбаев Ж.О. «Жеті жарғы. Оқу тұралы», Алматы, 2003
12. Сергей Ушаков «Беседы с академиком Салыком Зимановым», 2005, www.geokz.tv
13. Сулейманов М.-Х. «Классическая национальная идея казахов. Ключ к толкованию народных преданий», Алматы, 1998
14. Сулейманов М.-Х. «Реконструированные фрагменты учения «Жасау-ізі» (Яссы) с комментариями», Приложение 1 к книге «Эра Чингисхана в истории казахской нации», Алматы, 2009
15. Сулейманов М.-Х. «Шежіре», Приложение 2 к книге «Эра Чингисхана в истории казахской нации», Алматы, 2009
16. Сулейманов М.-Х. «Степная мораль и кочевое право (Традиционный суд биев)», КРЕ «Новое поколение», 20.07.2001
17. Сулейманов М.-Х. «Майкы-би о древних мыслителях времен ариев», КРЕ «Новое поколение», 08.09.2001
18. Сулейманов М.-Х. «Майкы-би о древних евразийских племенах», КРЕ «Новое поколение», 25.09.2001

Публикуется по: © Ильяс Сулейманов // Материалы конференции «Ақселеу Сейдімбек: ғылыми мұрасы және тәуелсіздік (ауызша тарих мәселелері)», ЕНУ им. Гумилева, Астана, 2013

«ИДЕИ И ЛЮДИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ»

Предисловие редактора

*Сказка – ложь, да в ней намек:
Добрый молодцам урок
(А. С. Пушкин)*

Дорогой читатель!

Предлагаемая вашему вниманию книга Мухамед-Халела Сулейманова «Майкы-бий и учение «Жасау-ізі» («Тропа существования») как историко-философский источник «чингизизма» (Древняя история народов Турана в преданиях казахских биев)» впервые выходит в свет спустя 5 лет после его ухода из этой жизни. Ровно столько времени мне потребовалось, чтобы собрать, обработать и синтезировать его публикации в различных периодических изданиях, изданные монографии, тезисы докладов и массу неопубликованных рукописей из семейного архива, где содержались фрагменты учения Майкы-бия «Жасау-ізі» («Яссы»). Ряд публикаций носил объективно закрытый характер, поскольку их автор в последние годы своей жизни работал в системе Министерства обороны РК, поэтому с их содержанием мне пришлось знакомиться по его черновым записям. Также к исходным рукописям пришлось обращаться и по ряду материалов, опубликованному в СМИ в сильно урезанном цензурой виде. Много времени также занимала редакторская и организационно-издательская работа по другим его трудам: «Эра Чингисхана в истории казахской нации. Степная диалогия», 2009; нашей совместной монографии «Праиндоевропейские корни в казахском языке. Краткий философско-лингвистический и историко-этимологический справочник», 2010; «Яркий носитель духа человечности. Стихи Ахмета Байтурсынова и думы о них», 2011. Лишь последние два года я смог сконцентрироваться на подготовке к изданию данной книги, несмотря на личные

обстоятельства, за что приношу читателям и светлой памяти автора свои извинения и надеюсь, что удовольствие и польза от чтения с лихвой компенсируют задержку публикации.

Судьба древнего учения, приписываемая народной памятью чингисхановскому нояну Майкы-бию, была столь же драматичной, как и судьба его носителей – казахов, башкир, татар, ногайцев, каракалпаков и десятков других туранских народов, где институт хранителей традиций и знаний – ру-аксакалов и биев – был уничтожен в период царского колониализма и сталинских репрессий. Об этом подробно пишет сам автор в своем предисловии. Но есть еще одно обстоятельство, сыгравшее свою роль в идейном третировании учения «Яссы», сделавшего его непопулярным и, тем самым, приведшего к его утрате задолго до прихода к власти большевиков. Немалую роль в девальвации моральных ценностей «чингизизма» как идейной и онтологической доктрины, основанной на тенгрианстве, в том числе и учения «Яссы», как его историко-философской основы, сыграл процесс исламизации, бурно начавшийся при золотоордынском хане Узбеке. Именно тогда был проложен этно-культурный барьер между туранскими народами Монгольской империи, ставший впоследствии непреодолимым, и идеологически отделивший казахов от узбеков, с одной стороны, казахов от казаков – с другой стороны, казахов от ойрат-калмаков – с третьей. Этот период знаменует собой начало конца знаменитой чингисхановской религиозной толерантности и веротерпимости.

Действительно: предки казахов, именовавшиеся одно время «кочевыми узбеками», исповедывали ислам суфийского толка и блюли древние тенгрианские традиции, в частности, поклонение духам предков «аруахам», тогда как седентарная и седентаризованная часть узбекского социума исповедывала ортодоксальный ислам, считая степняков «неверными». Узбеки и могулистанцы предпринимали «священные походы» (газават) против казаков и кыргызов. Об этом вполне ясно повествуется в многочисленных исторических хрониках, к примеру, в «Тарих-и-Рашиди» Мирзы Мухаммед-Хайдара Дулати. Но ярче всего это описано

у Фазлаллаха ибн Рузбихана, когда Шейбани-хан обратился к хорасанским, бухарским и самаркандским ученым-правоведам с просьбой дать заключение о законности священной войны узбеков против казахов: «Я тоже из числа хорасанских ученых; на одном заседании арифанского совещания поставили вопрос о священной войне против казахов. Я высказался в том смысле, что война против кзылбашей более священна, чем против казахов, произносящих мусульманский символ веры. У меня была цель предотвратить войну против казахов, но мои доводы не возымели успеха» [Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани, «Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя)», 1976]. Миротворческие усилия ученого не дали плодов: усмотрев существование некоторых «признаков неверия» у казахов, ученые богословы вынесли решение о дозволенности священной войны с ними. Одними из главных таких «признаков неверия» были следование степняками законам чингисхановской «Великой Ясы» вместо шариата, почитание предков по майкыбиевскому учению «Яссы» вместо святых, канонизированных в аврамических религиях, и называние детей именами героев тюркского и арийского эпоса вместо семитских пророков. Представители элиты той эпохи имели, как минимум, два имени – данное при рождении традиционное имя и мусульманское имя. Часто, возглавив известный род или племя, они отказывались от своего природного имени и принимали новое имя-титул, совпадающее с названием возглавляемого ими сообщества. Поэтому сейчас крайне сложно, а подчас невозможно, сопоставление персонажей устных народных преданий с персонажами исторических хроник. Простые же степняки исламской антропонимической традицией вплоть до XIX века широко не пользовались.

Но особенно раздражало ортодоксальных богословов почитание степняками – ногайцами, башкирами, казахами, кыргызами, каракалпаками – Великой праматери «Ал Бір-ана» вместо пророка Нуха. Настроенные непримиримо, эти догматики натравливали правителей на суфийских шейхов, поддерживающих степняков, ибо суфийские легенды удивительным образом

совпадали с древнейшими философскими учениями, собранными в своде «Яссы». Три сына Праматери – Кибирь, Сибирь и Ибирь суфиями туркестанского ордена «Яссауийя», разъяснявшими степнякам каноны веры, отождествлялись с авраамическими Хамом, Симом и Яфетом. Для суфиев из орденов «Яссауийя» и «Накшбандийя», в отличие от догматиков-ортодоксов, была важна суть, а не форма. В этом отношении они учитывали этническую психологию степняков, их тысячелетние обычаи и традиции, в особенности традиционно высокую роль женщины в кочевом социуме, в отличие от седентарных цивилизаций. Мужским шовинизмом они не страдали. Неспроста у казахов кыпчаков в числе родоначальников значится «Ақтам сопы», у аргынов – «Ақ сопы», «Қара сопы», «Сары сопы», «Тәнбіс сопы» («сопы» означает «суфий»). Но у ортодоксов это означало ересь, по поводу которой принимались специальные фетвы и объявлялись «священные войны» с целью искоренения этой ереси.

Впоследствии, после вхождения казахов в состав Российской империи, радикальные формы ислама возобладали, что стало приводить к утрате туранского устного историко-философского и культурного наследия и доминированию авраамического семитского. Вот что писал об этом выдающийся казахский ученый-этнограф, историк, географ и офицер-разведчик российского генштаба, Чокан Валиханов: «Кайсаки были 20 лет перед сим, до введения русским правительством окружных приказов, правоверные только по имени. Они по-прежнему продолжали свои шаманские обряды и заклинания и чтили баксы, служителя духов. Ни один батыр не знал, что за птица Мухаммед. Но теперь уже совсем не то: в короткое время, с открытия первых округов в 1822 году, ислам, благодаря заботам правительства сделал чудовищный прогресс... В каждом ауле есть мулла и подвижное медресе – школа; кто не содержит тридцатидневную уразу и пяти временный намаз, тот не имеет голоса и уважения родителей. Словом киргиз-степняк в фанатизме нисколько не уступает какому-нибудь стамбульскому дервишу, кувыркателю ордена

Мевлеви... Бог знает, будет ли для благополучия будущего от нового религиозного направления в степи. Не лучше ли было бы оставить их при прежней терпимости? Киргиз, как подобает живо увлекающемуся сыну степи, по уши погрузился в ислам, и не терпит ничего, что не согласно с кораном. Песни, древние поэмы, борьба, свобода женского пола и участие его в публичных увеселениях – все начинает выходить из употребления... Старики, жалуются на новизну; женщины тайно симпатизируют мнению стариков, молодежь большею частью колеблется – до женитьбы они вспоминают старину, а с женитьбою тотчас делают таубя (раскаяние) и исправно совершают требы, но заповеди и высокое подражание пророку (сунне) оставляют в стороне. Не лучше ли было бы оставить киргиз так, как они были прежде. Природные их таланты – устойчивость, их живой ум – в своей деятельности находят гранитный оплот в вере и разбиваются, и... прогресс массы их, хотя и делает большие шаги, но некоторые из них идут диаметрально противоположным ходом. В настоящее время, можно сказать, происходит незаметная, но сильная борьба старины с новизной: мусульманской, подражающей востоку, и русской. Так теперь. Знаменитые в степях музыканты не поют и не исторгают более взгляды удивления и слезы умиления от слушающих батыров. Не слышно больше «плача на падение Золотой Орды» – свобода их кончилась. Перерождаются и киргизы, вымирает племя каракалпаков, и старина татарская грозит падением и совершенным стиранием с лица Вселенной» [Чокан Валиханов, «Заметки по истории южно-сибирских племен», Собрание сочинений в 5-ти томах, т.1, 1984]. Так описал процесс идейного краха «чингизизма», а вместе с ним и его основы – «Тропы существования», «Жасау-ізі» – чингизид Чокан Валиханов.

Его отец, торе-султан Чингис Валиханов был близким другом хранителя этого учения по имени Жазы-бий (в российских хрониках Язу Янов). Жазы-бий, по свидетельству автора этой книги, горько сетовал на идеологическую войну, объявленную татарским духовенством «языческому» наследию тюрко-

монгольских народов. В знак протеста он отправил своего сына Бегена в кадетское училище, дав ему светское образование. Не исключено, что это явилось одной из причин написания писем протеста Чоканом Валихановым царскому правительству против экспансии татарских мулл в казахской степи, ведь авторитет бия в семье Валихановых был очень высок. Эти сведения мы почерпнули из уст самого автора, но они в настоящую книгу не вошли, поэтому приводим их здесь в качестве дополнения к тезису о роли ислама в этногенезе казахов [Предание семнадцатое «Үш жүз алаш-қазақ»].

В связи с этим позволю себе прокомментировать эту ситуацию с позиций диалектической логики: да, было время, когда вера действительно играла позитивную, сплачивающую роль – к примеру, в период казахско-джунгарского противостояния. Да, действительно, в ту пору казахи бились с буддистами калмаками под знаменем ислама и уничтожали своих недавних собратьев как «неверных» (ойрат-калмаки составляли «джунгар», правое крыло монгольских войск, предки казахов – «барунгар», правое крыло, т.е. были собратьями по оружию). Новая вера в ту эпоху давала людям душевные силы, пробуждала в них психологический подъем, стимулировала пассионарность, помогала вынести два столетия перманентной войны, джутов, страшный период «актабан шұбырынды» и побеждать джунгар. Однако полвека спустя то, что несло позитивный заряд, обратилось в собственную противоположность, описанную Чоканом. Такова объективная историческая диалектика, ее следует принимать беспристрастно как данность, ибо «все действительно разумно, а все разумное действительно» [Георг Вильгельм Фридрих Гегель, «Наука логики», 1969].

Подобная же картина раскола по вере наблюдалась и между общими предками «казахов» и «казаков». Разделение насельников Восточного Дешт-и-Кипчака с одной стороны, и уральцев, донцов, запорожцев – с другой, также происходило по религиозному признаку: первые приняли ислам, вторые – христианство, хотя те и другие приняли единый политический лозунг «казак»

как символ свободы. Изначально, в домонгольскую эпоху, крупные племенные союзы найманов, кереев, онгутов, а также часть уйгуров и кыпчаков исповедывали христианство несторианского толка – своего рода синтез раннехристианской доктрины и степного монотеистического тенгрианства (не путать с лесным шаманизмом, политеистическим псевдотенгрианством), главным принципом которого был «бог в сердце». Очевидно, что часть этих племен, сохранившая христианскую веру в период исламизации Золотой орды, и составила субстратную основу казачества Западного Дешт-и-Кипчака. Также очевидно, что христиане-несторианцы больше тяготели к русскому православию, чем к исламу идейных наследников хана Узбека. История с русским царем Симеоном Бекбулатовичем (до крещения – Саин-Булат) весьма показательна в плане раскола среди степняков по линии «христианство-ислам»: единства не было даже в среде чингизидов. В силу этого мнение автора о том, что «истинные последователи учения «Яссы» могли принять одну-единственную религию, а именно ислам» следует понимать в том ключе, что имя Майкы-бия сегодня действительно помнят те народы, которые исповедуют ислам, т.е. как констатацию факта, а не восхваление одной религии перед другими [Предание первое: «Кісілік» (человечество) и праматерь «Ал Бір-ана»].

Процесс культурной и языковой ассимиляции казаков с Государством Российским длился не одно столетие и институционально завершился лишь при Петре Первом, после кровавого подавления восстания атамана Булавина, превращения ранее выборной должности атамана в роль императорского назначенца, а военной службы – в обязательную государственную повинность. Хотя восстание уральского казака Пугачева в эпоху царствования Екатерины и его массовая поддержка башкирами и казахами Младшего жуза все еще свидетельствовала о прочности связующих нитей духа туранского единства. Позже российское казачество, перейдя на оседло-земледельческий образ жизни, превратилось в военно-земледельческое сословие, подчинилось царской администрации и окончательно манкуртизировалось, утратив этот дух [«Лекции

по истории донского казачества», 2007]. Следует отметить, что царское правительство подавляло булавинское восстание казаков силами той части джунгар-калмаков, которые приняли российское подданство. Их же русский царизм использовал и при насильственном включении ногайцев в состав империи. Так расправлялись с одними туранскими народами руками других туранцев.

Политика *divide et impera* («разделяй и властвуй») – давний способ управления поработенными народами, тогда как учение «Яссы» напрочь отвергало этот принцип, признавая его порочным и безнравственным. Действительно, внимательный и вдумчивый читатель заметит, что «красной нитью» и главной идеей всего учения является идея единства, соборности и общности всех турано-арийских народов. «Бірлік бар жерде тірлік бар» (единство – основа существования), – этот императив, вложенный в уста легендарной праматери человечества «Ал Бір-ана», повторяют все ее потомки, от Афрасиаба до самого Чингисхана. Неспроста выдающийся ученый-лингвист, этнограф и философ, князь Николай Трубецкой отличительной чертой «туранской психологии» называл «способность к государственному строительству крупного масштаба» [Н. Трубецкой «О туранском элементе в русской культуре», в сборнике «Наследие Чингисхана», 2007]. Этой способности служил принцип общественных отношений уважения и иерархичности «аға-іні» (старший-младший), который, согласно учению «Яссы», ввел легендарный создатель гуннской державы «Аққұс-Мәдиар» (Огуз-Мадьяр): «Ағасы бардың жағасы бар, інісі бардың тінісі бар» (старший – надежная защита и опора, младший – надежный и добросовестный исполнитель). Н. Трубецкой также точно подметил и эту черту: «Беспрекословное подчинение есть основа туранской государственности, но оно идет, как и все в туранском мышлении, последовательно, до конца и распространяется в идее и на самого верховного правителя, который непременно мыслится как беспрекословно подчиненный какому-нибудь высшему принципу, являющемуся в то же время руководящей основой и жизни каждого подданного» [там же]. Этот фактор сыграл свою историческую роль,

диалектически сменив «плюс» на «минус»: тюрко-монгольские народы, присягнув единожды «белому царю», искренне верили в его высшую мудрость и справедливость, а потому бились со своими собратьями, стравливаемые хитроумными политическими манипуляторами из далекого Санкт-Петербурга.

Учитывая все изложенные обстоятельства, а также трагедию сталинского геноцида, описанную автором, не приходится удивляться тому, что «Тропа существования» как целостное, последовательное учение перестало существовать и было утрачено. Однако фрагментарно оно сохранилось в народной памяти в виде генеалогических преданий-шежире и комментариев к ним, в виде пословиц, поговорок и наставлений, в форме эпоса, песен, легенд, народных сказок, примет и даже суеверий (напр. «албасты»). Четыре реконструированных автором фрагмента «Жасау-ізі» и шежире основных казахских родов были включены в качестве приложений в книгу М.-Х. Сулейманова «Эра Чингисхана в истории казахской нации», изданную нами в 2009 году. В настоящей книге, помимо упомянутых фрагментов, представлены дополнительно еще тринадцать преданий, расположенных в последовательности, соответствующей исторической хронологии. Помимо преданий из собственно «Яссы», в книгу также включены два предания о Джучи-хане и образовании казахского ханства – шестнадцатое и семнадцатое соответственно. Кроме основного раздела «Реконструированные фрагменты», большой интерес также представляют авторское предисловие и главы «Мои источники» и «О некоторых казахских понятиях», в которых заинтересованный читатель может узнать родословную автора, найти интересные факты нашей не столь давней истории, а также ознакомиться с понятийным аппаратом, менталитетом и психологией предков современных казахов. Все это в совокупности представляет бесценный этнографический, лингвистический и историко-философский материал, который проливает свет на ряд ранее «закрытых» тем – в частности, на этногенез многих тюркских родов и племен.

О проблеме изучения этнической истории народов бывшего СССР в период диктата коммунистической идеологии писал еще 10 лет назад российский ученый Виктор Шнирельман: «Настоящие занятия этногенезом, т. е. попытки проследить специфические пути становления отдельных народов, были в условиях господства сталинского интернационализма невозможны. Ученый, осмелившийся на это, рисковал быть обвиненным в великодержавном шовинизме или местном национализме, а отсюда недалеко было уже и до обвинений в фашизме...» [В. А. Шнирельман «Этногенез и этническая история», 1993]. Мы знаем, что казнь А. Байтурсынова, М. Дулатова, А. Букейханова, М. Тынышпаева и др. «алашордынцев» как раз осуществлялась по обвинению в «национал-фашизме».

О состоянии в Советском союзе в период т.н. «развитого социализма» исторической науки, в частности тюркологии, свидетельствуют гонения, которым подвергался известный ученый, автор «теории пассионарности» Лев Гумилев, казахский поэт Олжас Сулейменов и ряд других деятелей. О катастрофическом состоянии советской тюркологической этнографии свидетельствует ошибочный тезис самого Льва Николаевича, сформулированный им в книге «Древние тюрки»: «Здесь прежде всего нужно отметить, что хуннская традиция в Срединной Азии прервалась. Тюрки, потомки хуннов, ничего не знали о своих предках, также как монголы Чингисхана ничего не знали о тюрках. История Срединной Азии не может быть нам понятна, если мы не учтем двух разрывов традиций: между хунну и тюркским каганатом и между каганатом и империей Чингисхана. В перерывах лежат периоды обскурации» [Л. Н. Гумилев «Древние тюрки», 1967]. Согласно этого утверждения выходит, что у наших предков были приступы коллективной ретороградной амнезии в «периоды обскурации», причем носящие поголовно-всеобщий характер. Такое психическое заболевание в казахском языке именуется «мәңгір», а больные им – «мәңгүрт» (манкурт). Выходит, что в придуманные Гумилевым «периоды обскурации» все тюрки, а вслед за ними монголы, поголовно становились

манкуртами. Что ж, великие тоже иногда ошибаются! Но из чего исходил Лев Николаевич?

Концепция Гумилева исходит из явно ошибочной трактовки надписи на каменной стелле тюркского кагана Куль-Тегина: «Тюрки исчисляли своё существование от начала мира, но они полагали, что мир не так уж стар. Надпись Кюль-Тегина начинается с исторического экскурса: «Когда было сотворено [или возникло]верху голубое небо и внизу бурая земля, между ними обоими были сотворены [или возникли] сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган». Таким образом, начало мира датируется точно началом VI в. н.э. Значит, мир существует всего 200 лет. Здесь прежде всего нужно отметить, что хуннская традиция в Срединной Азии прервалась» [там же].

Логической предикативной связи между высказываниями памятника Куль-Тегина и выводами Л. Гумилева нет никакой, ибо под «началом мира» в памятнике орхоно-енисейской письменности имелось в виду начало конкретно «тюркского мира», а не мироздания вообще. Речь Куль-Тегин вел только о моменте прихода к власти своих предков – династии кок-тюрков Ашина, не более того. Тот факт, что между «сотворением сынов человеческих» и началом правления Бумын-кагана прошли века и поколения был настолько самоочевидным и банальным, что о нем Куль-Тегину, как нормальному человеку, даже не пришло в голову упоминать – личная эпоха в сознании любого аристократа начинается от основателя династии, а упоминание акта творения физического мира – просто поэтическая фигура речи. Таковы были *особенности жанра* тех времен и *образно-символические нюансы*. Тезис Гумилева, таким образом, безоснователен. Однако винить его нельзя: ученый не подозревал о существовании у гуннов, тюрков и монголов института биев – судей и мудрецов, хранителей древних знаний, передававшихся изустно, ведь писалась им книга «Древние тюрки» в 1967 году, когда уровень развития тюркологии оставлял желать лучшего. В связи с этим справедливо замечание кандидата исторических наук, доцента

кафедры всеобщей истории ЯГУ, этнографа Анатолия Игнатъевича Гоголева: «Гумилев не занимался специально происхождением современных тюркских народов ... Это наложило негативный отпечаток на ответы ученого» [А. И. Гоголев «Резонанс: Тюркская культура: прошлое и будущее» // Молодежь Якутии: 20.04.1989].

По учению «Жасау-ізі» в изложении казахской классической школы Майкы-бия, существовавший тысячелетия институт «биев» (у ариев «брахманы», у кельтов «друиды») служил противовесом военной аристократии и, несмотря ни на какие потрясения, хранил культурно-историческую традицию, генеалогию, необходимые общественные знания (хозяйственно-экономические, юридические, дипломатические), тем самым обеспечивая историко-культурную и политико-экономическую преемственность. Этой же парадигмы придерживался в своих трудах основоположник теории казахского правоведения академик Салык Зиманов [С. Зиманов «Казахский суд биев – уникальная судебная система», 2008]. Этих же концептуальных взглядов на историю тюрков, монголов и казахов как этнокультурной непрерывности, «историологического континуума», придерживался Вениамин Юдин, сформулировавший понятие «чингизизма» как культурологического феномена и введший в научный оборот термин «историология» (в противовес «историографии») применительно к кочевым народам Евразии, не имевшим письменных хроник [В.П. Юдин, «Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...» в книге: Утемиш-хаджи, «Чингиз-наме», 1992]. По Гумилеву же, целые народы регулярно впадали в коллективное беспамятство. Позиция ученого не удивительна, ибо он описывал то, что видел вокруг себя – тотальный коммунистический манкуртизм. Ошибкой было лишь безоглядно экстраполировать настоящее на прошлое. И эта ошибка ученого, повторимся, не его вина. Она лежит на совести советской тоталитарной системы, физически уничтожавшей носителей исторической памяти и в буквальном смысле превращавшей целые народы в зомбированных коммунистической пропагандой манкуртов.

Поэтому, завершая предисловие, констатируем значимость историко-философского наследия Майкы-бия и основанной им «классической» школы биев, как основы этногенетической преемственности, «культурно-исторического континуума» тюрко-монгольских народов, в противоположность прежней советской концепции «тюрко-монгольского манкуртизма», ибо учение «Яссы» являлось не только идеологической основой феномена «чингизизма», но было по сути для туранцев тем же, чем являлся «Ветхий завет» для семитов, «Авеста» для иранцев и «Ригведа» для индусов. Это историко-философское учение, названное В. Юдиным «устной историологией» степных кочевников Евразии, когда-то являлось энциклопедией многовековых исторических, правовых, географических и других знаний, жизненно необходимых кочевому социуму для их бытия.

*Научный редактор,
д.ф.н. И. М. Сулейманов*

*Несторианское
тюркское надгробие,
Иссык-Кульская обл.,
Кыргызстан*

**МАЙКЫ-БИЙ И УЧЕНИЕ «ЖАСАУ-ІЗІ»
(«Тропа существования»)
КАК ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ
ИСТОЧНИК «ЧИНГИЗИЗМА»**

**(Древняя история народов Турана
в преданиях казахских биев)**

*Светлой памяти мудрых аксакалов
Масгута Шайкемелева и
Султана Имбергенова,
а также памяти моего отца
Тулебая (Абдильды) Сулейменова
и мамы Аякоз (Кунше) Омаровой
посвящаю.
У них черпал я мудрость предков.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Казахи принадлежат к числу тех народов, которые вплоть до начала 30-х годов XX века пользовались преимущественно устной формой передачи информации. В устных народных преданиях излагались устоявшиеся традиционные учения духовно-философского, исторического, психологического, самоидентификационного характера. В них находило яркое выражение то, что называется «душой казахского народа» и «казахским менталитетом». К несчастью, в печально известные первые десятилетия советской власти были уничтожены практически все основательные знатоки и толкователи устных казахских преданий. Единичные носители этих преданий были вынуждены молчать под страхом немедленных репрессий. Тоталитарная идеологическая си-

стема вообще привила населению высокомерное и, можно сказать, презрительное верхоглядство не только в отношении религиозных верований, но и в отношении традиционного мышления народов. Идеологи тоталитаризма быстро сообразили, что если уничтожить носителей устной народной памяти тех народов, для которых были характерны устная педагогика, устная философия, устная история, то можно смело писать для них большевистскую историю, начиная с 1917 года. В частности, такой подход эффективно практиковался по отношению к казахскому народу. В период сталинизма было физически уничтожено и принуждено к эмиграции свыше 3,5 миллиона казахов из 5,7 миллиона общего населения Казахстана. Вследствие этого сегодня, к прискорбию, безвозвратно утеряно большинство фрагментов устного эпического наследия и истории, касающейся казахов и многих родственных им тюркских народов.

В настоящей публикации приводятся народные предания, приписываемые легендарному Майкы-бию, его правнуку Байдибек-бию, Жалантос-бию, Толе-бию, Айтеке-бию, Жазы-бию и другим мудрецам, которые позволяют узнать неизвестные страницы истории народов Турана, распознать символику образного мышления степняков, проникнуться историей духовно-философских исканий общих турано-арийских предков, понять проблему самоидентификации казахов в среде евразийских народов, познакомиться с традиционными основами национального менталитета, классической национальной идеей казахов. Не зря в народе веками бытует поговорка: «Түгел сөздің түбі бір, түп атасы Майқы би», т.е. «все устные источники имеют один корень, их праотцом является Майкы-бий».

Устные народные предания отличаются той особенностью, что они обращены непосредственно к слушателю и вызывают личностные переживания, образы и ассоциации. Внимательный слушатель невольно становится не только участником

событий повествования, но и соавтором. Народные предания тем и ценны, что несут в себе субъективную информацию. Известно, что любой народ является объектом экономических, политических, военных, научных интересов. Среди множества вопросов, интересующих экономистов, политиков, военных и ученых далеко не последнее место занимает вопрос: «О чем говорит народ? Что думает народ о себе?» Народ же ценит в себе свою самооценку, духовную самодостаточность, иначе он не был бы народом. Как и для индивидуума, для народа важно не только то, что о нем думают другие, но и, пожалуй, в первую очередь, то, что думает он сам о себе. Думы народа о себе как раз выражают устные предания, поэтому они носят субъективный характер. Субъективностью пронизан и сам процесс передачи народных преданий из уст в уста; каждый участник процесса вносит в повествование частицу своей души, частицу своей сопричастности к миру, своего миропонимания, мировоззрения. Это наполняет предание жизнью, придает ему особую национальную окраску, притягательную эмоциональность. Вот что писал великий Абай об образно-красочном языке исторических преданий биев:

*«Не каждый может нанизать
Слов жемчуга на мысли нить,
Иль сердцем как друзей принять,
Иль крик души в них ощутить.
Не могут равно языку
Узоры тонко наносить
Ни рукодельницы игла,
Ни соты вьющая пчела».*

(перевод М.-Х. Сулейманова — прим. ред.)

МОИ ИСТОЧНИКИ

Мне крупно повезло в жизни в том отношении, что имел счастье родиться в семье казахских «аристократов духа», не поддавшихся сталинской политике «манкуртизации»: мой отец, Сулейменов Толеубай (1900-1974 гг.), имевший от рождения имя «Әбділда» – сын Райымкула по прозвищу «Сарт», внук Шомана, правнук Басбека, в честь которого названа местность в окрестностях Костаная, Басбек – потомок кыпчакского ру-аксакала Толе-батыра, сына Ырысымбета, сподвижника Абылай-хана. В двадцатые-сороковые годы XVIII века Толе-батыр командовал левым крылом войск легендарного тархана Кошкар-улы Жаныбек-батыра. Ырысымбет – прямой потомок Колденена, Колденен – внук легендарного вождя всех кыпчаков Кобыланды-батыра, который был в молодости военачальником у Тохтамыша, а в старости – у Абулхаира Первого («узбекского»). Отца моего коммунисты репрессировали в период «сталинской коллективизации», конфисковали весь скот, а после Тургайского восстания 1929 года отправили в тюремное заключение. Он сумел бежать оттуда, найти семью, но за этот период скончались от голода и болезней восемь его детей – моих старших братьев и сестер.

Устные предания передавались у нас в роду из поколения в поколение. Главным источником исторических преданий была моя мама – Омарова Кунше, с именем от рождения «Аякөз» (1900-1973 гг.). По отцу она была правнучкой знаменитого Жазы-бия (1801-1846 гг.), известного в российских хрониках как Язу Янов, из рода «таз» аргынского племени «сары-жетім». Жазы был признан бием в восемнадцатилетнем возрасте. Позже он получил звание почетного гражданина Российской империи и чин казачьего войскового старшины, который приравнялся к армейскому чину подполковника, по указу императора Николая Первого. Прямые потомки Жазы-бия получали, таким образом, по наследству звание почетного гражданина и большие льготы при поступлении в военные училища. Свои звания и чин

Жазы получил за помощь в проведении границ между Сибирью, Оренбуржьем и Казахстаном. Он возглавил специальный экспедиционный отряд и после продолжительных поисков отыскал древние насыпные курганы, которые когда-то обозначали границы между Казахским, Ногайским и Сибирским ханствами. Жазы провел также прямой почтовый тракт от Акмолинска до Омска. Этот тракт в народе называли «Жазының қара жолы» или «черноземная дорога Жазы». В Костанайской области ещё живы аксакалы, которые могут указать дорогу Жазы-бия. Предком Жазы-бия был легендарный Жанузак-батыр по прозвищу «Қарабалуан» (Смуглый силач). Он был другом и соратником ру-аксакала Среднего жуза Жаныбек-батыра, которому русская императрица Анна Иоановна присвоила звание «тархан» (князь-фельдмаршал). Их имена, как при их жизни, так и после смерти, всегда произносились вместе, звучали почти слитно. Карабалуан командовал центром и одновременно резервом легендарного ополчения Жаныбека, изгнавшего джунгарских захватчиков из всех северных территорий Казахстана. О них Ахмет Байтурсынов писал:

*«Карабалуан, Жаныбек,
Каздаусты Казыбек
Духом стойкости народ
Вооружили вы навек».*

(перевод М.-Х. Сулейманов – *прим. ред.*)

А вот строки Магжана Жумабаева:

*«Каздаусты Казыбек,
Карабалуан, Жаныбек,
Вы в героизме показали
На что способен человек».*

(перевод М.-Х. Сулейманов – *прим. ред.*)

Когда в конце 40-х годов XVIII века Карабалуан внезапно скончался от жестокой простуды и воспаления лёгких, что было вызвано суровым климатом северных территорий Казахстана,

Жаныбек-батыр лично руководил его похоронами в Туркестане. Он попросил в будущем похоронить его рядом со своим неразлучным другом и соратником. В начале 50-х годов, когда скончался сам тархан Жаныбек, его завешание было выполнено. Он похоронен в Туркестане рядом с Карабалуаном.

Карабалуан Жанузак-батыр был зятем самого «Төле-би» из племени «дулат» (Толе Алибек-улы (1663-1756 гг.)), верховного бия всего Старшего жуза, потомка Байдибек-бия, соратника Тамерлана. Жена Карабалуана – Акжаркын по прозвищу «Жаксыана» (Добрая мать), прабабушка Жазы-бия – была достойной воспитанницей Толе-бия, который всегда повторял мудрость Майкы-бия и Чингисхана: «Жаксы қатын еркекті тұлпар сияқты көкке жеткізеді». Это означало: «Хорошая жена, подобно тулпару, способна возвысить мужа до небес». Толе-бий знал глубоко учение «Билік» о морали и праве. Ныне образно-символический язык биев является своего рода латынью. Он утрачен.

Толе-бия называли также «Қарлығаш-би» (Ласточка-бий) и «Святой покровитель Ташкента». Согласно преданию, в Ташкенте сопротивление власти джунгар возглавил справедливый судья, поэт и оратор Толе-би Алибекулы из племени дулат. С его именем до наших дней связано почитаемое казахами священное место – мавзолей «Калдиргоч бий», сохранившийся в историческом центре Ташкента рядом с мавзолеем шейха Хованд Тахура. По народной легенде, когда с востока начали надвигаться неслетные орды джунгар, люди в панике бросали обжитые места. Но Толе-бий не оставил своего жилища. Галдан Цэрэн, привыкший к тому, что одно его имя наводит на мусульман ужас, приказал привести к нему судью, и спросил, неужели он ничего не боится. Толе би ответил, что не захотел разбирать свою юрту, чтобы не разрушать гнездо ласточки с новорожденными птенцами. Суровый тайши растрогался и не причинил никакого зла праведнику и его сородичам. С тех пор Толе-бия стали называть Карлығаш (узб. Калдиргоч) бий, т.е. «судья Ласточка». Впоследствии он своим примером поднял народ на борьбу с джунгарами, а после изгнания иноземцев был избран правителем Ташкента,

и после смерти был похоронен с великими почестями рядом с могилой святого шейха Хованд Тахура. Толе-бий также хорошо знал учение Майкы-бия «Жасау ізі» («Яссы», или «Тропа существования») об истории и философии степняков. Сохранилось ли «Жасау ізі»? Позволило ли преобладание устной передачи знаний в степи продолжить потомкам это учение? Наше семейное предание говорит об этом следующее:

В период 20-50-х гг. XVIII века, когда казахи страдали от нашествия джунгар и жизнь каждого мужчины висела на волоске, Толе-бий создал женскую школу передачи знания «Жасау ізі». Истинной преемницей стала его удочеренная племянница «Ақжарқын» по прозвищу «Жақсы-ана». В 1719 году она вышла замуж за знаменитого батыра Жанузака Алдияр-улы, по прозвищу «Қарабалуан». Потомки Карабалуана, воспетого в произведениях Асаубая Тактака и Ахмета Байтурсунова, и его жены Жаксы-аны продолжили передачу учения «Жасау ізі» в версии Толе-бия.

Карабалуан был легендарным батыром, но он никогда не претендовал на роль руководителя рода-общины. Настоящей «рубайбише» стала Жаксы-ана в силу неординарных личностных качеств. Ей не пришлось ждать признания сородичей в течение 8-10 лет, как обычно приходилось завоевывать авторитет снохам. Уже через год новая родня у нее учились мастерству вести хозяйство, а затем и растить детей. От Карабалуана родился сын Акмолла. Назвали его так в честь известного башкирского батыра и миссионера Акмуллы из племени «кыпсак» (кыпчак), который приходился сватом и другом Карабалуану. В юном возрасте Акмоллу на карьере бия благословил (каз. «батасын берген») сам Абылай-хан, когда в качестве почетного гостя гостил в ауле Жанузак-батыра – такое впечатление на него произвел результат воспитания Жаксы-аны. С тех пор, благодаря мудрости Толе-бия и его воспитанницы Жаксы-аны, потомки Акмоллы стали хранителями учения Майкы-бия «Жасау-ізі» и потомственными биями. Акмолла, бий крупного племени «сарыжетім», был погребен на вершине холма, который оказался в пределах города,

называвшегося в его честь Акмолинском, затем Целиноградом, а ныне Астаной. Хоронил его «антгас» (клятвенный побратим) хан Среднего жуза Уали – дед Чокана Валиханова.

В императорских архивных документах Жазы би отмечен как почётный гражданин старшина Язу Янов. Когда в 1834 году был образован Аман-Карагайский округ, то старшим султаном окружного приказа был избран Чингис Валиханов (отец Чокана), а заседателями от казахов были избраны Жазы-бий (Язу Янов) и Есеней батыр Естемесов. Жазы-бий постоянно опекал семью Уали после смерти хана в 1819 году. В 1827 году двадцатилетний Жазы-бий сопровождал шестнадцатилетнего Чингиса Валиханова при его поступлении в училище Сибирского линейного казачьего войска. Позже, когда султан-полковник Чингис Валиханов и его двоюродный брат-султан Кенесары Касымов оказались в состоянии непримиримой политической оппозиции друг к другу, Жазы-бий встал на сторону Чингиса Валиханова. Несмотря на этот поступок, Кенесары Касымов продолжал ценить Жазы, как справедливого бия. Заслуга Жазы была и в том, что воины Чингиса Валиханова и Кенесары Касымова ни разу не столкнулись в открытом бою. Полковник Валиханов командовал отрядом казахов численностью в пять тысяч сарбазов и двумя дополнительными казачьими полками. Число воинов Кенесары приближалось к десяти тысячам. Жазы-бий командовал отрядом в пятьсот сабель, в котором было 300 казахов и 200 казаков. Этот отряд был, по существу, разведывательным. Кенесары избегал прямых широкомасштабных боев, поскольку его войско страдало от недостатка огнестрельного оружия. Его небольшие отряды появлялись то там, то здесь, внезапно совершали набеги и тут же скрывались. Эти отряды наносили ущерб тем общинам, которые присягнули в верности султану Чингису Валиханову. Секрет неуловимости отрядов Кенесары знали только два человека: сам султан Кенесары и Жазы-бий. По следам конных отрядов прогонялись стада коров и отары овец. Затем совершенно в другом направлении прогонялись табуны лошадей. Жазы-бий всегда вёл за собой казачьи полки по следам

конских копыт, хотя прекрасно знал, что следы войсковых коней Кенесары заметены следами двух-трёх сотен коров и четырёх-пяти сотен овец. В результате, прямых столкновений и жертв между противниками не было. Зато угнанные табуны лошадей нередко возвращались хозяину. Такая тактика способствовала повышению популярности султана Чингиса Валиханова, тогда как угон скота, совершаемый отрядами Кенесары, авторитета ему не прибавлял. В те времена к барымте прибегали лишь в тех случаях, когда не исполнялись решения суда биев. Без решения суда никто, включая ханов и султанов, не имел права прибегать к барымте. Кенесары нарушил этот древний обычай, уверенный, что его служение благородной идее национальной независимости оправдывает подобные средства. Добившись избрания себя всеказахским ханом теми ру-аксакалами, которые поддерживали его, он ушел из территории Среднего жуза на территорию Старшего жуза, чтобы увеличить число своих сторонников среди казахов. После этого Жазы-бий и Есеней-батыр уговорили полковника Валиханова придерживаться политики полного нейтралитета в отношении хана Кенесары. Сам Кенесары за 10 лет войны с царизмом избежал братоубийственной борьбы среди казахов. Он прислушивался к мнению биев, среди которых выделял Жазы-бия – и в этом его выдающаяся заслуга как политика, последнего казахского хана. Трагическая ошибка его была в том, что он пошёл на поводу у провокаторов, затеявших войну между казахами и кыргызами. Убит он был кыргызами во время одного из набегов на их территорию.

Сын Жазы-бия – Беген – также стал бием. В архивных документах он именуется как потомственный почетный гражданин Российской империи хорунжий Беген Язуев. Он был доверенным лицом полковника Чингиза Валиханова и западнофилом в своих убеждениях, в отличие от своего отца. Зная прекрасно русский язык, Беген посещал Омск, Оренбург, Уфу, Казань. Он считал, что влияние западной культуры на татарский народ только укрепило эту нацию. Потому, считал он, татары перестали делиться по племенным и родовым признакам. Их взаимо-

выручка и взаимоподдержка были выше, чем у казахов. В своей бытовой культуре они стояли выше многих других тюркских народов. Татарское духовенство являлось одним из самых передовых в исламском мире. Потому Беген приглашал в казахские степи выпускников духовных училищ из Оренбурга, Уфы, Казани. Но все они облюбовывали для проживания города. Аульная жизнь была непривычной для них. Беген способствовал тому, что несколько торговцев из Уфы и Казани приехали в Костанай, а затем некоторые из них стали купцами.

В 1850 году хорунжий Беген Жазы-улы в течение 10 дней находился в Москве, возглавив казахскую делегацию или, как записано в архивных документах «киргиз-кайсацкую депутацию». После возвращения он раздумал отдавать на учебу в Омский кадетский корпус своего десятилетнего сына Омара. Он решил, что Омар посвятит себя написанию тех устных исторических повествований, которые передавались из поколения в поколение, начиная от Жаксы-аны, но не получили письменной фиксации. Семейными хранителями преданий, передаваемых от поколения к поколению, были Акмолла, Жан, Жазы и сам Беген. После поездки в Москву и знакомства с русскими историками Беген ввел в правило регулярно собирать у себя знатоков устных сказаний. Омара он приучил присутствовать на этих беседах, внимательно слушать и запоминать их содержание. Делать записи по ходу рассказов было невозможно, хотя Омар владел пером и «арабской вязью». Специфика устных народных преданий такова, что минутное отвлечение от слушания может привести к упущению интересной исторической детали повествования. С 5 лет Омар был приучен отцом слушать народную музыку в исполнении самых лучших кюйши, салов и серов. К 10 годам он уже знал народные эпосы и былины. Свои первые черновые записи Омар переписывал по несколько раз, поскольку Беген снова и снова перечитывал их и делал поправки. Отец учил сына не только добросовестно излагать, но анализировать сотни легенд, услышанных от разных рассказчиков в различных вариантах. Когда в 1890 году Омару исполнилось 50 лет, то у

него было уже два больших сундука рукописей. Позже он перечитывал и правил свои записи, пытаясь придать им органичную единую систему. Затем он приступил к написанию своей книги о национальном видении казахами своей истории. Работа продвигалась медленно, поскольку один за другим случились два джута (продолжительных периода зимней гололедицы и бескормицы скота), которые привели к существенному сокращению поголовья скота. Все богатство Омара составляли табун лошадей в сто голов, стадо коров в столько же голов и отара из 300 овец. По существу, он уже не был баем. Многие середняки обладали таким же поголовьем скота. Но по сравнению с ними Омару, как ру-аксакалу, приходилось нести значительно больше расходов, поскольку он был обязан думать о благополучии всего рода. Он готов был скорее рисковать здоровьем и жизнью, чем потерять доброе имя. Он помнил о понятии «бай-ар» в учении Майкы-бия, что означало «честь и достоинство состоятельных людей». Кроме того, будучи почетным гражданином Российской империи, Омар имел привилегии свободного доступа ко многим чиновникам, а потому немало времени тратил на то, чтобы по просьбам сородичей отстаивать их права в уездных коридорах власти. Также временами приходилось ему разрешать недоразумения, которые возникали порой между казаками и русскими казаками. Казаки причисляли его к своему сословию, поскольку он был сыном хорунжего Бегена и внуком войскового старшины Язу Янова. Омар обладал потомственным правом числиться сотником, но он не оформил официально этот чин, будучи равнодушным к военной карьере и помня завет отца писать об исторических преданиях. Тем не менее, казаки называли его сотником, и предпочитали, чтобы именно он разрешал споры, временами возникавшие между аульчанами и станичниками. Потому у Омара оставалось мало времени написание книги. Омар был очень деликатным, мягким и культурным человеком. К своим шестидесяти годам он был полон сил и энергии. Его спокойствие и самообладание были всем известны. Он был верующим человеком. Не сетовал на судьбу. Не пил арак

и другие алкогольные напитки, не употреблял табак. В своей аккуратности, опрятности и размеренности жизненного уклада был педантичен. Вставал очень рано, прогуливался вдоль озера. Затем садился за круглый столик и работал с пером в руках до самого обеда. Неграмотные аульчаны порой подсмеивались: «И что наш бай в белом костюме столько пишет?» Так он работал до обеда. Затем снова отправлялся на прогулку и опять работал, пока не начинало смеркаться. Лишь поздним вечером он общался с сородичами и с гостями, которые часто заезжали в его гостеприимный аул. В начале 1912 года Омар скончался в возрасте 72 лет. Ровно через год, следуя казахскому обычаю, его вдова, моя бабушка Жаниса вышла замуж за Дилима, которого Омар назвал своим наследником. Все дети Дилима и Жанисы писались Омаровыми. 1 октября 1913 года родился сын Дилима и Жанисы. Его назвали Ильясом. Имя это было дано не случайно. За полгода до рождения в округе случилось большое половодье, во время которого Дилим чуть не погиб, спасая скот от неминуемой гибели. Чудесным образом, Дилим спасся сам и спас весь аульный скот с помощью сородичей. Это было хорошим предзнаменованием и для будущего сына. Потому, когда на свет появился мальчик, его назвали Ильясом. По мусульманским преданиям это имя принадлежало покровителю воды. Считалось, что во время наводнений Ильяс спасает всё живое, включая людей и скот. Мальчика записали Ильясом Омаровым. Так родился человек, ставший выдающимся деятелем Казахстана, которого Бауыржан Момыш-улы называл «истинным казахом», а Мухтар Ауэзов – «лучшим из сущих». Габит Мусрепов писал об Ильясе Омарове на казахском языке: «Если представить себе человека, сотворенного из таких идей как нравственная чистота, неиссякаемая тяга к братству, непреклонное милосердие, который бы за всю свою жизнь не запятнал ни единой соринкой такие понятия, как гражданственность, человечность, справедливость, товарищество, дружба, то такой человек был бы никем иным, как Ильясом Омаровым».

Много жестокости и страха принесла гражданская война. Голод и нищета пришли в казахские аулы. Аул Омара, к счастью, голода не знал. Но что такое бедность, узнали многие семьи. Наибольший урон хозяйству приносило стремление выполнить большевистский план по продразверстке. Чем больше они старались, тем большие цифры проставлялись в плане. В 1920 году, когда скончалась Жаниса, Ильясу было неполных восемь лет. Не успели справить сорокадневные поминки, как однажды вечером прибежал Шайсултан Нурпеисов и сообщил ошеломляющую новость: завтра с утра начнётся конфискация имущества Омаровых. Сам он вместе с тремя другими близкими родственниками, временно проживавшими вместе у него дома, быстро сделал следующую работу: они вынесли три кованых сундука и зарыли их в потаенном месте. В двух сундуках хранились рукописи Омара, в третьем небольшом кованом сундуке хранились награды и подарки, полученные Жазы-бием из рук царя Николая Первого. Среди них были два пистолета и кинжал с ручкой из слоновьей кости и бриллиантами на серебряных ножнах. Примерно через час пришли милиционеры с активистами, которых народ презрительно звал «бельсенды», что в переводе означает «бездумно решительные». Они описали всё имущество, среди которого их больше всего интересовал скот. Они объявили, что отныне вся земля Омаровых переходит в собственность государства, а распоряжаться ею будет только что созданный «комбед» (бедняцкий комитет). Дилим и десятка два других родственников-мужчин были взяты под арест. Позже они были этапированы в Сибирь и там погибли. Среди них были и те три джигита, которые вместе с Дилимом закопали сундуки в неизвестном месте. Они унесли с собой тайну этого воистину бесценного клада, если иметь в виду рукописи Омара и исторически ценные подарки русского царя. Моя мама Кунше вышла замуж за моего отца за год до описываемых событий и жила в ауле свекра за сто с лишним километров от родных мест, в ауле Басбек. Ильяс остался круглым сиротой. Через три дня дядя Султангали привез Ильяса в свой дом. Осенью того же года он

устроил Ильяса и своего сына Кенжебая учиться в Казкомунну в городе Костанае. Так называлась восьмилетняя школа-интернат, открытая усердиями Ахмета Байтурсынова в его бытность народным комиссаром просвещения республики в начале двадцатых годов. Казкомунну часто посещали руководитель отдела народного образования города Султан Имбергенов, заведующий финансовым отделом Куттыгожа Сартов, заведующий сельскохозяйственным отделом Жагыфар Султанбеков, юристы Ахмет Беремжанов и Нурман Казов, журналист Амангали Сегизбаев. Они помогали создать в интернате атмосферу уюта, тепла, чистоты, порядка, защищённости от голода и болезней, а также дружбы и сплочённости. Эти руководители были глубоко интеллигентными и порядочными людьми. Благодаря подобным людям народ проникался доверием к новой советской власти, несмотря на все ужасы лишений. Облик, поведение, поступки таких людей были самым лучшим примером детям. Совместными усилиями городских руководителей, педагогов и воспитателей в интернате залечивались раны в сиротских душах. В них сеялись зёрна надежды и веры в будущее. Рукописи Омара были утрачены, но моя мама, Кунше Омарова, и дядя Ильяс Омаров рассказывали то, что смогли запомнить.

Также судьба дала мне счастливую возможность подолгу общаться с двумя такими неординарными личностями, носителями устных народных преданий, как аксакалы Масгут Шайкемелев и Султан Имбергенов. Масгут Шайкемелев – родной дед моей супруги Умутжан Шайкемелевой. Султану Имбергенову она приходится внучатой племянницей. Считаю приятным долгом дать краткую справку о жизни и деятельности этих двух «табиғи» (природных) казахов.

Аксакал Масгут Шайкемелев (1887-1968 гг.) являлся прямым потомком тархана (князя-фельдмаршала) Кошкар-улы Жаныбекбатыра из аргынского рода шакшак (род. в 1693 г.) Масгут родился от Шайкемеля, Шайкемель – от Беремжана, Беремжан – от Шегена, Шеген – от Мусы, Муса – от Даутбая, Даутбай – от тархана Жаныбека, Жаныбек – от Кошкара, Кошкар – от Кошея,

Кошей – от Шакшака, Шакшак – от Аманжола, Аманжол – от Шагыра, Шагыр – от Ермена, Ермен – от Елемеса, Елемес – от Откырсопы, Откырсопы – от Танбыссопы, Танбыссопы – от Акжол-бия (Даиркожы). Даиркожа был прозван «Акжол би», т.е. «бий Светлый путь» за принципиальную и последовательную приверженность идее создания единой политической нации в рамках независимого казахского государства. В 30 – 50-х гг. XV в. Даиркожа был визирем (политическим советником) хана Абулхаира Первого (Абулхаира Узбекского), единолично руководившего всем узбекским государством, простиравшимся от Памира до Сибири и в состав которого входили большинство протоказахских племен и родов. Акжол-бий разработал стратегию и тактику отделения казахов от узбекского государства и создания нового независимого государства. В народных преданиях говорится, что он опирался на идею ру-аксакала (старшины) рода «алаша» по имени Жуман, прозванного в народе «Алаша-ханом Ногайским».

Предок Масгута Шайкемелева, зауряд-сотник, волостной управитель Тургайского уезда Беремжан Шегенов (1817-1873), будучи бием у аргынов жогары-шекты хорошо знал семью Жазы-бия и дружески общался с моим предком Бегеном Язуевым, который был бием у аргынов томен-шекты. И когда мы познакомились с моей будущей супругой Умутжан Шайкемелевой, то старшие, знающие историю, расценили это как знамение судьбы.

Еще в возрасте 25 лет Масгут Шайкемелев был признан авторитетным знатоком и толкователем устных народных преданий. Замечательным фактом его биографии является то, что он был активным участником и непосредственно общался с лидерами демократического национально-освободительного движения «Алаш Орда». С одной стороны, Масгут Шайкемелев был женат на родной сестренке Жиханшаха Сейдалина, Гульжихан (1889-1966 гг.), которая окончила гимназию в 1907 году. С другой стороны, он приходился двоюродным братом Ахмету и Газымбеку Беремжановым. С 1912 по 1916 г. Масгут Шайкемелев трижды

бывал в Оренбурге, где встречался с Алиханом Букейхановым и Ахметом Байтурсыновым. Неоднократно бывал в гостях в доме Мир Якуба (Мыржакыпа) Дулатова. В 1930/32 гг. Масгут Шайкемелев находился в заключении в системе ГУЛАГ. Летом 1932г. в Сибири его отпустили «на все четыре стороны», поскольку посчитали приговоренным к смерти от истощения. Он чудом уцелел и добрался до семьи в г. Ташкент. Еще более трагическая участь была у его родственников: к примеру, его двоюродного брата Газымбека Беремжанова, закончившего в 1926 году Берлинский университет им. Гумбольдта, большевики расстреляли в 1937 году за связи с Мустафой Шокаем и алшордынцами. В период Второй мировой войны, сражаясь с нацизмом, погибли оба сына Масгута Шайкемелева, Султан и Садиман, а также два зятя, и всю оставшуюся жизнь аксакал посвятил заботе о воспитании и обучении внуков. Аксакалу старались помочь все, кто его знал, поскольку его познания по истории, традициям и обычаям казахов покоряли любого слушателя. У него черпали знания по народной истории такие выдающиеся личности, например, как казахский писатель и историк Ильяс Есенберлин. Известные казахские поэты Жумагали Саин, Сырбай Мауленов, Гафу Каирбеков черпали вдохновение в общении с аксакалом. Близким его другом был казахский путешественник и политический деятель Алиби Джангильдин. Масгут Шайкемелев был хранителем устной традиции знаменитого Казбек-бия по прозвищу «Қаз дауысты Қазыбек» («Казбек, чей голос подобен гусиному гоготу»), который был верховным бием всего Средне-го жуза.

Аксакал Султан Имбергенов (1900 – 1968 гг.) происходил из рода «жаппас» Младшего жуза. Он окончил гимназию в 1916 году, рос и формировался под влиянием таких видных деятелей Алаш-Орды как Салык Карпыков и Сеилхан Карманов, которые приходились ему родственниками по матери. Вместе с Жагыфаром Султанбековым, Куттыкожой Сартовым и Нурманом Казовым в начале 20-х гг. они создали школу-интернат «Казкоммуна» в г. Кустанае, которую окончили Ильяс Омаров, Темир

Дарканбаев, Амир Канапин и др. известные деятели Казахстана. Позже он несколько лет находился на партийной работе. В 1929/31 гг. работал первым секретарем Кокпектинского райкома партии Семипалатинской области. Тогда же бывший соклассник по гимназии, русский, предупредил Султана Имбергеновича, что в НКВД его имя значится в особом списке подозреваемых, и помог ему перебраться в Москву в качестве слушателя Института красной профессуры. С 1935 г. по 1967 г., т.е. до самой смерти, Султан Имбергенович работал редактором казахской группы «Известий Верховного Совета депутатов трудящихся СССР». Ощущая постоянно к себе интерес со стороны спецслужб, он сделался малообщительным. Осторожность отразилась и на его внешнем облике. Внешне он настораживал своей сухостью, суровостью, гордостью, неприступностью. Вместе с тем, его внешность была типичной «академической внешностью». Поражали глубокие знания этого человека по истории и филологии. Феноменально, но в возрасте 67 лет он наизусть рассказывал длинные стихотворения А. Пушкина и А. Байтурсынова, которые были его кумирами. Часто любил повторять пушкинские строки:

*«Всегда так будет, как бывало,
Таков извечно белый свет:
Ученых много, умных мало,
Знакомых тьма, а друга нет».*

В 1966-72 гг. я проживал в Москве, проходя вначале стажировку, а потом очное обучение в аспирантуре. В течение целого года имел счастье еженедельно часами беседовать с Султаном Имбергеновичем. Перед самой первой беседой он меня предупредил: «Вот ты представления не имеешь, что такое «сталинские застенки». А я имею и, слава Богу, избежал их. Смотри, держи при себе все, что я тебе рассказываю. Придет время и ты сам пожелаешь изложить их на бумаге. Недолго осталось, но я до этих времен не доживу, а ты обязательно доживешь». Вместе

с тем он строго запретил мне вести записи наших бесед, сказав: «Умение слушать и запоминать, это дар божий. Насколько я оценил тебя, ты умеешь это делать. Когда внимательно и с любовью слушаешь, то работает душа. Позже, когда будешь припоминать и повторять в уме услышанное, заработает рассудок». Аксакал был хранителем и продолжателем устной традиции великого бия Младшего жуза по имени Айтеке, который приходился внучатым племянником известному правителю Самарканда Жалантос-бию (узб. «Ялангуш-бий» – прим. ред.).

Аксакалы Масгут Шайкемелев и Султан Имбергенов высоко оценили старание моих родителей, которые с раннего детства воспитали во мне страсть к слушанию народных преданий из уст аксакалов и байбише. Рассказы этих аксакалов навсегда запечатлелись в моей памяти.

Мавзолей кара-кыпчака Кобланды-батыра в г. Актобе

*Реконструкция лица Кобланды-батыра
по методу Герасимова, г. Актобе*

*Потомки Кобланды-батыра:
Сулейманов Тулебай с внуком Ильясом*

*Мавзолей Толе-бия, г. Ташкент,
фото конца XIX в*

Реконструированный мавзолей Толе-бия. Начало XXI века

*Ильяс Омаров,
министр культуры Казахской ССР*

*Султан Имбергенов с супругой Кашимой,
г. Москва*

*Мухамет-Халел Сулейманов
с супругой Умуртжан Шайкемелевой*

*Аксакал Масгут Шайкемелев –
потомок Беремжана Шегенова и тархана Жаныбека*

*Омарова Куншие (слева) с сестрой мужа Гульбаграм (справа),
выпускницей женской школы им. Ибрая Алтынсарина, 1926 г.*

*Казахские султаны и старшины на императорском приеме
в Санкт-Петербурге, 1869 г.*

*Справа четвертый – уряд-сотник Беремжан Шегенов,
третий (без головного убора) – поручик Альмухамед Сейдалин*

О НЕКОТОРЫХ КАЗАХСКИХ ПОНЯТИЯХ

В казахском языке нет слова «казах». Есть слово «қазақ». Практически это слово состоит из двух фонем: 1) «қаз» и 2) «ақ», которые народной молвой соответственно переводятся как «гусь» и «белый». Но слово «қазақ» является сугубо образным символом. Оно не относится к птицам. О птицах казахи говорят «ақ-қаз» или «ақ-қаздар», т.е. «белые гуси». Слово «қазақ» относится к роду людскому, живущему в степи, кочующему и не мыслящему себя без коня. Это образное понятие символизирует образ жизни общины, рода, подчиненный требованию слияния с природой, непротиворечия Космосу («Көк Тәңірі») и матери-природе («Ұмай»). Данному требованию, по мнению древних казаков, соответствовала жизнь стаи гусей, о которых казахи говорят: «Мирные, безвредные создания, свободно парят в голубой выси, придерживаясь полного равенства и строгого порядка в стае, независимо определяют маршруты полета, приводняются на заповедно чистых озерах и не мутят воду».

Одновременно с образом свободы, равенства, порядка, дисциплины и природолюбия, присущим «белым гусям», казаки проповедовали два права: 1) право «өз еркін өзіне», т.е. «вольному – воля» и 2) право «кетем дегенге дау жоқ», т.е. право на уход. Был еще один принцип: «Дала жібермейді», т.е. «из степи выдачи нет». Это означало, что каждый может стать вольным казаком, породнившись с каким-нибудь родом, и весь род встанет на его защиту. Казаки по смыслу этого образа не должны были признавать никакую надродовую, надобщинную власть. Они жили, целиком подчиняясь законам, традициям и обычаям родовой общины. Идеологический образ «қазақ», своего рода лозунг, приобрел огромную популярность среди самых разных народов и племен. Создавались новые общины из представителей различных родов, проповедующие свободу выбора и полное самоуправление общины. Создалось целое движение «қазақ»,

охватившее огромную территорию и большую массу населения. По древним, идущим из глубины веков обычаям, если «три раза по семь», т.е. двадцать один, джигита собирались вместе, то они имели право создать свой отдельный род. Но для казахов образ «казак» имел не только идейное и духовное содержание. Как станет ясно ниже, со временем он наполнился политическим содержанием.

Про своих далеких предков, согласно народным преданиям, казахи говорят: «ісі-ақ», т.е. «белое дело, доброе дело». Поскольку казахская буква «і» произносится мягко и отрывисто, то для непривычного уха слышится «сақ». К разновидности саков казахи относят и племена «іс-құт», т.е. «дело порождает благо» и «іс-қылат», т.е. «дело дает результат». В исторических книгах народ «ісқұт» называют скифами, а «ісқылат» скелотами, кельтами, галлами. Такова казахская народная этимология этих названий. Для казахов основополагающее значение имеет также слово «ру», которое переводится как род или община. Недопустимо ни при каких условиях, ни при каких обстоятельствах ронять «ар-ру», честь и достоинство рода. «Ар-ру» превыше всего на свете, превыше собственной жизни. Очень тяжело прожить такую подвижническую жизнь, чтобы постоянно возвышать «ар-ру», т.е. честь и достоинство рода, но такие люди, к счастью, находятся, и после физической смерти они немедленно канонизируются, производятся в «ар-ру-ақ», т.е. аруахи, или, говоря иными словами, причисляются к лику святых. Слово «аруақ» означает «честь и достоинство рода, идеально чистые, не запятнанные». Первым святым делом для казахов является поклонение памяти аруахов. Понятие «ру-ісі» означает «дело рода». Обычно это понятие употреблялось по отношению к тому роду или общине, который целиком посвящал себя какому-нибудь одному делу, одному ремеслу. Для непривычного уха слово «ру-ісі» воспринимается, как «ұрыс». Их нельзя путать, т.к. слово «ұрыс» означает ссору и ругань. Также следует отличать «ру-іс» от слова «ұры-іс», в котором «ұры» переводится как «вор», а «іс», как «дело», «воровское дело».

Для казахов священным является понятие «ел». Это сложное образное понятие. Это и родина, и сородичи, и могилы предков. Это родная природа, яркие воспоминания о детстве и юности. «Ел» – это ощущение значительного, существенного, самого важного, прекрасного и возвышенного. «Ел» – это осознание цели существования. Пока есть «ел», существование имеет смысл. Без ощущения «эля» человек превращается в живой труп – манкурта. Казахи говорят: «Баска елде сұлтан болғанша, өз елінде ұлтан бол», т.е. «чем быть султаном на чужбине, лучше быть слугой в своем эле».

Для понимания сложного духовного мира казахов необходимо прежде всего вникнуть в смысл таких образных понятий, как «сана», «сезім», «ақ», «ар», «ұят», «іс», «намыс», «ар-іс» («арыс»), «ар-иесі», «ісі-ақ», «казак», «аруақ». Прежде чем утверждать: «Мен – адаммын», т.е. «я – из рода Адама», человек должен доказать, что он имеет «сана» и «сезім». «Сана» – это разум, рассудок, сознательность, привычка принимать обдуманные решения. «Сезім» – это интуиция, гармония чувств, позволяющая тонко чувствовать окружение, адекватно отражать действительность. Наличие «сана» и «сезім» позволяют человеку подчинить себя принципу: не навреди себе, не навреди окружающим. Человек должен бдительно следить за собой, чтобы ни при каких обстоятельствах не оказаться манкуртом. Манкурт – это червь, паразит, всегда озабоченный собственной утробой, собственными прихотями, собственными эмоциями, собственными низменными страстями. Для манкурта незнакомы и абсолютно безразличны такие понятия, как «ар» – честь, достоинство, «ұят» – совесть, «ақ» – кристальная чистота, идеальная белизна помыслов и поступков, «іс» – дело, творчество, ремесло, профессионализм. Если человек имеет «сана», «сезім», «ар-ұят», то он должен иметь законное чувство гордости – «намыс». Казахи говорят: «Ер намысы – ел намысы», что в переводе означает «гордость мужчины – это гордость эля». Иными словами, настоящий мужчина должен совершать такие поступки, чтобы им гордился «ел». «Ер», имеющий «намыс», должен быть

бесконечно предан «ар-ісі», т.е. «делу чести». Не всякому дано стать «ар-иесі», т.е. «хозяином чести», только избранные люди – такие, как Абай и Ахмет Байтурсынов, могут стать «ар-иесі».

Понятия «қара сүйек», «ақ сүйек», «қан» (хан) также являются образными понятиями и возникли из ассоциации с теми бытовыми понятиями, с которыми казахи сталкивались ежедневно. Будучи скотоводами, казахи прекрасно знали практическую анатомию живого организма, и анатомические термины были для них наиболее употребительными. «Анатомию» общественного организма казахи рассматривали в ассоциации с анатомией живого организма. В этом плане понятие «қара сүйек» переводится не как «черная кость», а как «становые кости», составляющие «скелет общественного организма». «Қара сүйек» – это в образном понимании активная трудовая часть общества. На «қара сүйек» нарастает «ет», т.е. «мясо» – это семьи, дети. Основной составной частью «қара сүйек» является «арқа», т.е. спина, «спинной хребет» – это сородичи. Важной частью «қара сүйек» является «қол», т.е. руки – это батыры, призванные защищать общество от нападений извне. «Бұт», «бұтын», нижняя часть тела, ноги – это табунщики, чабаны, ремесленники, кузнецы, т.е. простой народ. «Ақ сүйек», т.е. «белая кость», в образном языке скотоводов означают кости черепа. Под «белой костью» казахи подразумевают те элитарные слои населения, которые внедрились в казахское общество извне. Традиционно «белая кость» подразделяется на две ветви. Одна ветвь называется «төре», и к ней отнесены все прямые кровные потомки Чингисхана. Из среды «төре» избирались ханы и султаны, и эта среда занималась делами власти и большой политики. Чингисхан не случайно ввел понятия «ақ сүйек» и «төре», как не случайно официально завел себе 500 жен. По его плану, миром должен был руководить один-единственный род, одна-единственная община кровно связанных личностей, воспитанных и обученных с самого рождения в духе управления народами и государствами. Другая ветвь «белой кости» называется «қожа», и к ней отнесены все потомки арабских

миссионеров, которые внедряли мусульманскую религию в казахской среде.

Еще более важной частью общественного организма является институт биев, которые составляют «ми» – «головной мозг». Слово «бий» произошло от слова «ми», т.е. «мозг». В жизни казахского общества бии практически играли роль вождей племен и родов. В пределах подвластного ему рода-племени бий, как правило, сосредоточивал в своих руках одновременно и судебную, и административную, и даже военную власть.

Что касается слова «хан», то в казахском языке нет такого слова. Есть слово «қан». Слово «қан» переводится, с одной стороны, как «кровь», «гены», «порода», а с другой стороны – как «хан», т.е. правитель. И такое совпадение не является случайным. Казахи считали, что хан должен играть в жизни общества роль, подобную кровеносной системе живого организма. Он должен объединять интересы отдельных племен, родов, слоев и групп населения. Хан должен заботиться о том, чтобы родственные, политические, экономические, культурные связи в обществе функционировали также непрерывно, как система кровообращения в живом организме. Но важнейшей функцией хана является роль Верховного главнокомандующего в период боевых действий и дипломатического представления избравшего его народа в мирное время. Кандидат в ханы отбирался среди султанов, т.е. среди «великих князей», чингизидов. Султаны отбирались биями из среды «төре» по представлению хана. Сам же хан избирался всенародным голосованием по представлению биев и собрания «ру-аксакалов». Слово «ру» переводится как «род». «Ру-аксакалы» – это почетные старейшины – предводители рода. «Ру-аксакал» не обязательно был причастен к власти, к управлению родом, но в силу своего авторитета, завоеванного мудростью и благородством, он имел значимое влияние на дела рода. Ру-аксакалы, также как бии и батыры, были выходцами из среды «қара сүйек». Чингисхан по-своему трактовал слово «хан». Он имел ввиду, что хан является не простым представителем «белой кости», а ее выдающимся представителем, кото-

рый рожден для ханства, т.е. генетически predetermined нести участь правителя, ибо «кость» – это общественное положение, а «кровь» (порода) – это индивидуальные качества личности.

В устных народных преданиях первым казахским ханом считается Жошы-хан (Джучи) – старший сын Чингисхана, а его главным советником, приставленным к нему его отцом – Майкыбий, который также по праву считается основателем казахской классической школы права и «отцом казахских биев». Эту его сторону подробно исследовал известный казахский правовед, академик Салык Зиманов.

Медресе Шер-дор, построенное Жалантос-бием, казахским правителем г. Самарканд, XVII век

РЕКОНСТРУИРОВАННЫЕ ФРАГМЕНТЫ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО УЧЕНИЯ «ТРОПА СУЩЕСТВОВАНИЯ» («Жасау-ізі», «Яссы»)

На протяжении восьми веков это учение передается из уст в уста и потому со временем теряет многие фрагменты. Ниже будут приведены сохранившиеся в памяти основные части устной историко-философской доктрины Майкы-бия и Чингисхана, а также ряд друг их преданий казахских биев, не относящихся к собственно «Яссы» Майкы-бия, но тесно связанных с ним.

В «Яссы» началом начал считается возникновение понятия «кісі» (человек) и первое предание посвящено этой теме.

ПРЕДАНИЕ ПЕРВОЕ:

«Кісілік» (человечество) и праматерь «Ал Бір-ана»

В предании говорится: «Бәріміз – Бір-ананың балаларымыз, бәріміз бір іннен шықтық». Имея в виду вопрос о происхождении туранских народов, это означало: «Все мы – дети Первой матери («Бір-ана») и наши предки являются выходцами из ущелья «Бір-ін». На Алтае есть Беренское ущелье. Учитывая многозначность казахского языка, это можно перевести и так: «Все мы дети от одной матери, все вышли из единого лона». Имеется ввиду, что все люди являются родом из матриархата. «Бір-ана» – это образ «первой матери», или «праматери», возглавлявшей племя, обитавшее в Беренском ущелье. Еще ее называли «Ал-Бір-ана» – «Великая праматерь». Согласно свидетельства Тацита, древние германцы поклонялись Альбруне. Очевидно, что речь идет об одном персонаже. Казахи до прихода мусульманства верили, что ведут происхождение от праотца «Көк Бөрі» – «небесного волка». В «Яссы» говорится: «Әжеміз біздің Бір-ана, атамыз Көк-бөрі». Это означает: «праматерь наша – Первая

мать, а отец наш – небесный волк-вожак». В образном языке биев «бөрі» означает не просто волк, а «матёрый волчище» или «волчий вожак». В этом древнем изречении под понятием «волк-вожак», подразумевается охотник-лидер, подобный волку по своей выучке, сноровке, стремительности, выносливости, чутью, зоркости и решительности. Именно в этом понимании имя «Көк-бөрі» переводится как «матерый вожак – атаман охотников». Что касается понятия «небесный волк», то под ним подразумевается «человек-охотник», отличающийся от хищных зверей тем, что ориентируется в пространстве по звездам, так же, как обычные волки – по следам на земле. Известно, что «земной волк» вообще не интересуется небосводом и космосом. Человек же, как «небесный волк», тянется к небу, его интересует вся вселенная.

Известны предания только про праmaterь «Бір-ана». Она родила и воспитала троих сыновей с именами «Қ», или «Қ-бір» (Кибирь), «Іс», или «Іс-бір» (Сибирь), «І», или «І-бір» (Ибирь), от которых пошел человеческий род «Қ-Іс-І», или просто «кісі». «Бір» означает «первый», «қ» – «делай», «іс» – дело, «і» – объединяй словом и делом. Вместе три имени образовали слово «кісі» (у некоторых тюркских племен оно звучало как «киши» или «кичи»). С тех пор, по преданию, слово «кісі» означает «человек». После принятия ислама казахи стали называть человека «адам». В месте с тем прежнее название «кісі» сохранилось и имеет столь же расхожее употребление, как и название «адам». Предание объясняет прибавление «бір» к именам тем, что по древнеалтайским матриархальным традициям полное имя человека произносилось с добавления имени матери к его собственному имени. При этом вначале произносилось собственное имя, а затем – имя матери. Поэтому, как гласит предание, троих сыновей праmaterи «Бір-ана» звали «Қ-Бір», «Іс-Бір» и «І-Бір». «Ал-Бір-ана» заявила, что на ней кончается эпоха матриархата, после чего стали прибавлять к имени сыновей уже не имя матери, а отчество, причем впереди имени. В «Яссы» также говорилось: «Кісінің түбі кісі, кісі өз қылған ісі». Не зная древнего образно-символического языка биев, невозможно по-

нять этот императив, который означает, что человек «кісі» стал человеком только лишь тогда, когда научился «делать дело», что в древнетюркском звучало также как «қы-іс», а в современном казахском «қыл-іс»: растить злаки, одомашнивать дикие растения, приручать диких животных, разводить и пасти коней, коров, овец, верблюдов, изготавливать оружие, инструменты, посуду, шить одежду и производить множество других жизненно важных предметов. Таким образом, понятие «кісі», «человек» означает суть «делающий дело», что в принципе отличает человека от «двуногого хищника».

Великая Праматерь также объявила, что понятие «кісі» несовместимо с каннибализмом. До праматери «Бір-ана» не было человеческого общества. Были вечно враждующие между собой стаи «екаяқты қасқыр» (двуногих волков). Они не знали, что такое единство, нахождение общего языка. Каждая стая («үйір») признавала только собственного вожака и считала за непримиримого врага другую стаю. Убить представителя другой стаи считалось необходимостью, продиктованной целью собственного выживания. Выживание вне родной стаи было невозможным. Хищник-одиночка часто становился жертвой других хищников. Внутри стаи сохранялись только те порядки, которые были продиктованы вожаком. Всякое непослушание жестоко каралось. Дисциплинированность была основана не на сознании и воспитании, а на инстинкте самосохранения и подчинения. Вожак был примером во всем. В случае бескормицы и угрозы гибели всей стаи, он жертвовал собственными детьми: перерезал им горло («бауыздайтын») и вскармливал мясом жертвы тех представителей стаи, которые были способны выжить и продолжить род. Территория играла первостепенную роль. Чем больше была территория, тем больше дичи для охотников, больше вероятность выживания общины. С целью расширения территории стаи постоянно враждовали друг с другом. Но пришло время, когда три могущественных племени выделились среди других окружающих племен и стали полновластными хозяевами трех территорий, которые назывались «Күн

жер» (дневная земля), «Түн жер» (ночная земля, или «земля полярных ночей») и «Тайгы жер» (охотничья земля). Ни одно из этих трех племен не претендовало на территорию друг друга. Каждое занималось своим делом на территории, ему принадлежащей. У них был общий враг – масса диких хищных общин, привыкших убивать и поедать представителей других родов. Таких «диких стай» было много, но они находились в вечной вражде друг с другом, а чтобы разбить их и изгнать, требовалась некая объединённая сила. Все три племени нуждались в союзе друг с другом. Требовался вождь, способный объединить три племени. Таким вождём выступила «Бір-ана». Поэтому ее титуловали как «Бөрі-ана» – «мать-волчица, вождь стаи». Она провозгласила: «Бірлік бар жерде, тірлік бар» (где есть единство, там есть выживание). Кроме того, она говорила сыновьям: «Іс бірліктеді» (дело объединяет), «отбасының ізгі ошақтың үш тіректей болындар» (будьте подобно трем опорам священного треножника семейного очага)...

Первым общим делом трех племен считалось искоренение каннибализма. Каннибалы безжалостно уничтожались и роды «канқұмар» (кровопийц), принуждены были навсегда покинуть территорию трех племен. «Бір-ана» запретила приносить в жертву человека. Стали жертвовать животными: собственной скотиной или дичью, убитой во время охоты. Благодаря введению этого обычая, к племени «Бір-ана» присоединились все соседние родовые общины, в которых правили женщины. Ни одна мать не желала приносить в жертву своего ребенка, и поэтому идея создания могучего союза племен под руководством сыновей праматери «Ал Бір Ана» – Кибиря, Сибири и Ибиря – нашла горячую поддержку женщин, которые лидерствовали в родовых общинах. В результате был создан союз трех племен с названиями Кибирь, Сибирь, Ибирь. Путем испытаний и отбора сделались вождями племен три ее сына, что явилось началом мужской власти в обществе – патриархата. Каждый из них обязался нести ответственность за судьбу своего племени и, вместе с тем, за союз трех племен. Они женились на женщинах-вождях,

и с той поры пошла традиция различать царский род мужской «солнечный» и женский «лунный», поскольку правление этих трех новых вождей-мужчин олицетворяло восход солнца после долгой ночи. С тех пор бытует поговорка: «Жамбыр жауса жер көгереді, ер туса – ел көгереді» (когда идет дождь, то расцветает земля, когда родится «ер», достойный муж, вождь, то процветает народ). А особо отличившихся предводителей стали с той поры именовать «Таң», т.е. «рассвет», «восход солнца»...

Языки трех племен несколько отличались друг от друга, но сходства было больше, чем различий. В варианте предания иссык-кульских кыргызов легендарные Кибирь, Ибирь, Сибирь озвучиваются как Кабыл, Абыл и Сабыл. При этом уточняется, что Сабыл погиб, а его жен и имущество должны были поделить Абыл и Кабыл, из-за чего у них возникла вражда. Невозможно при этом не провести аналогию между библейскими Авелем и Каином. Также обращает на себя внимание триальное устройство раннего общества и, вообще, сакральность числа «три» (священный треножник)...

В предании говорится, что от имени Ибиря в произношении «абыр», «абар» произошло слово «абырой» в значении «честь и слава лучшего охотника», позже означавшего «престиж», «авторитет», «репутация». Говорится, что ибири-абары, приняв имя «Таң» (восход) ушли на восход солнца. По Майкы-бию, страна «Таң-күт» (Тангут), которую покорил Чингисхан, была основана этими потомками Ибиря, принявшими народное имя Тан. Поэтому они были обязаны подчиниться Чингисхану, как потомку более древнего рода Кибирь...

Без коней не было бы ни ариев, ни скифов, ни гуннов, ни тюрков, ни монгол. «Яссы» подразумевают именно это общество всадников-коневодов. В «Яссы» утверждается, что именно под руководством «Бір-ана» женщины привлекли кормом и лаской кобылиц, помогали им жеребиться, а затем растили жеребят вместе со своими детьми. Когда жеребята подрастали, то матери сажали на них детей и постепенно приучали их быть всадниками. Первой научилась доить кобыл «Бір-ана» и обу-

чила этому мастерству всех женщин подвластного ей племени. Именно она изготовила первую уздечку, первую попону, первый хомут. Именно женщины обучили своих сыновей разным ремеслам. Именно матери обучили детей общению на деловой основе, достижению единства на базе общего дела. Земледелие и садоводство также осваивали женщины. Интересна легенда про «запретный плод» — «алма», что в тюркских языках означает «яблоко», но буквально переводится «не бери», или, то же самое, «брать нельзя». Это предание почти полностью совпадает с библейской легендой об изгнании Адама и Евы из рая, только вместо абстрактного «плода с древа добра и зла» конкретно говорится о яблоке — «алма»...

После изгнания людоедов «каңқұмар» племя кибирь заняло территорию Южной Сибири и эта территория была названа Кибирь. Племя сибирь занимало территорию центральной Сибири и эту территорию называли Сибирь. Племя же ибирь занимало территорию северной Сибири и она была названа Ибирь. Эти же территории, как уже говорилось, имели и другие названия — «күн жер», «түн жер» и «тайғы жер». Позже на русском языке «тайғы жер» стали называть тайга, «түн жер» — это тундра, а «күн жер» — степная зона Сибири и Дальнего Востока. Эти три племени называли себя также «күн құс» (дневные птицы), «түн құс» (ночные птицы, или «птицы Заполярья») и «қы-тай» (делай новое богатство). «Дневные птицы» — это степное кочевое племя. «Ночные птицы» — это северные кочевники-оленоводы. Коневоды Южной Сибири говорили: «Ат — кісінің қанаты» (конь — крылья человека). На коне они чувствовали себя «птицами, летящими над землей». Напротив, оленоводы заполярья считали, что именно олени придают крылья человеку. Они тоже считали себя «птицами, летящими над землей». В русском языке понятие «түн-құс» получило прописку как «тунгус», а древние китайцы, произнося слово «хунхуз» вместо «күн-құс», придали этому понятию смысл, аналогичный русскому образу «казаки-разбойники». Еще они себя называли «ақ-құс», белые птицы,

гуси-лебеди. Коневоды после войны с «двуногими волками» в качестве тотема выбрали птиц, отказавшись от волчьего тотема...

Племя же «қы-тай» стало известно в истории под названиями «кытай» и «кидань». Они сохранили память о праотце, «небесном волке» «Көк-бөрі». Первоначально это было охотничье племя. В отличие от скотоводов охотники не имели наследственного богатства «күн» в виде конских и оленьих табунов, стад крупно рогатого скота и овечьих отар. Их богатством всегда было «новое богатство» в виде охотничьей или военной добычи. Новое богатство называлось «тай». «Қы» в древнем праязыке означало «делать» в самом широком смысле этого слова. Отсюда «кытай» – «делай новое богатство». «Тайғы» – «край нового богатства» или, иносказательно, «охотничий край». Свою территорию они называли «тайғы», поскольку в древние времена тайга была действительно богата дичью...

Коневоды же обобщенно именовали себя «ақ-құс», или «ку» (и то, и другое означает «лебедь»), ассоциируя себя со стаей вольных перелетных птиц, приземляющихся на чистых, заповедных лугах и озерах. От них пошел народ «ку» (во множ. числе «кун», кит. «хунну», гунны) – племена всадников, коневодов. Здесь следует особо отметить, что, вопреки ошибочному мнению Л. Гумилева о якобы «забывании» тюрками и монголами своего родословия в периоды «обскурации», в действительности и тюрки-кыпчаки, и болгары, и монголы прекрасно помнили свое происхождение от древнего народа «ку» и неспроста их предки дали титул «Аққұс» (Белый праведный лебедь, «Огуз») шаньюю Модэ (подробнее об этом ниже)...

«Ал-Бір-ана» призывала очень бережно относиться к природе. Она требовала: «Жерде бір қылшық жатпау керек» (ни один волос не должен засорять землю). Когда в первые годы своего каганства Чингисхан побывал для поклонения духам предков в Беренском ущелье на Алтае, то по возвращении домой он немедленно приказал, чтобы нигде не смели совершать такое святотатство, как загрязнение природы. Поклонялись ду-

хам предков по традиции, заложенной «Бір-ана», завязывая на ветвях деревьев разноцветные лоскутки ткани. Когда праmaterь «Бір» состарилась, ее стали называть «Кем-Бір» («Кемпір»). Поэтому Майкы-бий для обозначения понятия «радуга» использовал не традиционное тюркское «алаш», а более образное «кем-бір-қосак», которое в казахском языке звучит сейчас как «кемпірқосак». Радуге, как природному явлению, тем самым придавался глубокий сакральный смысл: «Пожилая праmaterь связывает цветные лоскутки и, тем самым, благословляет нас». Поскольку стадо домашних животных тоже именуется «қосак», а животноводству, по преданию, обучила людей «Бір-ана», то это образное выражение можно расшифровать так: «Праmaterь нас благословляет, чтобы стада были тучными». Радуга воспринималась как доброе знамение, благословение праmaterи к росту благосостояния. Дочерей и внучек своих «Бір-ана» учила находить целебные травы и коренья, искусству врачевания, поэтому лечебные травы Майкы-бий назвал «кем-бір-шөп», что в современном казахском языке звучит как «кемпіршөп»...

Праmaterь говорила: «Бога мы называем “Тәңір”. Единственный Бог — это “Тәңірі”». Она требовала: «Признавайте всемогущество “Тәңірі” и молитесь ему». Предупреждала, что если кто-то говорит «Тәңірі сақтай көр» (Боже, храни меня), то должен помнить, что «сақтансаң Тәңірі сақтар» (Бог хранит того, кто сам к себе бережно относится, или «береженого Бог бережет»). Бога именовали также «Көк Тәңірі», т.е. «Создатель и верховный правитель Вселенной». «Көк» – это небеса, синева, космос, вселенная. «Көк» не имеет границ, это – «верхний мир», божья обитель, синева без конца и края, и в этой бесконечности мать-земля, «Ұмай», земная природа, является песчинкой, судьба которой – «данность свыше», и подчиняется верховной воле Тенгри. Все, что происходит на земле, зависит не только от людей, но прежде всего от Тенгри. «Тәңір» познать невозможно, но его присутствие всегда и во всем ощутимо. Необходимо преклоняться перед Матерью-природой — «Ұмай» — и ее творениями. «Ұмай» творит точно так же, как «Тәңір»,

который представлен во Вселенной в одном-единственном числе. Если «Ұмай» – это женское, материнское, земное начало в созидательном процессе, то «Тәңір» – мужское, отцовское, небесное. Небо дождем оплодотворяет землю и дает жизнь всему существу. Что касается земной природы «Ұмай», то это одна из бесконечного множества граней созидательной деятельности «Тәңір». Не составляет исключения и «құт» («благо»). Его приносят деяния выдающихся личностей («ер»), которые действуют не только руководствуясь знанием («білгірлік»), но и по интуицию («сезім»), а также следуя высоким порывам души («құй»), предугадывая тем самым верховную волю Тенгри. «Құт» – это благая ипостась Тенгри, поэтому Тенгри это «Құдай», что означает «повелевающий благом», «распределитель благ». «Тан» — это рассвет, свет, утренняя заря, восход Солнца. «Тән» — это тело, материя. «Тән» — взаимопереход «таң» в «тән» и наоборот, т.е. взаимопереход энергии в материю и материи в энергию. «Тәңір» — причинная сущность созидательных и разрушительных процессов взаимодействия энергии и материи. «Тәңір» — это не телесное, не материальное явление, это невидимая, всепроникающая, вездесущая, всеведущая и все предопределяющая энергетическая сила, вселенский программатор. Примерно так можно описать чувственно-эмоциональное восприятие Тенгри в древнеалтайском обществе. Характеристика «Көк Тәңірі» как всеобщей универсальной творящей сущности показывает, что знатоки и истинные последователи учения «Яссы» могли принять одну-единственную религию, а именно ислам, поскольку в этой религии Аллах также ассоциируется с неведомой, непознаваемой созидательной энергетической силой, в отличие от других монотеистических религий, допускающих антропоморфизм. Истинные тенгрианцы – степняки – никогда не согласились бы с версией о человекоподобии Бога, в отличие от «лесных народов», склонных к идолопоклонству. Не случайно многие протоказахские племена исповедовали христианство именно несторианского толка, не допускающее изображения Бога в человеческом обличье. Не случайно казахи, принявшие

при Узбек-хане ислам, называют Бога не просто «Алла́һ», а говорят о нем «Алла́һ-тәңірі», подразумевая, что для них понятие «Алла́һ» совпадает с понятием «Тәңір»...

Праматерь «Бір-ана» завещала, чтобы все ее потомки, начиная от внуков, вели свою родословную по мужской линии. Это закономерно: признание приоритета Тенгри перед Умай означало признание доминирования мужчины, отца, патриарха. Полные их имена должны были произносить с упоминанием имени отца прежде произношения собственного имени. Прежнюю матриархальную традицию упоминать имя матери после собственного имени «Бір-ана» отменила. Это было воспринято в качестве одного из символических знаков начала периода патриархата. Другой завет праматери «Бір-ана», по версии Султана Имбергенова, имел уже не символический смысл, а вполне прагматическое назначение: руководимый ею союз племен она разделила на три части, всю власть и богатство в каждом племени передала каждому из трех сыновей. Здесь назначение вождей и наследственная передача власти находятся в явном противоречии с вышеозвученной версией Жазы-бия о конкурентных выборах трех вождей. При этом она постановила, что с момента ее ухода из жизни за власть и богатство в каждом племени должны будут отвечать достойные мужчины — родовые старшины («ру-аксақал») и племенные старшины («ұт-аксақал»). «Ақ сақал», дословно — «белая борода». Позже, с принятием ислама, древнее слово «ұт» — «огонь», «домашний очаг», «семья», «род», «племя», «община» — заменилось на арабское «тайпа», появилось понятие «тайпа-аксақал». Вообще, следует отметить, что со временем забылось и глубокое значение категории «ұт»: оно превратилось в формальную частицу, окончание множественного числа либо аффикс принадлежности к какому-либо роду. Также отметим, что аксакалами до сих пор именуются те мужчины, пусть и вовсе безбородые (каз. «көсе»), которые отличаются приверженностью делу «ақтық», т.е. делу праведности и справедливости. Главным качеством аксакала должно было быть обладание не «белой бородой», а чувством справедливости вкупе

с большим умом. Сам Майкы-бий, к примеру, уже в 15 лет был признан «аксакалом». С другой стороны, белобородый старец, не имеющий врожденного чувства справедливости и природного ума, до самой смерти будет именоваться «шал», т.е. просто «старик»...

По заветам Великой праматери каждый отец и каждая мать семейства обязаны были растить и воспитывать достойных детей так, чтобы следующее поколение было лучше предыдущего и его представители лучшим образом соответствовали званию «кісі» (человек). Отцы обязаны были заботиться о том, чтобы старшие сыновья имели «құн» (наследственное богатство) в виде скота, а младшие наследовали родовую общинную территорию «жер-су» и создавали на ней новое богатство «тай». В случаях, когда из-за переизбытка скота не хватало пастбищ, старшие сыновья обязаны были откочевать в поисках новой территории с богатыми пастбищами. С тех пор все правители, старшины и вожди племен, своих старших сыновей наделяли людьми, имуществом, скотом и отселяли, а отчий дом, землю и уголья наследовал младший. Этот императив звучит так: «Қара шаңырақ ұстайтың – кеңжесі» (младший сын является хранителем «кара-шанырака», т.е. отчего края). Закон этот называется «тарау» (досл. «разъединиться», «разъехаться», «разойтись», «отмежеваться»).

■ «Ал-Бір-ана» усыновила троих внуков – детей Кибиря, Сибиря и Ибиря – в качестве «кара шаңырақ ұстайтың кеңже», т.е. хранителей семейного очага, кара-шанырака и жер-су. Старшего назвали в честь бабушки «Кем-бір» («Қамбар», «Кемпір»), среднего – «Шопан» (Чабан), младшего – «Байсал» («Ойсыл», «Ойбас»). Камбару было завещано заниматься коневодством, Шопану – овцеводством, Байсалу – верблюдоводством. Отсюда, по словам Жазы-бия, берут древнейшие истоки трех казахских жузов, разграниченных Толе-бием, Казыбек-бием и Айтеке-бием. В связи с возникновением целого ряда новых родовых общин, созданных поколениями внуков и правнуков, племена Кибирь, Сибирь и Ибирь откочевали далеко от сибирской земли.

Племя Кибирь, согласно предания, откочевало на юго-восток, племя Сибирь — на север и запад, а Ибирь — в юго-западном направлении. На исторической прародине остались «младшие»...

*Наскальные рисунки урочища Тамгалы, Алматинская обл.
«Солнцеголовое божество» - Тенгри? Умай?
Или праmaterь Бір-ана?*

ПРЕДАНИЕ ВТОРОЕ:

«Жер күйген мезгіл» (время, когда земля горела под ногами), «Аяз-би мезгіл» (эпоха мороза-судьи), Алтай-Инь, дэвы-алпы и народ «шу»

Оставшиеся племена дали новые названия местностям, которые они заняли по правилам наследования территории младшими сыновьями родовых старшин и отселения старших сыновей. Своего старшего сына Кибирь назвал «Қолым». Сейчас эта местность называется Колыма. Второго сына он назвал «Көмір». «Көмір» первым использовал каменный уголь в качестве топлива, поэтому уголь называется «көмір» в честь того, кто первым обнаружил его горючесть, а местность, где добывали первый уголь, сейчас именуется «Кемерово». Третьего сына Кибиря звали «Ал-тай». Его имя носят Алтайские горы. О происхождении этого имени говорит следующее предание:

С тех пор, как «двуногие волки» осознали себя людьми, было перенесено много невзгод и потрясений. Десятки лет стояла жара, когда «земля горела под ногами». Это время в преданиях именуется «жер күйген мезгіл» (эпоха, когда земля была раскаленной – прим. ред.). Часто случались лесные пожары, горели травы в степи. Резкое уменьшение площадей земельных угодий, на которых люди и скот могли выжить, обостряло территориальную проблему. В период усиленной вражды многое сделали для спасения своих родов выдающиеся личности. В эпоху «жер күйген мезгіл», когда «горела земля», прославился Алтай. «Ал-тай» в переводе означает «пылающее богатство». В древнем праязыке «ал» означало пламя, жар, энергию как таковую, в современном казахском языке – «алау».

Алтай сумел вывести свое племя из горящих лесов и расселил его на достаточно прохладных склонах гор. Его соплеменники сделали многочисленные пещеры («ін») в горах и хорошо обустроились. С тех пор легендарный предводитель Алтай остался в народных преданиях как «Ін», или «Арғы Ін» (древний Инь).

Он считается как Инь Первый и Аргын Первый, поскольку после него был еще десяток вождей с именами Инь и Аргын. Следует учитывать, что в родословной центральноазиатских кочевников было несколько личностей, носивших имя «Аргын». Как и руководителей племен с именами «Үйсін», Аргынов было не менее десяти...

Соплеменники и потомки изображали Алтая-Иня в виде змея. Об этом говорится следующее: когда Алтай вывел свой народ из горящего ада и они начали копать землянки, то возмутились живущие под землей, в «нижнем мире», змеи. Алтай, унаследовавший ум и дипломатичность праматери «Бір Ана», как вождь первым спустился под землю и преподнес змеиному царю парное молоко свежего надоя, при этом говоря ласковые и почтительные слова. Тому так понравилось угощение и вежливо-обходительное поведение гостя, что он распорядился змеям не трогать людей и уползать из своих нор, когда там копают люди. С тех пор бытует поговорка: «Жылы сөзбен жыланды іннен шығарады», т.е. «добрым, ласковым словом и змею можно заставить покинуть свою нору». Кроме того, змеиный хан подарил Алтаю золотой самородок, которых оказалось под землей великое множество. Алтай научил людей делать из золота разные красивые украшения, поэтому с тех пор золото называется в его честь «алтын», что означает «алтай-ин». Змеи покинули это место и люди могли беспрепятственно строить жилища и откапывать золото. С тех пор на знамени всех потомков Аргы (древнего) Иня – золотой змей. Многие века спустя, покинув Алтай и придя в древний Китай, иньцы изгнали туземных правителей и основали империю Цинь (золото), правящей династией были Инь, а их родовым гербом был змей-дракон. По преданию, до их прихода туземцы не знали что такое золото, отсюда «золотое» название государства. Династия Инь, как сейчас установлено учеными, пришла к власти в 18 веке до нашей эры...

Сыном Иня был «Ді» («Деятельный», «Творческий»), который почитался как один из пророков тенгрианской религии и праотец ряда племен. Вот что о нем говорит легенда: в горах в ту

пору жило племя, которых западные соседи именовали «дэу», а восточные – «алп». И то, и другое означает «великан». От слова «алп» произошло «албасты» (монг. «алмасты»). «Албасты» сейчас у казахов несет крайне негативный смысл, означая неприятного человека, а также «ведьму-оборотня» и дикую женщину с грудями до колен, перебрасываемыми за спину, которая ворует молоко и всячески пакостит людям. Однако, так было не всегда: в древние времена люди весьма почитали дэвов-албов. Именно дэвы-алпы научили людей добывать огонь высеканием искр из кремня. Люди раньше были очень зависимы от огня, добывали его на кострищах от ударов молний или у других племен обменивали на женщин своего племени. Поэтому, по преданию, женщины тщательно следили за огнем, чтобы он не погас, поддерживая его даже при дальних переходах в специальных глиняных горшках – им не хотелось быть предметом торга...

Когда огонь угасал и не было возможности его раздобыть до зимы, то это приводило к гибели всей общины. Так, например, случилось в эпоху «Аяз би» («Аяз би мезгіл»). Говорится, что суд Аяз-бия был так суров, что все «кара» (можно трактовать и как «неправедные», и как «темнокожие») погибли, а выжили только «ак» («праведные» либо «светлокожие»). Под «аяз би мезгіл» имеется в виду не время правления какого-то человека, а образное обозначение периода лютых морозов: «Время, когда от мороза застыли звезды и настала долгая ночь». Но в образно-символическом языке природное явление представляется в виде человека, как у Н. Некрасова: «Мороз-воевода дозором обходит владенья свои». Возможно, что это образно-поэтическое сравнение Некрасова уходит корнями в глубь тысячелетних народных преданий...

Это было страшное время, когда выжить удалось лишь немногим, и только благодаря дэвам. По описанию дэвы были «сары дэу» и «қазанбас», т.е. были рыжими, огромного роста и с большой, круглой как казан головой. Они отличались, с одной стороны, храбростью, прямоотой, простодушием, отзывчивостью, а с другой – неуправляемой вспыльчивостью и буйным

нравом. Как говорил Жазы-бий, кара-кыпчак Кобланды в точности унаследовали все положительные и отрицательные качества алпов, поэтому и случилось убийство им Акжол-бия...

Дэвы жили в «жерұйық», т.е. в «райском месте», где мороз был не так силен, снег неглубок и водилось множество разной живности. По преданию, Инь охотился в горах и встретил там женщину-дэва с изумрудно-зелеными глазами, которая расчесывала длинные густые волосы, сидя на камне. Инь соблазнился ее золотыми волосами (каз. «алтын шәш») и стал бороться с ней, и, несмотря на то, что она была намного крупнее и сильнее его, каким-то образом сумел хитростью завладеть ею, после чего она забеременела и родила богатыря. Мальчика называли «Дәу» в честь племени матери. Когда он подрос, то овладел всеми секретами горцев-дэвов, а также ввел несколько собственных изобретений, за что получил новое имя «Ді». Говоря современным языком, имя Ди можно перевести как «креативный». Так, например, ему приписывается изобретение лука, стрел и легкого переносного жилища «абылайша», от которого произошла юрта. Говорят также, что он усовершенствовал землянку, изобретенную его отцом и придумал шанырак. Ему же приписывают изобретения кобыза. Он научился гнуть деревья, делая из них луки для стрельбы и уйки для походных шатров, за что получил второй титул «кыбшақ» («кыпшақ», кыпчак). Он научился у своих «нағашы» (родня по материнской линии) дэвов-алпов приручать барсов и гепардов для охоты, делать хитроумные ловушки (следует заметить, что когда-то гепарды во множестве водились в евразийских степях). Дэвы, в отличие от людей, не любили собак, а вместо них для охоты на горных баранов («арқар») и козлов («таутеке») использовали снежных барсов. У них с барсами даже глаза были похожи – как холодные серые льдинки. Поэтому Ди получил третье имя – «Қарлық» (Снежный). Поэтому его народ помимо самоназвания «ді» соседями именовался «қарлық», или просто «қар ел» (снежные люди)...

Иначе говорится в версии С. Имбергенова: по ней у Ди первыми родилась двойня, два сына. Старший изобрел лук, стрелы,

шанырак и колесо, за что его прозвали «кыпчак». Младший построил телегу (повозку), за что его прозвали «қаңғлы». Вскоре все люди племни Ди породнились с алпами-дэвами и все «сары» (светловолосые и белокожие) – их потомки...

По словам Масгута Шайкемелева, Ди научился у дэвов высекать огонь из кремня, за что получил еще одно прозвание «Бірінші Шақшақ» (Шакшак Первый). После него было еще несколько личностей, называемых в его честь. Отсюда дескать берет начало доминирующее положение шакшаков не только среди аргынов, но и во всем Среднем жузе. В честь него же река на Алтае называется «Шақшақ»...

Но главное, чему научили дэвы выживших людей – это уважать стариков, не убивать их и не бросать на произвол судьбы. Об этом в учении Майкы-бия говорится так: в эпоху Аяз-бия скот гиб от бескормицы, еды стало мало и люди стали убивать немощных стариков, либо просто выносить их на мороз, где они, брошенные, умирали. Когда Алтай-Инь состарился и пришел его черед, то он попросил сына не убивать его, а отнести к сватьям-дэвам. Те приняли его со всем гостеприимством, а поскольку он знал множество интересных, поучительных вещей, то научил им дэвов – как приручать и разводить горных баранов и коз. Он также рассказал алпам в каком отчаянном положении находится его народ. Тогда те, в свою очередь, научили его секретам, как находить и выкапывать из-под снега съедобные и питательные корни и клубни. Инь, вернувшись, научил этому соплеменников, чем спас свою общину от голодной смерти. После этого пристыженные люди перестали умерщвлять стариков и стали уважать их мудрость. С тех пор, говорят, и появилась поговорка: «Күйеу жүз жылдық, құда – мың жылдық» (если зять на сто лет, то сватовские отношения между кланами – на тысячу лет)...

Аналогичное предание о происхождении от брака охотника и женщины-албасты (алмасты) имеется у алтайского племени «алмат» («албат»), когда-то входивших в керейтский племенной союз. Интересно то, что родовая тамга алматов – свастика, на-

зывается «қас». Говорят, что алтайские алматы и казахские албаны – одно племя... Примечательно также то, что среди тюркомонгольских племен искусством находить съедобные корни зимой отличались коныраты, и именно знание этого искусства спасало семью Темучина (каз. «Теміршін») зимой, когда их покинули все родичи. Этот факт, а также рыжая борода служили свидетельством происхождения Темучина от великих пращуров Иня и Ди. Поэтому, когда Темучин был избран ханом и получил титул «Шыңғыс хан» (Чингисхан), то тем самым он получил право возглавлять всех потомков Иня и Ди...

Древние кыпчаки, по словам Масгута Шайкемелева, в ту пору нахождения на Алтае именовали себя в честь деда «оран» («ұран»), что на языке «ді» означало «змея», и тамга у них была также с изображением змея. Две черточки они получили гораздо позже, когда их усыновил Дат (об этом в следующем предании). Дело в том, что кыпчаки были, по словам Жазы-бия, во-первых «сақау» (картавые), как и их «нағашы»-алпы, во-вторых, они говорили на смешанном языке алпов (дэвов) и алтайцев (иньцев), ведь издревле считается, что «язык передается с чистым молоком матери» (каз. «ананың ақ сүтімен келген тілі»). По версии предания Султана Имбергенова (а он был лингвист-филолог), древнейшее кыпчакское самоназвание «оран» происходило от слова «ор» (яма), и имело схожий смысл со словом «ін» (нора, пещера, берлога). Их также называли «ор жылан», что означало «большие, огромные змеи», поскольку «ор» также означает «большой», «крупный», т.е. то же самое, что «алп» и «дәу». Еще «ор» в казахском языке имеет значение «ловушка», «западня», а по преданию, как уже говорилось, Ди научился ставить ловушки на зверей у своих родичей-дэвов. Наконец, у слова «ор» есть еще одно значение – это темно-рыжий окрас, масть. А Ди, как говорится в предании, и его потомки древние кыпчаки имели рыжий (русый) цвет волос...

Но еще более интересно сообщение Масгута Шайкемелева о древних алтайцах-иньцах как о народе «шу» (ямники) и «шу-

ді» («чудь»): в иньском сообществе, после изобретения землянок произошло разделение труда – одни пасли скот, а другие рыли землянки и общались со змеями, заговаривая их. Было еще отдельное сословие тех, кто общался с хищными птицами – соколами и беркутами – приручая и дрессируя их. Были те, кто растил и тренировал охотничьих борзых собак «тазы», пастушьих степных овчарок «алабай» и горных «төбет», а также грозных волкодавов «бөрібасар», которые защищали людей и скот не только от обычных волков, но и от «двуногих волков». В отличие от версии Жазы-бия, это было еще до периода «жер күйген мезгіл», т.е. до переселения в горы, когда люди жили на низменности. Тех сородичей, кто копал ямы для землянок, таскал камни для их обустройства, называли «шұ» (яма). В их честь названа река Чуя на Алтае. Лопат в те времена не было и землю в буквальном смысле приходилось ковырять, отсюда слово «шұқ» («шұқыл») – ковырять, тыкать. Как уже говорилось, в древних языках «кісі» (человечества) слово «қ» означало то же, что современное «қыл» (делать). Поэтому «шұқ» буквально означало «делать яму», а поскольку яму делали методом тыканья и ковырняния, то это значение и осталось. Позже, когда настала эпоха зноя, засухи и пожарищ и Алтай увел свое племя в горы, он научил там людей выкапывать прохладные землянки, спасающие летом от зноя, а зимой – от холода, также научил добывать золото, медь и другие металлы. Алтай-Инь считался отцом-основателем металлургии. Подплемя чуйцев, занимавшееся строительством, называлось «ақ шу» (белые, или праведные шу), те, кто добывал самородки и руду именовались «қара шу» (черные, или земные шу), а те, кто плавил металл и делал из них разного рода предметы – оружие, инструменты и ювелирные украшения – назывались «сары шу» (желтые, или богатые шу). были еще «алау-шу» (алые, или пламенные шу) – воины, охранявшие золотоносные прииски и мастеров-ювелиров. Общее название простонародья – «қарашу» – говорят, идет с тех незапамятных времен. После того, как закончился период «жер күйген мезгіл», спала жара и обмелевшие водоемы вновь напол-

нились водой, алтайцы, включая чуйцев, под руководством «Ді» спустились с гор в степь и широко расселились по ней. Говорят, что река Шу (Чу) в алатауском «Жетісу» (Семиречье) также названа в их честь. Их также именовали «шүді», т.е. «племенной союз Чу и Ди», по другому это название можно перевести как «ямники».

Это было великий народ воинов, скотоводов, земледельцев, плотников, кузнецов, ювелиров, металлургов и рудознатцев. Им народной молвой приписывается изобретение консервированных непортящихся продуктов – «шұжык» (колбаса) и «шұбат» (кислое верблюжье молоко). Хотя племена дулатов Южного Казахстана кислое верблюжье молоко именуют не шубат, а «кымыран», а по сказаниям Жазы-бия «кымыз» (кумыс) и «кымыран» изобрели кыпчаки, а «айран» (кислое коровье молоко, простокваша, кефир) – аргыны...

Про древнюю чудь до недавних пор среди аргынов Тургая ходили легенды, что среди них были великаны, которые якобы умели летать и за сотни километров перетаскивать гигантские каменные глыбы для постройки тургайских мегалитических сооружений. А добывало и обтесывало эти огромные камни якобы племя карликов «кұмырсқа ел» (народ муравьев). Сейчас ученые этот мегалитический комплекс именуют «казахстанским стоунженджем». Действительно, техника обработки камня и строительства очень похожи. Уместно также заметить, что планировка древнего тургайского городища выполнена в форме трехколенной, так называемой «кельтской», свастики. В Казахстане довольно много исторических мест, связываемых с «шүді», в первую очередь, так называемые «шұқыр» (чудская яма), или «шүкен» (чудские копи). Академики А. Маргулан и К. Сатпаев открыли многие месторождения именно благодаря этим древним преданиям, сохранившимся в казахской среде потомственных рудознатцев. Говорят, что и тюркское название чугуна произошло от древних металлургов-чуйцев...

В народных преданиях древним чуйцам давали такие эпитеты, как «шұқшия» (целеустремленные, настойчивые) и «шұкынды»

(тщательные, кропотливые, вникающие в мельчайшие детали). Говорят, что сословие «зергеров» (ювелиров) – их потомки. В казахском эпосе известно также имя мудрого Шу-кагана, который тщетно пытался дипломатическими путями урезонить Александра Македонского, вторгшегося в Степь, после чего собрал сакские племена и дал ему бой возле реки Талас, разбил его войска и отбросил до границы по реке Сыр-Дарья. После этого, как говорится в дастане «Шу-каган», Искандер Зулхарнай (Александр Двурогий) заключил мир и больше не предпринимал попыток завоевать степняков...

Также в предании рассказывается о печальной судьбе «карашу»: во время «топан су мезгіл» (великого потопа) все «элитарные» чуйцы – богатые «сары», праведные «ак» и воинственные «алау» – ушли в горы, расположенные в «восьми частях света», бросив простых труженников в степи. За это, говорится, бог их наказал, рассеяв среди других племен, так, что как единый народ – «ел» – они не сохранились и имя их осталось только в народных преданиях. Оставшиеся карашу каким-то чудом умудрились перетаскать неизвестно откуда многотонные каменные глыбы, построить из них город и, таким образом, спастись от наводнения, запасшись на крышах построек всякой живностью – почти так, как это описывается в Библии про Ноя – «каждой твари по паре». Но постоянное пребывание в городе, в узком, тесном пространстве превратило потомков великанов-алпов в крошечных существ. Это усугублялось кровосмешением: поскольку притока «свежей крови» не было, братья женились на сестрах, в результате чего рождались умственно отсталые дети, хилые, но злобные. Они, как и их предки, умели только копать землю, добывая руду и совершенно не умея разводить скот и выращивать растения. Поэтому среди них началось людоедство – матери поедали своих детей, сильные поедали слабых. «Қарашу» вернулись в дикое первобытное состояние, из которого когда-то их предков вывела прапраматерь «Ал-Бір-ана». Когда после Потопа народы вновь заселили Сары-Арку, то встретили этих одичавших не-

счастливых, совершенно потерявших разум и человеческий облик сородичей. Забыв элементарные правила гигиены, они не мылись, и от них шел такой запах, что с тех пор вонючих, дурно пахнущих людей предки казахов стали именовать «шуаш». Они бездумно «ковыряли землю», накопив целые горы отвала, поскольку некому было плавить добытую ими руду и обрабатывать добытые ими драгоценные камни. Огромные холмы-терриконы в Жезказгане и Прибалхашье, говорят, их рук дело. Когда их пытались выловить, они умудрялись мгновенно исчезать под землей, а затем точно так неожиданно появляться из-под земли, воруя скот и даже детей. В основном этим промышленяли женщины-карашу, называемые в народе «мыстан» (ведьма, возможно, от слова «мыс», т.е. медь) и «жезтырнак» (медные когти). Тогда на специальном курултае было решено затопить все их копи, служившие для них убежищем. Диких карашу, таким образом, частью истребили, частью изгнали в северные леса, где они смешались с «лесными народами». На этом же курултае, по легенде, и был установлен принцип «жеті ата», запрещающий браки между родственниками ближе седьмого колена и строго соблюдающийся степняками по сей день...

Во время почти двухсот лет перманентной войны с джунгарами, казахи пугали детей, говоря, что калмак-ойраты – это «карашущуаш», т.е. нечистоплотные потомки тех самых людоедов-карашу по материнской линии (каз. «жиен»). Объясняли тем, что дескать тюркское племя «ойрат» смешалось с дикими «лесными народами», которые в свое время приютили и смешались с «карашущуаш», пережившись на их женщинах-мыстан (лесных ведьмах). Также калмаков, и, в целом, манчжуров, казахи обзывали «шұршыт», намекая на их происхождение. Видимо, принятие ислама, требующего ежедневного омовения и строгим требованием к личной гигиене, создало у казахов такое неприятие традиционной нечистоплотности джунгар-калмаков...

Одного из своих сыновей «Ді» назвал в честь деда «Ін» (Пещера). Он прославился тем, что первым «цивильно», по тем

временам, обустроил для своей семьи подземное жилище («ін») из нескольких комнат, с бычьими пузырями в качестве окон, пропускающих дневной свет. Стены и полы в комнатах в гигиенических целях, а также в качестве инсектицида от пауков и других насекомых обильно покрывались известковым раствором. Этот второй «Ін» был прозван «Таб-Ін» (Табын). В его пору люди алтайского, иньского, племени стали враждовать с дэвами. Причина была в том, что женщины, выходя замуж за великанов-казанбасов, почти все умирали при родах – большие головы младенцев при родах убивали матерей. А великаны-алпы требовали себе девушек по принципу «құда мың жылдық», поскольку выдавали своих девушек за алтайцев. Тогда люди, не желая воевать со своими «құдалар» (сватами), ушли с Алтая на восемь сторон света. После этого, из-за того, что не было притока свежей крови, алпы стали вырождаться и превратились в уродливых, туповатых албасты...

Слово «албасты» Жазы-бий объяснял как «азған алыптың тұқымы», т.е. «выродившиеся потомки великих алпов». У их женщин груди свисали до колен и они перебрасывали их через плечо. Говорилось, что эти албасты вредят роженицам, внезапно появляясь и пугая их, вызывая преждевременные роды из зависти к ним и в отместку за то, что люди покинули их. В предании также говорится, что женщины алпов были оборотнями, а когда люди ушли от них, то, превращаясь в «таутан» (самку барса), они похищали детей, поскольку хотели иметь детей от людей. Детей они воспитывали батырами, и от них ведут род те турано-арийские племена, тотемом или самоназванием которых является барс. Предания про «таутан», похищавшую детей и воспитывавшую из них батыров, родоначальников племен, имеется у казахского племени «шапырашты», у кыргызского племени «саяк» и среди алтайских найманов. По легенде о происхождении рода «саяк» у Тянь-шанских кыргызов, барсиха унесла мальчика из Тянь-Шаня на Алтай, вскормила его, он вырос, стал батыром, а позже ханом найманов и родоначальником племени «саяк». Повторяет этот сюжет ле-

генда о происхождении казахского племени «шапрашты» и у шапраштинца Казыбек-бека Тауасар-улы, только вместо кыргызского «саяк» там «шапрашты». Албанов также относили к потомкам великанов-албов. Как уже говорилось, к потомкам охотника и женщины-албасты относят себя и алтайские алматы (албаты). Женщин-оборотней, превращавшихся в барсиху – потомков дэвов-алпов, албастыек – казахи, кыргызы, узбеки, уйгуры называли «сары кыз», «рыжеволосыми девами». Слово «албасты» означает «ведьма». Видимо, отголоски этих древних легенд повлияли на то, что рыжие волосы издавна считались чем-то роковым и мистическим почти у всех евразийских народов. Известно, что в европейском средневековье рыжих женщин преследовала инквизиция и охотники на ведьм. Их часто обвиняли в колдовстве просто за цвет волос...

*Археологические находки великанов.
Мифические дэвы-алпы?*

ПРЕДАНИЕ ТРЕТЬЕ:

«Топан су мезгіл» (время всемирного потопа) и допотопные потомки Кибиря

Табын Первый откочевал в горы, названные в его честь «Ін шаң» (Иньшань, «заоблачная вершина Инь»). По его примеру все соплеменники цивилизно обустроились в подземных жилищах. В жаркие месяцы года они днем отдыхали в подземных жилищах, а все работы выполняли ночью. В летние месяцы со стороны казалось, что на поверхности земли присутствует только один скот, а людей нет вообще. Несведущие люди могли подумать, что скот находится без присмотра. Бодрствуя по ночам, предки гуннов часто заглядывались на звездное небо и внимательно изучали его. Дети мечтали вырастить таких лошадей, на которых можно было бы доскакать до звезд... Во времена Табына Первого они еще сохраняли европеоидные черты, унаследованные от своих допотопных предков — алтайских «кибирь-бореев». Но через несколько поколений сказались последствия частого нахождения в подземных жилищах — представители новых поколений становились коренастыми, коротконогими, широкоскулыми и узкоглазыми. Так предания «Яссы» объясняют образование монголоидной расы.

Далее, о потомках Кибиря: четвертого сына Кибирь назвал «Қы-тай» (Делай новое богатство). И по традициям, установленным праmaterью «Бір-ана», самоназвание «Қытай» стало носить племя, которым руководил старшина «Қы-тай». Это племя первым прикочевало на территорию современного Северо-восточного Китая (Манчжурия) еще при жизни Кибиря. Позже племя «қытай» ушло на юг и расселилось вблизи многочисленных племён, родственных между собой, но чуждых по крови и языку пришельцам-кытаям. Это были «черноголовые» (каз. «қарабас») потомки греховной связи Ману и Бану (об этом ниже, в следующей главе). Переселившееся племя называло новых соседей «құмырсқа ел», то есть «народ муравьёв». В свою

очередь, местные племена называли пришельцев «хунхуз», произнося по-своему слово «күн құс» (дневные птицы). Поскольку отношения были не всегда мирными, то слово «хунхуз» в китайском языке стало означать «разбойник». По традиции, о которой говорилось выше, кытай назвали созданное ими государство «Таң» (Восход солнца). Евразийские кочевники по старой исторической памяти, тщательно хранившейся биями, называли новую территорию и населявшие ее племена «кытай», а позже употребляли это название по отношению к целому государству, хотя племя «кытай» уже было изгнано из империи Тан и растворилось среди евразийских народов. Собственно же китайцы, т.е. подчиненные кытаями аборигены, как известно, страну свою Китаем никогда не называли.

Старшего сына Сибири звали «Сыр» (Сокровенный, Тайна), по имени-отчеству «Іс-Сыры». В честь него названа река Уссури и Уссурийский край. В свою очередь, «Іс-Сыры» назвал своих детей «Байқал» («Байкөл», Богатое озеро) и «Аңғар» (Речная долина, а также «Понимай»). В период, именуемый «жер күйген мезгіл», т.е. когда «леса и травы горели на земле», сыновья «Іс-Сыры» оставили Уссурийскую тайгу и переселились близко к водоемам. В их честь получили свои названия озеро Байкал и река Ангара. В этот же период к озерам и рекам перекочевали и другие племена, руководимые потомками Кибирия, Сибиря и Ибиря.

Правнук Кибирия, усыновленный внук Алтая-Иня по имени «Би», был, по преданию, первым независимым «гражданским» судьей. Дело в том, что вся жизнь общин до него была милитаризована и подчинялась приказам вождя, который и разбирал все споры между соплеменниками. Бий стал первым судьей, который разбирал споры не только внутри общины, но и между разными племенами. В честь него названа река на Алтае – Бия. А в честь его жены, которая стала руководительницей рода, названа другая река. На русском языке её название звучит как «Катунь» (каз. «Қатын»). По словам Жазы-бия, поскольку прямые потомки этого алтайского Бия были ядром казахского Среднего

жуза, постольку Толе-бий, лучший знаток учения «Жасау-ізі», сформулировал: «Орта жүзге қалам беріп дауға қой» (в образно-смысловом переводе «судейство и улаживание споров лучше всего получается у Среднего жуза»).

Масгут Шайкемелев и Султан Имбергенов, как отмечалось в предыдущей главе, слово «бий» производили от «ми», т.е. «головной мозг». Но в версии Жазы-бия дается другое объяснение. На древнеалтайском языке «би» — это «звезда», но вместе с тем это слово обозначает и «мерцание звезд», и «танец». Смысл такого прозвания можно интерпретировать следующим образом. Ночью охотники и пастухи ориентировались по звездам. В жизни, как и в природе, случались беспросветные периоды смут и взаимной вражды между членами рода и родовыми общинами. В этих случаях пути выхода из тупиковых положений указывали праведные и справедливые судьи. Они уподоблялись звездам на небе, указывающим в ночи направление движения заблудившимся путникам. В честь легендарного Бия всех независимых судей и хранителей древнего знания потомки древних алтайцев стали впоследствии именовать биями. С тех пор слово «би» (бий) обрело новое значение — «справедливый независимый судья — хранитель древнего знания и традиций». Имя супруги Бия «Қ-атын» можно перевести как «делай именитые личности». От имени этой достойной женщины, согласно учения Майкы-бия, произошло понятие «қатын» («хатун»), обозначающее в смысловом переводе «достойная супруга» и «достойная женщина». Поэтому Жазы-бий различал два определения женщины: «қатын» и арабское «эйел». Последнему в русском языке соответствует просто «баба». Смысловая разница такая же, как у мужчин «ақсақал» и просто «шал».

Старшего сына Бий назвал «Абыл» (Мастер облавной охоты). Во главе своей родовой общины он откочевал к реке, которая была названа в его честь «Амур». Старшего сына Абыл назвал «Алай» (Исполненный энергии, Подобный пламени). Годы возмужания и зрелости Алая совпали с периодом великого бедствия, сохранившегося в народных преданиях как «топан-су

мезгіл», т.е. «время великого потопа». Вода на пастбищах поднялась выше колен и не подавала никаких признаков спадания, не просачиваясь в почву. В один прекрасный день кочевники устремились на юг, но грозовые тучи и ливневые дожди двигались за ними, а иногда обгоняли их, поэтому люди неделями шли без отдыха. Когда они прибыли на юг, то оказалось, что и тут равнинные места были затоплены водой. Местное население освоило склоны гор. Вновь прибывшим беженцам ничего не оставалось, как тоже подниматься высоко в горы. Кони алтайской породы привыкли находить горные тропы и взбираться по ним. Оголодавшие за несколько недель перемещения по затопленным местам, они устремились высоко по тропам, чувствуя запах трав горных лугов. Именно благодаря коням кочевники освоили высоты, которые прежде казались недосыгаемыми. Так Алай, возглавив родовые общины «Би-Абыл» и «Алай», покорила горные вершины, которые позже были названы «Бабыл» (узб. «Бабур», кырг. «Памир») и «Алай» (Алайские хребты) в честь тех родовых общин, которые первыми освоили высотные луга. Подобным же образом в период Всемирного потопа получили свои названия и другие горы.

У Кибиря был еще один сын по имени «Бөрі», «волк-вожак», названный так в честь деда. Он руководил племенем «Қ-Бір-Бөрі», что означает «Борей, сын Кибиря». Возможно, таинственное племя гипербореев у Геродота и есть потомки Кибирь-Борея. У «Бөрі» был сын по имени «Қас» (или «Хас», каз. «Бровь»). Говорят, что родился с густыми бровями. Его называли «Қас-би», поскольку он был главным бием своего племени, а по имени-отчеству – «Бөрі-Қас». Они жили и пасли коней вместе с родственниками из племени «Қамбар» («Кемпір») от Алтая и до Урала. Когда народ их разросся, то в поисках новых пастбищ они откочевали на юг к морю, которое называли по имени главного рода «Бөрі-Қас», но в эпоху, когда «земля горела под ногами» («жер күйген мезгіл»), это море обмелело и превратилось в озеро, которое ныне именуется «Балқаш» (Балхаш). «Славное море Борукас» (Варукаш), упоминаемое в «Аве-

сте», очевидно, и есть Балхаш. У Хаса было два сына – «Хасан» («Қасан») и «Хасен» («Қасен»). Спасаясь от жары и засухи, племена «Қасан» и «Қамбар» откочевали к морю, которое казахи поныне называют «Қас-би» («Каспий»), хотя турки его именуют «Хазар дениз» («Қазар теңіз», Хазарское море). Хасены ушли на восток, в монгольскую степь. Вся степная часть от Балхаша до Каспия называлась «қасқа жер», а потомки Хаса, сына «Бөрі», внука Кибиря, «кибирь-борей», именовались «қасқы» (бровастые), или «қасақ», «қазақ», «қазар». Уральские казаки, обращавшиеся к Жазы-бию как к арбитру, и служившие у него, именовали себя «қазара» (хазара), а их потомки, живущие в Западно-Казахстанской области, именуют так себя по сей день. Разумеется, этимология эпонима «Қас» от каз. «бровь» – фольклорный вариант. Академик Алькей Маргулан перевел слово «қас» как «конь», а «қазақ» как «конник», что представляется более достоверным.

Касательно Каспия, несколько иная версия Масгута Шайкемелева: у Хаса было три сына. Своего старшего сына «Қас» назвал «Би» в честь великого алтайского Бия, это Бий Второй по имени-отчеству «Қас-Би». Его именем названо Каспийское море. Среднего сына Хас назвал «Бек». По имени-отчеству «Қас-Бек». Младшего сына – «Болат» (Сталь), по имени-отчеству – «Қас-Болат» (Хасбулат). Последний был известен как «тас жарылған ұста» (кузнец, раскалывающий камни). Народная молва приписывала ему мистическое происхождение, будто бы семя Хаса попало на камень и Болат вылутился из камня как из яйца «с треском расколов камень», за что получил прозвище «Хаста», или «Ұста». Поэтому в его честь всех кузнецов стали впоследствии называть «ұста». Интересно также то, что казахское племя Кете Младшего жуза считало его своим прародителем. Думается, что здесь в форме аллегии отражен древнейший процессковки метеоритного железа либо самородной меди, выглядевших как камень.

Позже, во времена Всемирного потопа («су-топан мезгіл») племенной союз «Қас-Бек» откочевал со своим народом в горную местность, которая получила название «Қау-Қас» (Кавказ)

из-за высокой травы, а одна из вершин в этой местности была названа «Қас-Бек» (Казбек). В честь имени Бека появился титул «бек» и впоследствии всех сильных организаторов и вождей стали называть «бек». Жазы-бий отмечал, что не следует путать звания «бий» и «бек» – первое означает гражданско-судью и ученого-жреца, тогда как второе означает военно-административного управленца, вождя, правителя.

По словам С. Имбергенова, у «Бөрі» был еще один сын по имени «Қу» (Лебедь). В честь него названа река Лебедь на Алтае. Так по русски звучит прежнее название этой реки «Қу». У «Қу» были сыновья с именами «Таң» (Рассвет), «Нән» (Громадный), «Алаш» (Радуга, или Пестрый) и «Ін» (Нора). В период «всемирного потопа» этим братьям пришлось осваивать пастбища на склонах гор, которым были присвоены их имена: «Таң-шаң» (Тянь-Шань), «Алаш-шаң» (Алашань), «Нән-Шаң» (Нянь-Шань), «Ін-Шаң» (Инь-Шань). Здесь явное противоречие с версией Жазы-бия, согласно которой Инь-Шань был назван в честь Иня Второго (Табына), сына Ди. Слово «шаң» обозначало одновременно такие понятия, как «падающий снег», «клубящаяся пыль», «марево», «силуэт», «неясные очертания, контуры чего-либо», «облако, окутавшее горную вершину», «заоблачная, едва видимая вершина». Жазыбий пояснял, что если «шың» — это «пик», «скала», «видимая вершина», то «шаң» — это «заоблачная, едва видимая вершина». У Тана были сыновья «Алау» и «Қара». В честь них названы горы «Алау-тауы» (Алатау) и «Қара-тауы» (Каратау). Такова версия Султана Имбергенова. Здесь обращает внимание упоминание Иня уже в роли сына Ку, а не сына Ди, внука Борея Второго, а не Алтай-Иня. Очевидно, что речь идет об Ине Втором в варианте Жазы-бия. Как бы то ни было, генеалогия от Кибиря, алтайское происхождение и миграция в Иньшань совпадают.

Правнука Сибири звали «Істі» (Деловой). Целиком имя его произносится «Істі-ұрт». Во времена Всемирного потопа родовая община «Істі-ұрт» освоила прикаспийское горное плато, которое в настоящее время называется Устюрт. В тот же период один из правнуков Кибиря по имени «Қазық-ұрт» возглавил родовую

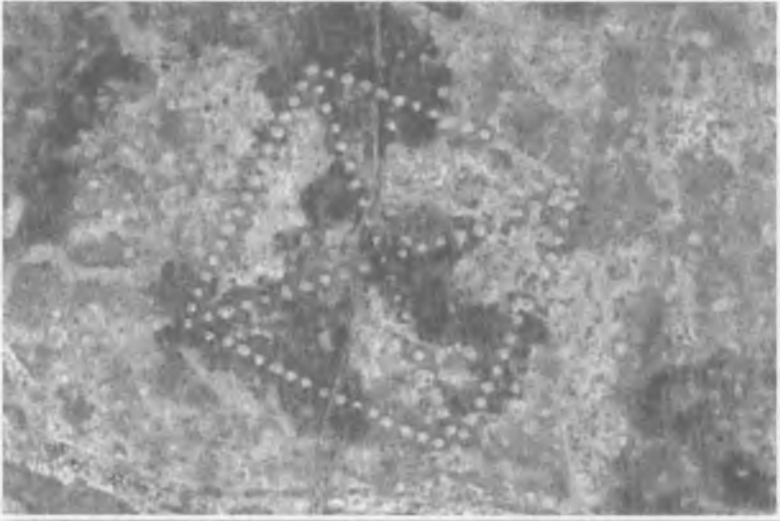

общину, которая освоила гору, получившую название Казыгурт, расположенную в Южном Казахстане. Похоже, что приставка «ұрт» (совр. каз. «полость рта») в праязыке имела то же значение, что и позже тюрко-монгольское «ду», т.е. «языкотворец», «мыслитель, обогащающий понятийный аппарат и лексику». На языке «қазық-ұрт» говорили алтайские племена. На языке «істі-ұрт» говорили тянь-шаньские, нянь-шаньские и инь-шаньские племена. Был еще «алай тілі», на котором говорили племена, спасшиеся от потопа в горах Памиро-Алая. Первые два языка были родственными, и в истории их воспринимают как один язык: древнетюркский. Третий язык называют древнеиранским языком. Были также смешанные языки, например «сарт тілі», или согдийский язык. Первые евразийские мыслители проповедовали свои устные учения одновременно на нескольких языках. Была большая разница в произношении. Например, вместо слова «іс» (дело), некоторые племена говорили «иш», а другие – «ич». Эти различия, сохранённые и по сей день, идут с древности. Вместо «кісі» говорили «кичи», «киши». Были племена, которые вместо звука «а», говорили «о», вместо «к» произносили «г», а вместо «с» — «з». Поэтому слово «аққұс» (белая/благородная птица, лебедь – прим. ред.) они произносили как «окгуз», что слышалось как «огуз». Подобные различия порой приводили к недоразумениям в трактовке исторических названий, к трудноразрешимым спорам. Вместо «аққұс» говорили «огуз», и когда речь шла о таком принципиальном понятии, как «огуз эль», смысл резко менялся: то ли речь идёт о свободном кочевом народе «аққұс ел» («народ белых/благородных птиц», «лебединое племя»), то ли это подневольный земледельческий «өгіз ел» («нация волов»). «Өгіз» – это «вол», т.е. кастрированный бык. Кочевники ассоциировали свои коллективы (роды, племена, союзы племён) или с образом волчьей стаи, или с образом стаи птиц. Но никогда – со стадом рогатого скота. Например, «ку» (лебедь), или, что то же самое во множественном числе «кун» – это гунны. «Бөрі» (матёрые волки) – тюрки. Гунны считали своим родоначальником личность по имени «Ку»

– «Лебеда». Тюрки вели своё происхождение от «Бөрі-ана» – «Матери-волчицы, вожака стаи». Что касается слова «өгіз», то оно не могло быть символом рода-общины, так как вол символизировал трудолюбие, покорность и отсутствие «мужского начала». Кастрированный бык не был позитивным символом и эти качества вряд ли могли ассоциироваться с вожаком, лидером. И, главное, с идеалом воли и свободы, столь свойственным кочевникам. Клич «мы –волы!» просто психологически не мог быть принят теми, кто пел в своих народных песнях: «Мы свободны, как стаи лебедей». Лебеди не случайно считались священными птицами. Маршруты этих птиц служили евразийским кочевникам в качестве ориентиров для перекочевки, а также сезонных временных ориентиров. Заповедно чистые озёра и реки, которые были облюбованы лебедами и гусями, оказывались самыми удобными местами, вблизи которых можно было проводить весенне-летний выпас скота. На практике оказывалось, что коневоды и «ақ-құс» («белые благородные птицы», гуси-лебеди) – постоянные соседи. Древние евразийские кочевники подражали голосами гоготу гусей, высшей оценкой певца или певицы было «каз дауысты» («голос, подобный гусиному») и даже музыкальные инструменты делали в форме лебеда. Эмблема «қу мойын» (лебединая шея) стала одним из основных элементов орнамента потомков древнего Лебеда. Убийство лебеда до сих пор у казахов считается уголовным преступлением. Более того, народная этимология само имя «қазақ» выводит от мифического «гуся белого»: «каз» – «гусь», «ақ» – «белый», хотя, конечно же, истинная этимология иная, о ней говорилось выше.

Время непрерывных ливневых дождей длилось недолго, по всей вероятности, года два-три. Но зато потребовалось несколько двенадцатилетних циклов («бір-неше мұшел»), чтобы на равнинных местах реки вошли в прежние русла, земля подсохла и оказалась пригодной для обитания на ней человека и животных. С периодом возвращения кочевников в степи связаны ниже приведенные легендарные имена потомков таких родоначальников, как «Пәмір», «Әз», «Таң», «Нән», «Ін», «Істі-ұрт», «Қазық-ұрт».

*Тургайский неолит-энеолит,
снимки из космоса древних городищ в форме квадрата
и трехколенной свастики*

ПРЕДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ:

Возвращение в степь после потопа, учения «Әз» (мудрость) и «Дат» (возмездие – основа правопорядка).

Вода ушла при потомке Памира по имени «Әз» (Мудрый). «Әз» спустил племена с гор в степь, на равнину. Его средний сын Ману (каз. «Мануар», «Мануарбек») был поселен справа от хребта (каз. «онтүс»), т.е. южнее; старший сын Датъя (каз. «Дат-ұя») и младший сын Ар – на север от Памира (каз. «солтүс»). По жазыбиевской версии предания, у Аза от второй жены родился не один сын Ману, а близнецы, двойня – брат с сестрой – Ману и Бану. Они вступили в греховную связь, поэтому отец их проклял и отселил в южной стороне, не позволив идти с ним и остальными детьми на родину. От инцеста у них рождались низкорослые, тощие (каз. «арык»), физически слабые и умственно отсталые дети, а Создатель (каз. «Жаратушы») пометил их темной кожей («кара», «қарабас») и плоскими носами в назидание всем остальным людям. От грешных родителей они унаследовали их похотливость и бесстыдство, поэтому стали плодиться во множестве. Им был запрет идти на север и они стали размножаться на восток, на запад и на юг. Там их похотливые и бесстыдные женщины сворачивали достойных потомков Великой праматери и рожали помесь «достойных» и «недостойных». От них, по преданию, якобы произошли китайцы-хань и индусы. Якобы от них же унаследовали тонкие кости и худобу сарты – оседло-земледельческие народы Средней Азии. С тех пор, согласно Жазы-бию, в среде казахской родовой аристократии бытуют поговорки: «Ақ пен ақ ак-бөпе туады, кара мен кара – масқара болады» и «жігіт – мұрынды, ат – ерінді». Невесту же было предписано выбирать по признаку «аяқ-қолы балғадай» (руки-ноги крепкие, как молот). Худосочных и тонконогих степняки не брали даже в набегах, не говоря о том, чтобы платить за них «қалым мал» (выкуп за невесту). «Ақ» в первой поговорке означает и белокожесть, и праведность, в силу многозначности казахских образных выра-

жений. «Қара» может также означать как темный цвет кожи, так и моральную изменность, зло. Поэтому, в образно-смысловом переводе, данная пословица означала: «От брака двух белокожих родится белокожее дитя, от союза двух праведных родится чистое душой создание. От двух темнокожих родится страшилище, союз двух грешников породит кошмар». Вторая пословица означала, что «породистого джигита характеризует крупный нос, а породистого коня – полные губы». Древним мужским приветствием, до принятия Ислама, было не «ас'салам ұа'aleyкум», не вопрос «сәләмәтсіз ба?», а «мұрын семіз ба?», буквально – «толст ли твой нос» в смысле «все ли в порядке, не осунулся ли от переживаний?»...

Как отмечалось выше, в версии Масгута Шайкемелева «Қас» (Хас) отвел свой народ в горы Кавказа, а потом вывел обратно в степь. Возможно, что «Қас» и «Әз» это один персонаж. Как-бы то ни было, степные народы считают Аза (или Хаса), основоположником идеологии кочевого образа жизни в Степи, «казакования». Он считается образцом мудрости, и казахи называли самых мудрых своих ханов «Әз»: «Әз-Жаныбек», «Әз-Тауке». Поскольку во времена Аза еще не было письменности, то единственным способом передачи знаний и опыта молодому поколению был устный способ обогащения детей информацией, получаемой из уст взрослых членов семьи. Информация передавалась от отцов детям, от детей внукам, от дядей к племянникам и далее. Аз считается первым изобретателем письменности. По преданию, он также изобрел орнамент, в котором каждый символ, каждый завиток узора нес какой-то смысл. Благодаря ему новый орнамент стал не просто украшением кошмы, одежды, посуды, сбруи или оружия, но стал нести в себе целые послания и скрытые смыслы. В новом орнаменте появились такие знаки как «түе табан» («верблюжье копыто» в форме сердца), «құт» («жизненная сила, дарующая благо» в форме спирали), «айқышты» («сакральное число восемь» в форме креста или свастики, символ пространства и движения). Две спирали составляли «қошқар мүйіз» («рога барана-вожака, производи-

теля») и неспроста этот древний символ украшал шлем Александра Македонского, который именовала «Зул-карнай», т.е. «двурогий». «Сыр құт» – это «тайнство харизматичной власти» в форме двух спиралей с наконечником копья по центру. «Ку мойын» – это «лебединая шея» в форме буквы S, которая символизировала диалектику мироздания, единство и борьбу двух противоположных начал. На этом древнем символе построено величественное здание китайской философии «инь-янь» с тех пор, как степняки – потомки Аза – на боевых колесницах установили династии в Древнем Китае...

«Әз» знаменит был также тем, что основал для своих прямых потомков системную школу мудрости. Он ввел понятие «сана» (рассудок, логика) и «сезім» (чувственное познание мира, интуиция). Параллельно «Әз» оперировал такими понятиями, как «санасыз» (несознательный, глупый, безрассудный) и «сезімсіз» (бесчувственный). Позже Чингисхан объединил эти понятия в слове «жаман» (недостойный человек). Азу приписывается изречение, получившее статус императива: «Ойланбай аяқ баспандар» (не делайте ни одного необдуманного шага). По преданию, Аз ввел для родовых общин такие понятия, как «ұя» (родное гнездо) и «бір ұядан ұшқан» (вылетевшие из одного гнезда). Он говорил: «Птицы летают стаями и приводняются на заповедных озерах также стаями. Мы тоже лебеди и гуси, кочуем родовыми общинами и осваиваем заповедные пастбищные территории». «Әз» учил: «Каждая родовая община должна иметь свое богатство — это скот и пастбища, «жайляу» (летнее пастбище) и «қыстау» (зимнее пастбище). Все вместе – это «жер-су» (букв. «земля-вода»), святая святых каждого рода-племени. Никто не имеет права посягать на «жер-су» других родов. Любая родовая община (каз. «ру») может процветать только лишь при условии, что каждый член рода трудится не покладая рук. Тяжело разводить скот, тяжело за ним ухаживать, но еще тяжелее его сохранить. Скот невозможно хранить под замком (каз. «малды кулыптай алмайсын»). Он пасется на воле, на раздолье. Потому за ним беспрестанно охотятся стаи разных хищников. Но самы-

ми опасными являются «двуногие хищники». Угнать скот для них ничего не стоит. Поэтому каждое племя, каждая родовая община должна уметь защищать себя и свое богатство. Для этого необходимо создавать и совершенствовать оружие. Главным богатством являются кони. Нужно уметь возвращать боевых коней, уметь изготавливать оружие для воинов»...

Старшего сына Аз назвал «Дат-үя» (защитник родного гнезда). В честь него была названа река Датья, которая позже была переименована древними тюрками в честь хана по имени «Сыр» (Сокровенный) и получила название «Сыр-дарья» (река Сыр). В древнеарийском языке «алай-тілі» имя «Дат» означало «месть», «возмездие», «защита», «правосудие», в целом подразумевая «правопорядок»: Датья создал учение о возмездии и правосудии как основе правопорядка. По этому учению, месть могла быть справедливой или несправедливой. Праведным считалось возмездие и отмщение против произвола, бесчестья, бесстыдства, предательства, несправедливости. Мечь против бесчеловечности, произвола, попрания вековых норм морали и обычаев, неоправданного насилия, угона скота – справедлива, это и есть справедливое возмездие, которое и составляет суть правосудия. Оно должно приводить к наказанию несправедливости, наказанию преступления. Неправедная месть в порыве гнева – само по себе преступление и произвол. Справедливое возмездие не должно проявляться мгновенно, поскольку недопустимы никакие эмоции и горячность. Взвесив все причины, нужно убедиться в справедливости мести и соразмерности возмездия. Только тогда месть и требование возмездия превратятся в «дат», в правосудие. Поэтому мудрая Оялын, мать Чингисхана, учила его прежде чем выносить решение, загибать десять пальцев на руке, дабы усмирить эмоции и гнев...

Дат – это не месть одного человека. Это правосудие целого рода, племени, всего сообщества, коллективное правосудие. Возмездие общества всегда справедливо. Но и ответственность за преступление члена общины – рода или племени – тоже будет коллективной. Род отвечает за каждого своего члена, и

род мстит за каждого своего сородича. «Один за всех и все за одного». Дат не преследует конкретных людей, послуживших средством для нанесения незаслуженных обид. Дат преследует причинно-следственные корни конкретной несправедливости и стремится к их уничтожению. Если провинился кто-то один из соседей, то делается набег, «барымта», и угоняется скот всей общины, к которой принадлежит виновник инцидента. Если это оседлое поселение, то также делается набег и оно разоряется. За воспитание члена общины, а следовательно, и за его деяния отвечает вся община. Вершителя правосудия, возглавляющего набег, называли «датқа». У гуннов «датқа» обозначало «командир отряда», «полевой командир». Тысячелетия спустя, слово «датқа» стало означать «прокурор» и «судоисполнитель». Степняки-кочевники не задавались вопросом «кто персонально совершил преступление?», их интересовало только «из какого рода-племени преступник?». Таков был «дат» – правосудие, возмездие и месть степняков...

Чингисхан, благодаря Майкы-бию, возродил этот принцип в своем «Жасаке», постановив, что за воинскую провинность одного отвечает весь десяток (отделение), за провинность десятка отвечает сотня (эскадрон), за провинность сотни отвечает тысяча (полк, часть). Эта психология коллективизма, характерным проявлением которой был принцип коллективной ответственности, была абсолютно чужда менталитету и психологии оседлых народов, которые исповедывали принцип личной, персональной ответственности, позже ставший основой «римского права». Для оседлых народов было немыслимо, чтобы за провинность одного отвечал весь коллектив, им это казалось диким и несправедливым. Хотя, истины ради следует отметить, что был период и в истории Рима, когда исповедывался принцип коллективной ответственности «дат». Тогда римские легионы были непобедимы. Когда в степи стало тесно и старшие откочевали с конями, верблюдами и овцами в Иран, Аравию и на Ближний Восток, то они несли туда и этот принцип «дат», который, видимо, тысячелетия спустя, вернулся к нам вместе с исламом в виде по-

нятия «адат», или «эдет». В науке это называется «культурно-лингвистический реимпорт». Арабские кочевники-бедуины, даже женившись на местных женщинах, ассимилировавшись и утратив древний язык своих евразийских степных предков, все же сохранили кочевой скотоводческий образ жизни, а вместе с ним и эти великие обычаи. Быть может именно этот «дат-адат» и явился основой комплиментарности тюркского мировоззрения и арабского ислама? Может, это и есть одна из причин быстро утверждения ислама в тюркской ойкумене?

Как уже отмечалось, в кочевом обществе воинов, охотников и коневодов для мужчин бытовал принцип: «Общественное благо выше личных благ. Общая цель – выше личных устремлений. Коллективное выше индивидуального». Правило гласило: «Әкенің ұлы болма – елдің ұлы бол», т.е. «настоящий мужчина должен быть не сыном своего отца, а сыном своего эля (рода, племени, народа)». Общественное благо именовалось «игі». Поэтому Датья к императиву «бірлік бар жерде, тірлік бар», сформулированному праматерью Ал-Бір-ана, добавил: «Игі бірлікте». С тех пор это правило так и звучит: «Бірлік бар жерде, тірлік бар. Игі бірлікте» (Жизнь цветет лишь там, где есть единство. Общее благо достижимо лишь общими усилиями). Этот императив спустя тысячелетия Чингисхан вновь вознес до уровня государственной идеологии, благодаря ему Чингисхан сумел объединить народы Евразии.

Здесь хочется отметить, что «татаро-монгольское иго» русских летописей означает отнюдь не «ярмо». Оно означает вклад положенной доли в «общий котел» объединенной общности, «общественного блага» – «игі», иначе говоря, «иго» означало просто уплату налогов в казну единого государства. Лишь потом оно приобрело негативный смысл и стало ассоциироваться со старославянским «иго», означавшим «ярмо». Согласно учения «Дат-ұя», все блага делятся поровну, не обходится стороной даже самый слабый и немощный. Все имеют равные права на добычу в облавной охоте, на порцию пищи в коллективной трапезе и так далее. Но точно так же все мужчины в равной мере

должны быть воинами на войне и на охоте. Отлынивать от исполнения мужского долга не может ни сын бия, ни сын бека, ни сын хана. Датья выработал методику воспитания воинов с малолетства. Шестилетние дети метко стреляли из маленьких луков, специально изготовленных для них, и учились ездить верхом на собаках и овцах. Их называли «тырнак» («ногти»). Десятилетние дети участвовали в облавной охоте и военных учениях вместе со взрослыми. Они прекрасно владели не только луком, но и пикой. Их называли «бармак» («пальцы»). В 16 лет юноши становились искусными воинами, которых называли «кол» («руки»), а также «ғол», «ғар». Этот принцип воспитания мужчин-воинов позже использовался степняками на протяжении тысячелетий, вплоть до XX века. Похоже, что фразеологизм «с молодых ногтей» проистекает отсюда...

У Дата от первой жены родились три сына: «Мад» («Мад-ұя», «Мәди», «Мадар», «Матай»), «Мағ» («Маға», «Маға-ұя») и «Сауыр» («Савир», «Заур»); от второй жены – «Қаңғ» («Қаңғар», «Қаңғлы»), «Бак» («Бақтиар»); от третьей жены – «Балта» («Балталы»), «Тары» («Тарақ», «Тарақай») и «Қада» («Кете»). По другой версии, как говорилось выше, «Қаңғлы» был сыном Ди, братом Кыпчака. Также Дат усыновил племена из колена «Ін-Ді», потомков Алтая-Иня и Ди Первого: «шақшақ», «кыбытшақ» («кыпшақ»), «барс» («берш», «парс») и «жалайыр» («жағалық», «яглакар»). Про последних говорится следующее: когда Дат спустился с гор в степь, то обнаружил там «одичавших сирот» («тағылау жетімдер») – племена, которые раньше их освоили степь. Это были потомки Ди из тех, кто когда-то ушел от дэвов – рыжие, рослые и неуклюжие, поклонявшиеся барсам, охотившиеся с гепардами «шадыр қабылан» («чита») вместо собак и выходившие против тигра с одним ножом. Они ездили на конях без попоны, вместо узды и удила использовали аркан и кости, а их «қара күш» (природная физическая сила) была такова, что, вскакивая на коня, они обрывали у него гриву. Поэтому, дескать, их прозвали «жал-айыр» («оторви конскую гриву»). Никто лучше них не умел ловить коней курыком и арканом. Когда Ар

усыновил их после смерти Дата, то им дали имя «жағалық-ар» («яглакар»), т.е. «прибрежные (береговые) арийцы», поскольку они умели ловить рыбу и научили этому всех остальных. Этих потомков Иня и Ди обобщенно именовали «ін-ді» (также «индыс», «сінді»). Они до того одичали в степи, что стали «сақау» (картавыми): вместо «р» произносили «й» или «л» как некоторые кыпчаки, а вместо «с» шепелявили, как некоторые башкиры, по словам Жазы-бия, близко общавшегося с ними (дед Жазы-бия был назван в честь друга их семьи, известного башкирского поэта, батыра и миссионера Ак-муллы). Нельзя не отметить здесь схожесть сюжетов с легендой про «карашу-шуаш» в том, что и там, и здесь вернувшиеся после Потопа племена застают своих одичавших сородичей...

Про кыпчаков датской эпохи помимо их «усыновления» также говорилось, что они изобрели колесо и изготовили телегу. То же самое говорилось в предании и про канглы. Народный фольклор название «қаңғлы» увязывает с повозкой «қаңқа», дескать от скрипа ее «қаңқ-қаңқ» пошло название племени. В другой версии говорится, что Кыпчак изобрел телегу, а его брат придумал, как укрыть ее, соорудив каркас, за что был прозван «Қаңқа» (по-казахски «қаңқа» - каркас, остов, скелет). Другой вариант народной этимологии производит «қаңғлы» от слова «қаңғыру» (бродяжничать). Сами канглы переводят свое имя как «породистые», «царственные» от слова «қан» («кровь», «порода», «хан»). Это кажется на первый взгляд хвастовством, однако имеет под собой реальную основу, поскольку у древних тюрков породниться с канглы почиталось за честь. Кыпчаков казахские бии именовали «кибиточниками» от слова «қыбыт», поскольку они традиционно пользовались повозками с волами вместо вьючных верблюдов и кочевали не мелкими аулами, а целыми родами, как монголы. Ираноязычные сарты и славяне слово «қыпшак» произносили как «кипичак», объясняя это их буйным нравом и чрезмерной вспыльчивостью («кипичак» означало кипяток). Майкы-бий рассматривал кыпчаков и канглы как один народ. Это неудивительно, поскольку в период за-

воевания Чингисханом Хорезма так оно и было. Интересно то, что их тамги схожи, но у канглы тамга в виде одной вертикальной черты I, тогда как у кыпчаков – две черты II. То есть по тамге канглы считаются старше, хотя по всем вариантам предания они получают младше...

Есть и другие версии касательно индо-арийского союза племен. Так, в варианте Масгута Шайкемелева говорится, что в союз племен, которым руководил Ар после смерти Дата, влилось новое племя «інді», прикочевавшее с берегов Иртыша. Совместно с племенем «ар» они создали союз «інді-ар» («индар», «индра», «индира»). Местность, которую освоило новое племя, до сих пор называют Индер. Расположена она в Западном Казахстане, в Приуралье. Подробнее, это звучит так: Инь Второй, имевший прозвание «Таб-Ин» (Табын), назвал своего сына «Ді» в честь деда. Этот Ди Второй возглавил племя «ін-ді», которое позже разделилось на три части, возглавляемые сыновьями и внуками Иня Второго. Младшие, как хранители «кара-шанырака» остались кочевать между Иньшанем и Монгольским Алтаем. «Средние» ушли западнее, кочевать между Рудным Алтаем и Тянь-Шанем. Как они назывались, к сожалению, уже неизвестно. Старшее племя под названием «інді» откочевало еще дальше на запад, в Западную Сибирь и Южное Приуралье, где с частью арийских племен образовало союз под названием «інді-ар», который позже перекочевал на территорию Китая, Афганистана, Пакистана, Индии, где создал государства и династии. Руководил этим союзом племен Ар Второй, известный в истории как «Інді-Ар» (Индра, Индира). Это давало основание Чингисхану претендовать на руководящую роль «старшего брата» в отношении всех государств, когда-то образованных племенами индов (синдов) и ариев. Другая – «младшая» – часть племенного союза «інді-ар» вначале откочевала к Прииртышью, а позже вернулась на запад, в местность, получившую название Индер. В родном краю Иньшань остались следующие потомки Ди Второго: сын Инь Второй, внук Ди Третий, правнук Инь Третий, праправнук «Іле», в честь которого названа река Или. Каждый из них возглавил родовую общину, которые вместе составили племя с самоназванием «Ін-Ді-Іле».

Не исключено, что «динлины» китайских хроник и есть те самые «ін-ді-іле» учения Майкы-бия. В варианте Султана Имбергена говорится несколько иначе: дескать, руководил племенем «ін-ді» старшина по прозвищу «Ер». Он решил откочевать из Прииртышья после губительного половодья, во время которого погиб его любимый сын по имени «Тіс» («Зубы»). У мальчика очень рано стали прорезаться зубы, и поэтому его назвали «Тіс». После его рождения реку, на берегу которой родился первенец, назвали «Ертіс» (Иртыш). Но Жазы-бий название реки «Ертіс» (Иртыш) производил от имени союза племен «ар» («ер») и «дат» («таз», «тіс»), как результат их откочевки с запада на восток, от Урала к Иртышу, а превращение «дат» в «таз», или «тіс» произошло из-за «картавых соседей». Версии Жазы-бия и Масгута Шайкемелева представляется более достоверными...

Хранителем своего учения Дат назначил сына по имени Мад («Мад-ұя», «Мәди»). Тот должен был зорко следить, чтобы все народы Степи свято блюли установления Аза и Дата, законность и порядок. Самым страшным преступлением считалось нарушение клятвы и обман доверившегося. Эту его традицию продолжил Чингисхан, для которого также обман доверившегося соплеменника считался преступлением, достойным смерти, ибо только на взаимном доверии и нерушимой верности данному слову может существовать общество достойных людей. Ибо нет ничего более святого, чем верность данной клятве, присяге и договору – только на них и зижделись все межродовые и межплеменные союзы. Убийство послов приравнивалось к обману доверившегося и вызывало немедленное объявление войны. Сегодня это стало общепринятой нормой международного права. Мад разбирал все жалобы и споры, а его летучие отряды колесили по всей Степи и наказывали клятвопреступников...

У Мада был сын Сыпат, названный так в честь древнего Сибири. Часть его племени осталась в казахской степи, а их вождь, поскольку были младшим «кеңже», именовался «Сыпатым». Старшие откочевали на северо-восток к Байкалу, на землю древнего Сибири, и их вождь назывался «Сыпатай». В его честь был назван чингисха-

новский ноян Сыпатай-батыр (монг. Субедей-багатур), поскольку его племя «ұран-қайыр» (монг. «урянхай») происходило от Сыпатая, сына Мада. В честь самого Мада Первого, кочевники называли своих сыновей. Так, к примеру, звали скифского вождя Мадия, покорившего Ассирию и Вавилон. Но самый известный из названных в его честь – создатель гуннской державы «Ер Мэди», известный в преданиях также как «Мэдиар» (Мадьяр) и «Ақ-құс Мэди» (лебедь праведный Мади, или огуз Мади). Конфедерация «дат-ар» имела мощные племенные союзы «ін-ді-ар», «мад-ар», «қада-ар», «қанг-ар», «сауыр-мад», «жағалық-ар» («жалайыр»). Первые три по казахской генеалогии-шежире считаются родными братьями от «сары-жетім» и входят в племенной союз Аргын Среднего жуза с именами «Алдиар», «Мадиар» и «Құдиар», причем Кудияр по легенде считается погибшим, а вдову его по закону «эменгер» (левират) взял Алдиар по прозвищу Таз, детей его, соответственно, Алдиар-Таз усыновил. После смерти Алдияра всех усыновил Мадьяр. Здесь следует особо отметить тот факт, что в эпоху Аз-Тауке хана (конец 17 века н.э.) действительно известны личности с такими именами, но это отнюдь не значит, что это были их собственные имена. Иначе как, спустя века оказываются одноименные схожие персонажи, причем это генеалогическое предание оказывается абсолютно схоже с преданием венгерских мадьяр? Дело в том, что по древнейшей традиции степняков «ер» (лидер, вождь), возглавивший род, племя или союз племен, утрачивал свое личное имя, данное при рождении, и принимал новое имя-титул. Если возглавляемый им народ был уже с известным и древним «престижным брендом», то он принимал в качестве прозвания-титула имя рода-племени, которое возглавил. Это отражает философию степной морали и демократии: вождь тем самым как бы отрекался от себя, от своих личных забот во имя заботы о всей общине, он отрекался и от личной жизни во имя жизни всего возглавляемого им «эля». Правитель любого уровня должен был беззаветно предан руководимому им народу. Кроме того, часто родо-племенными старшинами становились отнюдь не выходцы из этой общины, а «приглашенные со стороны» – «ады», «атығай». Слово «атығай» букваль-

но означает «тот, которому дано новое имя и он обязан к нему привыкнуть». К примеру, знаменитый чингисхановский полководец «Мүкірейіл» (кит. «Мухали») из племени «үйсын» возглавлял племя «жалайыр»; тамерлановский соратник Байдибек-бий (потомок Майкы-бия из племени «үйсын»), возглавлял племя дулат, а его внуки руководили племенами «сары-үйсын», «ысты», «ошақты», «шапрашты», «албан», «суан», «дулат», оставшись в памяти потомков под этими именами. Таких примеров можно привести множество. Поэтому, изучая летописи, шежире или эпос, следует иметь в виду, что, например, в эпосе «Едыге» под именем «Кыпчак-бий», имеется в виду ру-аксакал и бий кыпчакского племени. Мы не знаем его имени, данного при рождении, не знаем его мусульманского имени, знаем лишь его «лакаб» (прозвище) «Қобыланды-батыр» (батыр, победивший Кобылана), которое он получил после победы над ногайским батыром по имени «Қобылан» (леопард, гепард) из племени мангыт в пору юности, когда был на службе у Тохтамыша. Точно так же Кара-ходжа в том же эпосе именуется «Аргын-бий», поскольку возглавлял аргынов...

После смерти Дата его младший брат Ар по закону «әменгер» (левират) женился на его вдовах, усыновил его детей и присоединил к себе племенной союз «Дат», который стал называться «Дат-Ар» (татар, таздар). Алтайские шорцы до сих пор называют себя «дат-ар кісі» (или, по другому, «тад-ар кижі»). Присоединившиеся к ариям «чистые» даты, по преданиям Жазы-бия, сейчас именуются «таз» и распылены среди казахских родов и племен. С тех пор они известны как «сары-жетім»: «рыжие сироты» или «богатые сироты» (аргыны племени «таз» Кустанайской области по сей день отличаются белизной кожи, темно-русыми волосами и серыми глазами). Сам Жазы-би, будучи из этого рода, считал трактовку «таз» как «лысый» простонародной этимологией, возводя историю тазов к легендарному Дату. По его словам, все было с точностью до наоборот: тазы-даты брили голову наголо, либо оставляли чуб «айдар», в отличие от других племен, отращивавших космы и заплетавших косы, в которых заводились вши. Вместо «дат» диковатые косноязычные («сакау») усыновленные

соседи произносили «таз», а поскольку культурные, чистоплотные тазы брили головы, постольку слово «таз» у незнакомых с гигиеной соседей стало означать «лысый», «плешивый»...

Ар был признанным бием и вождем, отличался способностью моментально находить верные решения и выходы из трудных ситуаций. Также он отличался молниеносными атаками на врагов. Поэтому в народе ему дали прозвище (каз. «нама», «неме») «Жайык». В народной памяти он известен как «Жайық нама» (по прозвищу Молниеносный) и «Ар-Жайык» (Подобный молнии Ар). Поскольку на территории Западного Казахстана пребывал ряд племен, которых предки казахов называли «сақау» (картавые), не умевшие произносить звук «р», то вместо «Ар-Жайык» стали произносить «Ағ-Жайык», «Ақ-Жайык». Так, по преданиям Жазы-бия, от младшего сына Аза по имени «Ар» произошло древнее название местности «Ақ Жайык» и реки «Жайык» (Яик), именовавшейся пришлыми также «Орал» (Урал) вместо изначального «Арал». По версии Масгута Шайкемелева, название «жайык» произошло от «жарык» (свет) по той же причине «картавости». Как бы то ни было, но с тех пор, по преданию, белый цвет («ак») стал символом благородства, высокой нравственности и душевной чистоты («ар»), и эти два понятия стали, по сути, синонимами. Поэтому казахское понятие женской красоты, белокожести, чистоты и целомудрия именуется «ару», а мужские лучшие качества – «арыс». По казахски, «ару» и «арыс» – это воплощенные идеалы женственности и мужества. В народных преданиях Арал-батыр (Орал-батыр) и Жайык-нама – это один и тот же персонаж – «Ар» учения Майкы-бия.

О Жайык-нама в народной молве ходили легенды, что он был настолько мудрым и справедливым бием, что улаживал споры не только людей, но и зверей, и птиц. Существует отдельно целый цикл преданий о его судебных решениях и творимых им чудесах, в основном в форме сказок о животных. Многие из них были записаны Мухтаром Ауэзовым с изданием в 1948 году в сборнике «Казахские народные сказки», но без указания имени Жайыка и Ара. Одна из дошла до нас в преданиях «Яссы»:

«Когда-то давно, в Степи, в предгорьях Алтая поспорили волк и барс, чья это земля, чьи охотничьи угодья. Спорили, рычали, до драки дело дошло. Оба сильные, шерсть клочьями, земля дрожит от их битвы... Пыль до неба от их битвы, днем как ночью темно. Жить стало невозможно. Взмолились тогда все остальные звери и птицы и послали орла к святому человеку, покровителю всех зверей, которого звали Жайык-нама. Река Жайык в его честь называлась. Пришел Жайык-нама на Алтай, успокоил, разнял хищников и, как великий бий, постановил: отныне волк будет жить в степи, барс – в горах. А орел будет следить, чтобы границы друг друга они не нарушали, за это имеет долю с добычи обоих. Вот так с тех пор волк охотится в степи, а барс в горах. Орел же и там, и там наблюдает за ними, получая свою законную долю, установленную великим бием Жайык-нама»...

На образно-символическом языке биев, именуемом «билердің қызыл тілі», этот сюжет означает территориальный конфликт между племенами с тотемами «волка» и «барса». Казахское племя Берш, кстати, в древности имело тотем барса (достаточно вспомнить перстень-печатку султана Бейбарса), а аксакалы-берши считают, что иранское племя «парс» (персы) происходят от них. Очевидно, что племя, ассоциирующее себя с орлом исполняло функции «датқа», т.е. надзорно-судейские и военные, а руководителем конфедерации племен и верховным судьей-бием был, видимо, сам Арья по прозвищу Жайык. Не зря двухглавый орел был символом древних хеттов. Хетты, как известно, мигрировали в Малую Азию через Кавказ с восточных берегов Каспия. А казахское племя «кете» («қада»), как и «берш» относящееся к Младшему жузу, до сих пор хранит память о славных предках, покоривших берега Кара-тенгиза (Черное море) и Ак-тенгиза (Средиземное море), торговавших конями с Мысыром (Египтом) и ходившими за чаем в Индию. Выдающиеся русские исследователи-этнографы и историки Н. А. Аристов, В. В. Григорьев, А. Н. Харузин также неспроста отождествляли хеттов и кете – они основывались на древних генеалогических преданиях. В честь древнего «Қада» был назван аргынский ноян

Чингисхана «Кете», младший брат «Куман-нояна», а знаменитый султан Египта Бейбарс был родом берш. Название Египта «Мысыр» казахи производили от слова «мыс» (медь). Слово «мыстан» (ведьма, колдунья) Жазы-бий также каким-то образом этимологизировал от «мыс» (медь), связывая это понятие с «жезтырнак» (когти из желтой меди) и Мысыром-Египтом. К сожалению, более подробное объяснение утрачено...

«Младших», тех кто оставался хранить «қара-шаңырақ», называли «қара», старших, тех кто отселился «на восемь сторон света», именовали «сары». Жазы-бий подчеркивал, что нельзя путать племена «сауыр-мад» и «сары-матай». Вторые образовались от первых, «сары-матай» ушли на юг и восток, а затем вернулись назад в Кустанайскую область в эпоху Алп-Арыс-бия (о нем повествуется ниже). Жазы-бия, по его словам, назвали в честь легендарного предводителя рода «сары-матай» (сарматов), а его отца Жан-бия – в честь арийского сына, именем которого «Жан-Арыс» также называется весь казахский Средний жуз. Согласно Жазы-бию, кустанайские сарматы-язы («жазы») – прямые потомки аргынских тазов и найманских матаев (основная часть тазов вошла в аргынский племенной союз, а мады-матаи – в найманский). Найманы также относятся к Жан-Арысу (Средний жуз)...

Племенной союз «дат-ар» наводил ужас на всех соседей, а те называли их «тартар», их землю считали адом, а их самих – исчадиями ада. Не исключено, что «тартар» в значении «загробный мир» у древних эллинов происходил отсюда. По Майкы-бию, татары, враждовавшие с Чингисханом – прямые потомки этого племенного союза, откочевавшие по закону отселения «тарау» на восток. Позже, будучи покоренными и включенными в состав армии Чингисхана, они даже в «распыленном» состоянии сохранили закон неотвратимого возмездия «дат», свое достоинство «ар», память и имя предков. Любимыми и наиболее влиятельными женами после Борте у Чингисхана были татарки Есуй и Есугар, а председателем военного трибунала «датқа» был татарин «Шеген-Құттық» (монг. «Шиги-Хутуху»).

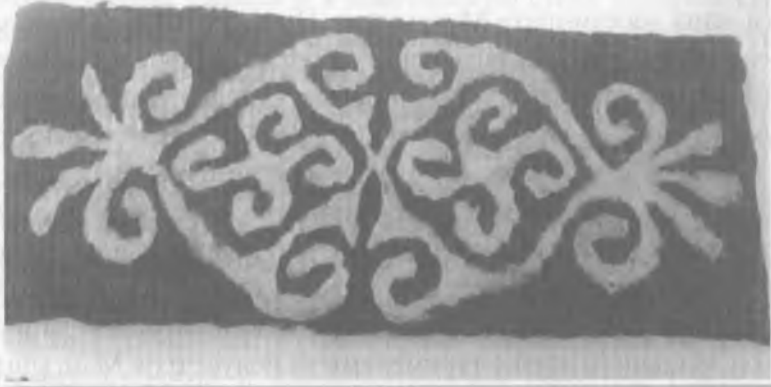

По преданиям «Яссы», часть потомков «Дат-ұя» не захотела объединяться с арийцами и откочевала на «восемь сторон света»: на Алтай, Саяны, Сибирь и в монгольскую степь ушли «усыновленные» – жалаиры, аргыны-шакшаки и кыпчаки. Они породнились с арьями по принципу «құда мың жылдық» (сваты на тысячу лет), признали старшинство, но также придерживались и другого правила: «Жақынмен алыстан сыйласу керек», что означало «с родичами лучше общаться на расстоянии – меньше поводов для конфликтов будет». Из «родных сыновей» Дата самым сильным считался племенной союз «сауыр-матай», куда входили также балты, барсы и маги. В честь племен «сауыр» и «матай» именуется местность в Алматинской области, местность Сауран на границе Южно-казахстанской и Кызыл-ординской областей, Савиран в Китае и Индии, а мады-матаи вместе с магами-магауя и парсами-бершами позже образовали государство Мадай (Мидия) в древнем Иране. Поэтому Хулагу-хан и его полководец Аргын-ата, завоевывавшая Иран, этими историческими данными обосновывали легитимное право чингизидов на власть...

Собственно даты, в отличие от «сыновей» и «усыновленных» не приняли арийского старшинства, не согласились с арийским усыновлением, ибо Дат был старше Ара, и ушли на юг, на берега Сыр-Дарьи, которая в их честь наименовалась Датъя. Там они частично превратились в «жатаков» и «сартов», смешавшись с «недостойными потомками грешников» (Ману-Бану). Майкы-бий называл эту местность «сартаул», в истории она известна как Согдиана и Хорезм. Это возмутило арьев, с которыми даты не захотели родниться, и они совместно с усыновленными кангами атаковали их, поскольку преступать через «азское проклятье» и вступать в брачные связи с «проклятыми потомками греховной связи» считалось недопустимым. Другая часть мятежных датов под давлением союза племен «қаң-ар» (кангов и ариев) ушла в бесплодные пустыни. В честь вождя и бия по имени «Ар» была названа еще одна река «Ар би», которой позже тюрки дали новое название Аму-Дарья. Имя Арби до сих пор популярно также и на Кавказе, где им называют своих сыновей кавказские народы, в частности, чечены и ин-

гуши. От пустынных беглецов пошли «строптивые и неразумные», по характеристике Майкы-бия, туркмены-даи (дахи), предки врага Чингисхана хорезм-шаха Мухаммеда. Поэтому война Чингисхана с Мухаммедом трактовалась биями как естественное продолжение войны датов и арийцев с датьями-даями. После бунта туркменского тумена, включенного в правое крыло монгольских войск, который подавлял сам Майкы-бий, туркмены не были включены им в состав «Алаш-орды» и на легендарном кулпытасе в Улытау их тамги не присутствуют (это при том, что официально туркмены были включены в число «алты алаш», т.е. «шести алашей»). Полтысячелетия спустя такой же идеологический окрас имела война казахов Младшего жуза с туркменами за полуостров Мангышлак. Главное участие в войне принимали племена «таз», «адай» и «алаша». Жазы-бий особо отмечал, что казахское племя «адай» никакого отношения к туркменским даям-дахам не имеют кроме того, что заняли их кочевья и женились на их женщинах. Слово «адай» Жазы-бий производил от «адыҕай» (каз. «атыҕай», рус. «адыгей»), считая их ногайцами, ближайшими родственниками ногаев-черкесов (каз. «шеркеш»), прикочевавшим с Кавказа и влившимися в казахскую конфедерацию племен лишь при хане Хак-Назаре. Превращение же «адыҕай» в «адай» объяснял очень просто: адайцам надо было легитимизировать свое присутствие на Мангышлаке не как захватчиков, а в качестве древних автохтонов, поэтому они убрали из названия одну букву и активно женились на туркменках, перенимая от «сватовского рода» древнюю историю пребывания в тех местах. За столетия мирной жизни многие адайцы, тазы и алаши породнились с туркменами-дахлы, а некоторые адайские аксакалы искренне уверены в своем происхождении от древних «сепаратистов» дахов, арийских политических противников. Название «ады-ай» они объясняют как «вождь, приглашенный из другого племени»...

*Казахские кошмы, ЮКО,
начало XX века – древнейшие элементы
орнамента сохранены в первоизданном виде.*

*Мангыстау – древняя земля датъев-даев, скифов и сарматов.
Родовые сарматские тамги и древние захоронения потомков
Тура-Афрасиаба. Фото Мухтара Тайжана, 2012.*

ПРЕДАНИЕ ПЯТОЕ:

«Ар-ісі» (дело чести) и учения древних арьев «Бай-ар» (богатство), «Жан» (душа), «Нам» (гордость), «Еге» (хозяин), «Мэңгі» (вечность)

Как уже ранее говорилось, младшего сына Аза звали «Ар» («честь», «мужество», «достоинство», «благородство»). Полное его имя было «Ар-ұя» (достоинство родного гнезда, Арья) в соответствии с учением Аза о родном гнезде «Ұя». Позже, когда потомки Аза – «бір ұядан ұшқан» – «разлетелись» во все концы света и учение «Әз» было позабыто, забылось и глубокое значение философского понятия «ұя», оно превратилось в формальную частицу, аффикс. Впрочем, как и большинство древних сакральных понятий и категорий. Тем не менее, казахи сохранили поговорку: «Ұяда не көрсе ұшқанда соны істейді» (что ребенок видит в родительском доме, то он и будет повторять, став взрослым и отделившись). Здесь вновь ярко высвечивается ассоциирование себя с вольными перелетными птицами...

«Ар» развил учение своего отца Аза и, помимо понятия «ұя», ввел понятие «ұят» (совесть). Он разработал эффективную систему воспитания у детей достоинства и чести («ар») и совести («ұят»). Логика мышления Ара была очень простой и легкодоступной для степняков. Он говорил, что, поскольку единственным условием процветания общества скотоводов является обилие скота, то на первый план выходит обязательство сохранения и приумножения его поголовья. Но при достаточном обилии скота никогда не будет хватать сторожей, чтобы стеречь его. Необходим общественный договор с вердиктом, что собственность родовой общины и личная собственность неприкосновенны. У человека не должно возникать и мысли о посягательстве на чужую собственность. Дая, старший брат Ара, утвердил этот порядок, внушающий чувство страха перед неотвратимостью наказания за нарушение договора и посягательство на чужое богатство. Его сын Мади был назначен хранить этот порядок.

Но Ар считал, что этого недостаточно. У человека, согласно его нового учения, должно присутствовать чувство чести и совести, воспитанное с детства. Эти качества не позволят человеку покушаться на чужую собственность.

Ар настаивал на том, чтобы любая родовая община считала главным своим богатством людей чести, совести и достоинства. Такие люди неподкупны и служат обществу не за страх (дат), а за совесть (ар). Ар завещал, чтобы в собранном им союзе племен властью и богатством распоряжались только благородные личности, руководствующиеся принципами чести, совести, достоинства и верности слову. Такое общество людей чести и совести стало называться «Ар қауым». Каум, хаум – это очень глубокое понятие из древнего праязыка, означающее дом, семью, общину, некую общность, сословие, клан, родню, племя, народ и общество в целом, а также математические понятия количества, множества, применительно не только к людям, но ко всему сущему. К примеру, в казахском языке «бір қауым» означает «некоторое количество». О древности его говорит тот факт, что оно встречается практически во всех языках. Гора, где Ар построил свою столицу, так и называется – «Ар қаум», «сообщество потомков Арьи», или же «сообщество честных, благородных людей». Жазы-бий, когда проводил границу между казахскими кочевьями и башкирскими на территории современной Челябинской области, а также определял границу поселений для уральского казачества, руководствовался историческими сведениями «Жасау-ізі» о расселении племен, ориентируясь по курганам и горе «Ар-қауым» – месту где жил и был похоронен легендарный Ар, Ар-Жайык. За это, как говорилось, Жазы-бию был присвоен титул «почетный гражданин Российской империи»...

Арья вырастил и воспитал целую плеяду личностей, которые стали отцами-основателями новых союзов племен. Главным для всех них было понятие «ар» – чести, совести, мужества и благородства. С тех пор у потомков Ар-Жайыка, подчеркивавших свое благородство души и морально-нравственное превосходство перед другими, утвердилась поговорка: «Жақсылыққа

жаксылық істеуге эр кісінің ісі, жамандыққа жаксылық істеуге – Ар кісінің ісі». Образно-символическое значение этого императива было таково: «Отвечать добром на добро – свойство любого человека из любого рода-племени, а вот отвечать добром на зло – свойство лишь благородного душой потомка Ара, оно присуще тем, у кого присутствует впитанное с молоком матери свойство «ар». Позже, видимо в период исламизации, слово «кісі» заменили арабским словом «адам» (человек, мужчина), а «Ар» сменился на «ер» (мужчина). Тем самым, сместились акценты: «Отвечать добром на добро – свойство любого человека, а отвечать добром на зло – свойство мужественного человека, настоящего мужчины»...

Ар сформулировал главный морально-нравственный принцип для своих потомков: «Мал жаныма садақа, жан арыма садақа» (жизнь дороже богатства, а честь дороже жизни). Также он говорил: «Өлімнен ұят күшті» («стыд сильнее смерти»), «лучше смерть, чем позор»). Этими принципами руководствовались все степняки, их пропагандировал среди своих соратников Чингисхан.

При Ар-бие, как следует из «Яссы», с утверждением понятия «ар» как «личного достоинства», «индивидуальной гордости», понятие «собственность» тоже приобрело частный характер, как имущество отдельной персоны или семьи – «еге», владельцев. При нем кочевать стали аулами, отдельными семьями, а не целыми родами-таборами. При нем боявились богатые и бедные, появилось понятие торговли («ауда», «сауда») и первые купцы. Вот что подробнее говорится об этом:

У Ара было семь сыновей, которых он назвал «Бай», «Жан», «Еге» (каз. «Ие»), «Нам», «Энг» (каз. «Әңгі»), «Иса» (каз. «Іс»). Седьмым «Ар-ұя» усыновил внука по имени «Ал». Старший сын по имени «Бай» ввел понятие «бай-ар» («честь и достоинство богатого человека») и создал учение «Байар» о богатстве. Туркмены, кстати, по сей день словом «бояр» именуют состоятельного человека, хозяина, господина. Согласно этому учению, ни одной важной общественной цели невозможно достичь без

опоры на достаточное количество богатства. Невозможно сохранить численность населения и обеспечить ее устойчивый рост. Невозможно выводить новые, улучшенные породы скота. Невозможно создать должные условия для труда мастеров-оружейников и ремесленников. Невозможно посылать во все концы света летучие экспедиционные отряды для изучения местностей, в которые можно было бы перекочевать в случае природных катаклизмов или же из-за переизбытка скота, нехватки пастбищ и водопоев. Богатство легко истратить, но трудно накопить. Умение делать богатство — это искусство. Такому искусству нужно учить, как и воинскому ремеслу, «с молодых ногтей». Необходимо учить бережливости, умению обменивать излишки продуктов труда на необходимые вещи. Неимущий человек не может быть хозяином в своём доме. Кто же допустит его хозяйствовать в обществе? С другой стороны, не всякий имущий имеет честь, достоинство и гордость. Обычно человек, делающий богатство, не может быть «ар иесі» — «хозяином собственных чести и достоинства». Он не способен быть бием, судьей. Но он обязан стремиться стать «бай ар» — «достоинством богатства». «Бай ар» может служить общественному благу. Он делает добро и для себя, и для общества. «Бай ар» увеличивает славу и богатство рода, дает работу сородичам. «Қойдың куйрығына қарап қалмау керек» — так звучали его слова в пересказе казахских биев. Это означает: «Опасно застилать салом собственные глаза, упершись взглядом на курдюки своих баранов». Ему же приписывают и мудрое изречение, предостерегающее от опасности гордыни, возникающей от изобилия: «Семіздікті қой ғана көтереді, кісі көтере алмайды» (жир может переносить только лишь баран, человеку свойственно зазнаваться от богатства). Он также завещал: «Байлық — мұрат емес, жоқтық — ұят емес» (богатство — не самоцель, а бедность — не срам). «Бай-ар» («бояр», «достойный богатый человек») с честью переносит испытания судьбы и не позволяет себе ни относиться свысока к соплеменникам, находясь «на пике удачи», ни чувствовать себя униженным в момент испытаний нуждой и лишениями. По мне-

нию Бая, мало быть «хозяином самому себе», мало быть человеком справедливости, чести, достоинства и гордости. Чтобы иметь уважение среди окружающих, необходимо иметь имущественную независимость и самодостаточность. Бай утверждал: «Жемеседе май жақсы, бермеседе бай жақсы», то есть «масло, жир все равно остается ценным продуктом, если даже ты его не кушаешь, а имущий все равно считается хорошим, даже если он не делится». Бай ввел правилом для имущих помогать бедным родичам, давая им скот для размножения. При этом наделенные скотом сородичи не бывают ему за это ничем обязаны, кроме чувства человеческой благодарности. С другой стороны, если благодетель в лихую годину вдруг лишится своих стад, то его родня должна выдать ему такое же количество скота, какое получила ранее, причем с приплодом. Поэтому богатый (каз. «бай») посредством такой благотворительности делает свое богатство, образно говоря, вечным. Говоря современным языком, можно сказать, что таким образом создавался своего рода «страховой депозит» для богатой части скотоводов. Такого принципа казахи придерживались вплоть до прихода к власти коммунистов...

Второму своему сыну Ар присвоил имя «Жан» (Душа). Жан, по преданию, был великим «сазгером» (музыкантом). Он изготовил несколько разных музыкальных инструментов и сочинил множество произведений. Жан считается основателем песенно-поэтического творчества людского племени и создателем таких музыкальных инструментов как домбра и саз. Он создал учение «Жан», согласно которому душа не может быть спокойна ни в условиях нищеты, ни в условиях угрызений совести, ни в условиях вражды. Тот, кто теряет совесть, сострадание, любовь и другие чувства, тот теряет душу. Без чувств душа каменеет. Она становится мертвой в глазах окружающих и потомков. Люди с больной душой опасны. Они могут заразить этой болезнью своих соплеменников и потомков. Главным же средством излечения души являются не лекарства и снадобья, а поэзия и музыка. И не только души, но и тела. Жан ни в коем случае не признал бы принцип древнеримских медиков «mens sana in corpore

сапо» («в здоровом теле здоровый дух»). Считалось, что наоборот – здоровый дух способен изгнать любую болезнь. Поэтому шаманские практики народных целителей «баксы», использовавших психотерапевтические способы лечения, в том числе и музыкой, берут начало в учении Жана, а его, согласно учения «Яссы», можно считать первым шаманом и первым психотерапевтом...

Третьего сына Ара звали «Еге» (каз. «Ие», монг. «Екей», хозяин). Он считается автором учений о чувстве хозяина («ие сезімі»). Он ввел в лексикон понятие «Ана жер-ана» («матушка Земля — мать всех живых существ»). Ие занимался земледелием и садоводством («бақ-бағу»). Бай был материалистом, а Ие – идеалистом, если можно применить к ним современные понятия. Он создал учение “Жаратқан Ие” (о вселенском хозяине-создателе «Жаратушы»), существенно дополнив древнее понятие Тенгри. Его суть заключалась в том, что все существующее, живое и неживое, имеет одного-единственного создателя-творца и хозяина, «владельца материального мира». По его всемогущей воле каждый миг кто-то рождается, что-то возникает, кто-то умирает и что-то исчезает. Во всех процессах, происходящих в мире, есть высшее разумное начало, высший порядок, недоступный логике простых смертных. Разум человека есть только частица, малая толика Вселенского Разума. Если эта частица в гармонии с целым, то она приносит пользу и себе, и окружающей среде. Чтобы приносить пользу и себе, и другим, человек должен правильно мыслить и поступать. Человек должен быть «хозяином самому себе», то есть хозяином своего ума, своих чувств, своих поступков, иначе говоря, уметь подчинять чувства разуму, постигать мир не только интуитивно, но и логически...

Четвертого сына Ара звали «Нам» (Гордый). Он ввел понятие «нам-іс» (дело воспитания гордости) и развил учение «Намыс» (о чести, достоинстве и гордости). По этому учению человек должен быть гордым. И не только. Он должен поступать так, чтобы им гордился его род не только при жизни, но и потомки. Нам говорил: «Ер намысы – ел намысы», то есть «гордость че-

ловека и гордость зля (отечества) совпадают». По-настоящему гордый человек пронесит знамя чести, достоинства и совести своего рода-общины и племени через всю жизнь. Нам призывал учить детей гордости с раннего возраста. Мальчишек нужно рано приобщать к делу обуздания необъезженных коней, к охоте, к военному делу, к изготовлению собственными руками разных видов оружия и снаряжения. С девочками нужно обращаться нежно и бережно, как с дорогими гостями. По выходу замуж они становятся членами других родовых общин, а потому до того времени они являются «гостями» в родительских семьях: «Қыз – үйдегі қонағы» (дочь – гостя в родительском доме). Наму, по традиции «Яссы», бии приписывают мудрое изречение: «Ырыс қойса да туыс қоймайды» (если и покинет везение, гены и порода победят). По легенде, ему же принадлежит императив: «Гордый человек уважает гордость другого человека». Истинно гордый человек не унижит другого, поскольку унижая другого, он унижает себя...

Самым крупным был в те времена союз племен «ар» и «еге» («ие»). Этот союз разделился на несколько частей. Основная часть откочевала на просторы между реками «Дана» и «Арқа». В настоящее время эти реки известны под названиями Дон и Волга. Названы они в честь вождей «Дана» и «Арқа», которые были предводителями этой части ариев. В пересказе казахских аксакалов эти имена трактуются, разумеется, по-казахски, как «Мудрец» и «Опора», хотя ученые считают, что названия эти иранского корня и имеют другое значение. Другая часть ариев откочевала далеко на юго-запад. Будучи скотоводами, арии обосновались вблизи больших рек и, в силу принципа экзогамии, смешивались с местным населением. Для содержания большого количества скота, ведения домашнего хозяйства, строительства и ремесел всегда не хватало людских ресурсов, не хватало пастбищ, поэтому часто происходили нападения на соседей. Осколок союза племен Ар и Еге присоединился к сильному племени Нам. Этот новый союз племен «Ар-Еге-Нам» откочевал на территорию современного Ирана и смешался с местным населе-

нием, возглавлял его Аргын Третий. Союз племен Аз, Ар, Бай и Жан, по легенде, создал государство Азербайджан...

Пятого сына Ара прозвали «Мэнгі» (Вечный). Он создал учение о вечном (каз. «мэнгі»). Вечным является движение по кругу. Круг этот не имеет ни начала, ни конца. Конец одного цикла является началом другого. Циклы сменяют друг друга. В природе весна сменяет зиму, лето – весну, осень – лето и снова зима сменяет осень. В человеческом существовании юность сменяет детство, зрелость – юность, старость – зрелость. Старцев сменяют зрелые, зрелых – юные, юных – дети. Отцов сменяют дети, детей – внуки, внуков – правнуки и так далее. И в жизни общества, и в жизни отдельной семьи, и в жизни отдельного человека «лето сменяет весну, осень – лето, зима – осень, а весна – зиму». Нужно уметь достойно переносить природные стихии и трудности судьбы: «не расслабляться весной и летом» и «не опускать руки осенью и зимой». В жизни каждого человека и каждого племени есть свое «колесо судьбы»: если для одного наступает лето, то для другого – зима. «Колесо судьбы» или «колесо жизни» можно представить следующим образом: круг, а внутри круга крест, на пересечениях креста с кругом колеса образуются 4 полюса – «весна», «лето», «осень», «зима». Человек не подневолен. Своим разумом и чувствами, своей волей и работоспособностью человек может выбрать большое или малое «колесо судьбы», разную скорость вращения этого «колеса». Человек участвует в определении своей судьбы. Но это лишь участие, а не самоопределение. Миром правят законы вечности, или законы вечного периодического, циклического движения. «Мэнгі» вместе с тем заявлял, что ни при каких обстоятельствах нельзя проявлять покорность судьбе. Человек должен говорить сам себе: «Я все могу, все умею, все преодолею». Достойный мужчина (каз. «ер») должен добровольно брать на себя груз ответственности за выживание и существование своей семьи, рода или целого племени, заявив «ермін», то есть «кто же, если не я?». Только в этом случае он может стать «ар иеси», «ар-ісі», арысом: бием, батыром, ру-аксакалом

или правителем-ханом. При освоении нового языка и нового ремесла достойный человек должен говорить «ермін» и браться за трудное дело. В минуты опасности, нависшей над родом, истинный арыс должен говорить «ермін» и идти навстречу опасности. Древние арийцы, в отличие от поздних казахов, никогда не присваивали детям неблагозвучные, уничижительные имена и прозвания, т.к. суеверного страха у них не было. Считали, что «ат» (имя) или «лақаб-ат» (прозвание) — это будущая судьба человека, как его назовешь, таким он и будет. Например, если ребенок переболел серьезной болезнью, а затем выздоровел, то ему давали прозвание «Мәңгі». Если ребенок сильно голосил, то присваивали прозвание «Әңгі» (Песенный)...

Шестого арийского сына, по преданию, звали «Әңгі». Он считался Аргыном Четвертым. Жазы-бий считал, что от него происходят казахские аргыны и англичане. Насколько обоснованно — неизвестно. Основную часть аргынов Жазы-бий производил от арийского сына «Әңгі», по имени-отчеству — «Ар-Әңгі». Более того, согласно Жазы-бию, «Ар-Әңгі» звали Алан, т.е. исторические аланы и аргыны по его мнению — суть одно племя, но по разному именующееся. Это место неясно и объяснить его сложно. Также говорилось, что та часть племени «әңгі», которая ушла в монгольскую степь, объединилась с потомками «Арғы Ку» (Лебедя древнего) и стала называться «Ку-Әңгі», которое в предании Майкы-бия значит как «қоян», составив ядро гуннской конфедерации. Вообще, с названиями «аргын» была большая путаница, поскольку часть аргынов производила себя от Алтая по прозвищу Древний Инь («Арғы Ін») и считала себя «старшими» по отношению к кыпчакам, что, естественно, не могло не вызывать раздражения кыпчаков. В кочевом сообществе градация «младший-старший» имела первоочередное значение — отсюда известное по многочисленным свидетельствам соперничество между кыпчаками и аргынами в средние века. О философском учении «Әңгі» в предании что-то говорилось, но, к сожалению, в чем его суть — уже неизвестно...

Аксакалы из казахского рода «албан» представляют этот

фрагмент предания об арийских сыновьях в иной версии: Ар имел семь сыновей, имена которых не уточняются, но также усыновил своего внука по имени Ал. Племенной союз «ар-ал» освоил побережье моря, которое называется Арал, и реку Урал. То ли это был союз племен Ар и Ал, то ли одно племя, названное по имени-отчеству вождя – говорят по разному. По генеалогическому преданию Байузака Кожабек-улы Албани, этого Ала ласкательно звали «Алаш», дескать поэтому потомки его, оставшиеся на земле предка, называют себя народом «Алаш». У Алаша было трое сыновей: «Ал-Мэнгі», «Ал-Әнгі» и «Ал-Бэнгі». От них пошли алманы, вошедшие в союз германских племен, аланы, предки современных осетин, и сами албаны. «Старшис» племена ушли на запад, с ними вместе откочевали племена «аз» («ас», «ас-ұт»), «бай» и «жан», а младшие — албаны — частью тоже ушли на запад и восток, но большей частью остались. Албаны, ушедшие на запад, основали на Кавказе страну Албанию. Албаны, ушедшие на восток, основали Албанию на территории Синьцзяна. Царское правительство отдало в XIX веке их кочевья китайцам, что послужило причиной восстания тех албанов, что остались в Китае. Казахские албанцы также себя именуют «адбан» и «абдан»...

Седьмого арийского сына звали «Іс». Это был «Іс» второй. Называли его по имени-отчеству «Ар-Іс» (Іс, сын Ара), позже — Арыс-бий. Поскольку он был младшим сыном Ара, то отец прозвал его «Тұран», что означает «право наследования отчего края». По древним обычаям евразийцев старшие сыновья наследовали богатство (скот) и отселялись, а младший сын наследовал территорию. Поэтому, дескать, старшие братья называли младшего брата «Тұр» (Оставайся). Но историк Шакарим Кудайберды-улы (племянник Абая Кунанбаева) и Султан Имбергенев, как филолог, считали, что слово «тур» и «дулы» («дулы-ұт», «дуғлат») – одно и то же, и происходят от «дулыға» (шлем, холм). В истории он известен также как «Алп Арыс би» (Афрасиаб, по-согдийски), а также «Алп-Ар-Тұңға» (по-тюркски). «Алп» означает огромный, великий, «тұңға» — тигр. В «Аве-

сте» его имя звучит как Франхрасьян. Султан Имбергенов уточняет: «Младшего сына Ар'а величали по имени-отчеству «Ар-Ис», или Арыс (отчество ставилось впереди). На инаугурации его нарекли прозвищем «Дулыҫа», т.е. шлемоносец, которое превратилось в «Тур», а все подвластные ему племена приняли общенародное название «Дулы-ұт», которое звучало в устах согдов и персов как «Туран». Поэтому вся оставшаяся в наследство территория именовалась Туран». Масгут Шайкемелев название местности Тургай тоже как-то связывал с Туром-Афрасиабом, говоря, что никакого отношения к воробьям оно не имеет (воробей – каз. «торғай»), считая его родиной предка скифов и саков. Однако подробности, к сожалению, утрачены...

Майкы-бий подчеркивал, что все вышеперечисленные исторические личности и их учения сыграли выдающуюся роль в деле преодоления вражды и объединения родов в племена, а последних в многоплеменные союзы. Но сами учения искажались до неузнаваемости, как только становились достоянием толпы. Вместо здорового честолюбия появлялось болезненное тщеславие. Вместо стремления хозяйствовать – властолюбие. Желание стать имущим перерастало в непомерную алчность. Только избранные личности правильно понимали учения мудрецов и адекватно претворяли их в жизнь.

*Традиционная одежда
казахской девушки
в головном уборе «саукеле»*

*Фея из древнеанглийских легенд
эпохи сарматских рыцарей
«круглого стола» короля Артура
в конусовидном «саукеле» с фатой*

ПРЕДАНИЕ ШЕСТОЕ:

«Алп Арыс-би» (Афрасиаб) по прозвищу «Дулы» (Тур),
его учения «Үю» (соборность) и «Билік»
(власть праведных биев)

Со временем Арыс стал великим полководцем и государственным деятелем. Его величали уже «Алп-Арыс-би» (Афрасиаб), «Ар-Тур» (Тур сын Ар'а) и «Тур-Ар». Место под названием Турар есть в Каскеленском районе Алматинской области. Для древних греков он стал богом войны Аресом, латинские племена величали его Марс. В честь этого бия названа река «Арыс» (Арысь – прим. ред.) в Южном Казахстане. Также вплоть до конца тридцатых годов XX века казахи называли словом «арыс» личностей, которых они признавали в качестве «аристократов духа». Большинство из них погибло в застенках НКВД и в лагерях ГУЛАГа в период 1936—1938 годов по обвинению в национал-фашизме, а слово «арыс», т.е. «ариец», стало запрещенным. После этого национальное понятие «арыс» было заменено большевистским понятием «азамат» (гражданин). Война с Германией, в которой участвовало полтора миллиона казахстанцев, еще более укрепила неприятие этого слова, которое стало ассоциироваться с нацизмом, поскольку гитлеровцы тоже именовали себя «арийцами»...

По казахскому шежире, народ «алаш» считает своим праотцом Арыса и трех его сыновей с именами Ак-арыс, Жан-арыс и Бек-арыс. От них пошли три жуза – старший, средний и младший соответственно. Арыс-бий ввел понятия «бек ар-ісі», «жан ар-ісі» и «ак ар-ісі». «Ар-ісі» означает «дело чести» и «аристократ духа». Власть в племени признавалась или не признавалась. Если правители лишались признания, то в течение одной ночи они оказывались покинутыми и оставались в степи лишь в окружении своих домочадцев. Чтобы получить признание и власть в арийском обществе, необходимо было изо дня в день проявлять абсолютную преданность возглавляемому племени, самоотверженное служение его интересам, полную беспристрастность и объективность при разрешении споров между соплеменниками. Это и есть «ар-ісі». Степняки

считали себя детьми матери-природы и были таковыми на самом деле. Они ощущали себя такими же детьми природы, как волки и птицы. Если последние выживали стаями, то степняки выживали родовыми общинами и племенами. Матерого вожака стаи волков людская молва наделяла особыми качествами благородства, имея в виду его ежесекундную готовность жертвовать собой ради сохранения стаи. Среди этих качеств прежде всего отмечалось свойство «ар» — честь и достоинство. Арыс не допускал ущемления интересов степняков со стороны городских цивилизаций, которые часто пользовались их природным простодушием, широтой души, и взвинчивали цены на свои товары, либо устанавливали непомерные пошлины на скот, кожи, шерсть и другие товары кочевников. Про непомерно алчных правителей городов Афрасиаб говорил: «түйені түгімен жутатындар», т.е. «те, кто способны свободно проглотить верблюда целиком вместе с шерстяным покровом». Он наказывал их по степным законам Дата, за что был люто ненавидим ими, как и все его последующие потомки, включая Аккуса-Мадияра (Огуза) и Чингисхана. Когда Кайыр-хан, правитель Отрара, зверски расправился с монгольским караваном, то Чингисхан, по свидетельству Майкы-бия, произнес именно эту фразу в отношении Кайыр-хана...

Арыс-бий, развивая учение Аза «Ұя» («родовое гнездо»), ввел понятие «үю» («собирать»), здесь имеется в виду собирание племен в единый союз. На этом понятии основывался и другой термин, введенный им — «үйымшылдық» (соборность). В утвердительной форме глагол «үю» звучит как «үй», понятия «дом», «семья» тоже звучат как «үй». Вряд ли это случайное совпадение, особенно если иметь в виду символически-образное, глубоко ассоциативное мышление степняков. Предок туранцев говорил, что жизнь людей зависит от поголовья скота, а последнее — от капризов природы. Засуха, наводнение, буран и гололед периодически случаются. Когда они наступают, то сопровождаются крупным падежом скота. В результате от голода погибают целые родовые общины. Но когда они объединены в племя, то своевременная помощь со стороны других родовых общин может спасти сотни человеческих

жизней. Если же организовать прочный союз нескольких племен, то в случае разных природных катаклизмов можно спасти тысячи жизней. Поэтому необходимо целенаправленно развивать в людях чувство братства, взаимопомощи, милосердия («бауырмалдык»). Но, с другой стороны, каждая родовая община мечтает жить так же свободно, как стая птиц, и вольно кочевать таким же образом, как перелетные птицы. Каждая родовая община считает себя зависимой только лишь от Бога («Тәңір») и Природы («Ұмай») и дорожит своей независимостью от других родовых общин, а потому очень настороженно относится к вопросам создания единого племени, тем более — союза племен. Требования абсолютной прозрачности в принятии решений, честности и справедливости, непосягаательства на право свободного волеизъявления рода являются естественными для кочевников требованиями, предъявляемыми к вождям родо-племенных союзов. Отвечать таким требованиям могут лишь самоотверженные личности, наделенные богатым умом, тонкими чувствами, развитой интуицией и беспредельно преданные делу чести («ар-ісі»). Именно таких личностей признают родовые общины своими вожаками и готовы доверить им свои судьбы. Они доверяют им право распоряжаться всем богатством кочевого племени — территорией и скотом. Поэтому те, кто заслуживают такого доверия в кочевом обществе, по праву должны быть самыми богатыми людьми. Власть и богатство должны принадлежать настоящим аристократам духа — «ар-ісі», арысам. Именно аристократы духа способны создавать союзы племен и обеспечивать прочное монолитное единство общества. Такое единство Арыс-бий называл «ел» (эль). В его трактовке понятие «ел» — это понятия «народ» и «отчизна» (унаследованная от предков территория) вместе взятые, в совокупности.

В современном понимании «ел» — это нация. Но степняки всегда давали слишком расширительное толкование этому понятию: эль — это и нация, и племя, и родовая община. Каждый раз этот термин может быть истолкован по-разному, исходя из предмета разговора. Но в конечном итоге под данным понятием подразумевалось братство, основанное или на кровном родстве,

или языковой общности, на схожести образа жизни и мышления, территориальной общности, верности вековым традициям и обычаям. Чтобы укреплять родство, родовые общины должны были устанавливать максимально широкие брачные связи с соседями по принципу «жеті ата». Но такое расширенное толкование понятия «ел» порождало и существенные противоречия. Первое из них возникало при создании крупного племени. Не все родовые общины, входившие в племя, были равными по количественному составу и богатству. Чем многочисленней и богаче был род, тем сильнее ощущалось его влияние, поэтому малочисленные и относительно бедные родовые общины, традиционно дорожившие полной свободой собственного волеизъявления, настороженно относились к объединению с сильными родовыми общинами. Последние, в свою очередь, опасались иждивенческих настроений со стороны бедных соплеменников. На это наслаивалось еще одно противоречие, которое возникло при первых попытках создания союза племен: руководители последних считали, что братство в союзе племен главнее братства в племени, а тем более — в родовой общине. Из-за такого рода противоречий довольно часто разрушались одни союзы племен, а вместо них возникали другие родо-племенные союзы. Нередко случалось и так, что осколки одного и того же некогда крупного племени можно было найти в составах совершенно разных родо-племенных образований...

Арыс-бий по тюркскому прозвищу «Дулы», или иранскому «Тур», последним начал создавать союз племен в среде кочевых арийцев. Он поставил целью собрать воедино непокорные племена и родовые общины, которые в силу традиционной приверженности к кочевому образу жизни очень болезненно воспринимали любые попытки концентрации властных полномочий в одном центре управления. Афрасиаб понимал, что при существующей раздробленности степняки рано или поздно попадут в полную зависимость от оседлых соседей-родственников, с которыми они постоянно воевали.

Исходя из учений Аза о мудрости он сделал вывод, что един-

ство внутри родовой общины носит в большей степени инстинктивное начало — такое же, какое приводит к образованию стай волков, гусей и лебедей, свободу которых воспевали кочевники. Но уже другой смысл единство приобретает внутри племени. Наиболее разумным, по его мнению, являлось создание союза племен. В этом случае повышалась и военная, и экономическая безопасность. Собирающие родовых общин в племя, а затем в федеративный союз племен Арыс-бий обозначил понятием «үю». Из тридцати трех своих сыновей, по преданию, он выбрал троих для дела «үю» и дал им новые имена: «Үюшъ» (Собирающий), «Үйғыр» (Способный собирать) и «Үйсін» (Пусть собирает). Их именами были названы три больших племени: «үюшъ», «үйғыр» (уйгуры — прим. ред.) и «үйсын» (уйсуны — прим. ред.). Жазы-бий, кстати, призывал различать Уйгура Первого (арийского Уйгура) и Уйгура Второго (тюркского хана Уйгура), а также подчеркивал, что главный бий Монгольского улуса «Төбе би» был одиннадцатым по счету степным арбитром, носившим имя «Үйсін». Имя «Үюшъ» после арийского периода истории больше не повторялось. Оно созвучно с китайским «юэчжи», но ученые-синологи переводят «юэчжи» как «гет» или «куш». Так что, скорее всего, это созвучие просто совпадение, которое иногда случается...

Арыс-бий считал, что необходимо создать свою структуру власти. И он сумел это сделать, опираясь на свое учение «Бек-арыс». По этому учению верховным правителем единого союза племен является «бек» (несокрушимый). Очередные ступени в иерархической лестнице должны занимать, по нисходящей линии: верховный бий союза племен, бии отдельных племен, старшины племен, бии родовых общин и родовые старшины (ру-аксакалы). Арыс считал желательным совмещение статуса бия и должности родоплеменного вождя (старшины). На практике часто так и случалось. Биев никто не выбирал и не назначал — они были инициативными самовыдвиженцами и либо признавались обществом, либо не признавались. Беки выбирались на курултаях родо-племенных старшин. Понятие «курултай» состоит из двух слов: «кұрыл» и «тай». В образном переводе слово «кұрыл» обозначает «самообустройство», «самосозидание», а словосочетание «кұрыл-тай» означало

«самообустройство, самоопределение вместе с наличным богатством – территорией и скотом». Родо-племенные старшины выступали на курултаях в качестве доверенных ответственных лиц от племен и родовых общин. Первым беком при жизни Афрасиаба был выбран его старший сын «Уюшы». Он был прозван «Бек-арыс». Используя силу, он опирался на вердикт суда верховных биев. При вынесении вердикта в верховном суде голос бека приравнивался к голосам двух верховных биев. С другой стороны, бек был обязан подчиняться единогласному решению трех верховных биев, поэтому только тогда, когда вердикт суда биев принимался окончательно и бесповоротно, Уюши решительно употреблял всю военную мощь для исполнения решения верховных биев. Вопросы войны и мира бек решал только по согласованию с тремя верховными биями...

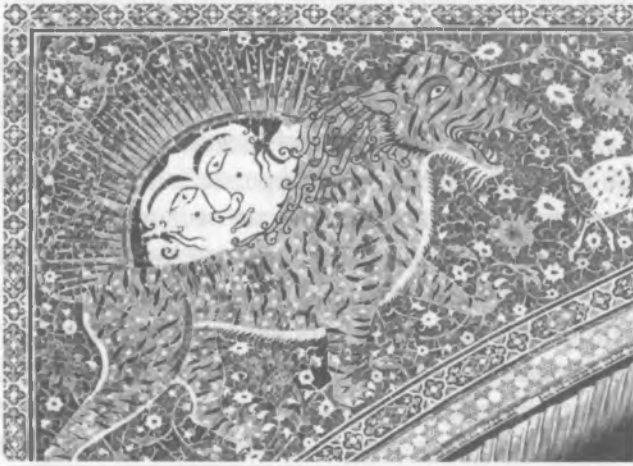
Следующий сын Арыса по имени Уйгур носил прозвание «Жан арыс». Он воплощал в жизнь одноименное учение отца о духовной цельности человека. Уйгур Первый уделял много внимания созданию новых инструментов и технологий, развитию поэзии, музыки, танца, ковроткацкого мастерства, различных ремесел. Считалось, что развитие искусства и ремесел, удовлетворение позывов души к красоте, творчеству, созидательной деятельности также объединяет людей. Наконец, третий сын Афрасиаба по имени Уйсун Первый успешно проводил в жизнь учение отца «Ак арыс». Еще при жизни отца он стал верховным бием туранского союза племен...

Арыс-бию наши предки приписывают создание учения «Билік» как целостной системы знаний, основанной на принципах кочевого бытия воинов и поэтов, пастухов и музыкантов, мудрецов и ремесленников. До сих пор народная память хранит бессмертные афоризмы учения «Билік»: «Тұралы биде туған жок» (у справедливого бия нет родни); «би — ақтықтың құлы» (бий — добровольный раб справедливости); «ақты ақ деп бағала, қараны қара деп қарала» (белое цени как белое, черное без колебаний определяй как черное); «өлімнен ұят күшті» (совесть сильнее смерти, лучшее умереть, чем испытать нестерпимые угрызения совести). Афрасиаб проповедовал: «Ничто не способствует единству кочевников боль-

ше, чем справедливый суд биев. Ничто не способствует разъединению кочевников больше, чем несправедливость. Ни одно племя, ни одна родовая община не должны чувствовать себя ущемленными в правах. Как только возникает такое чувство, род покидает племя, а племя покидает союз племен или же с оружием в руках отстаивает свои права». Действительно, каждая родовая община представляла собой мобильную военную дружину, и лишь справедливый суд мог предотвратить междоусобные войны...

Жазы-бий считал, что у древнеиранского и древнетюркского языка были одни и те же истоки. И, что интересно, этого же мнения придерживается сегодня целый ряд современных ученых-лингвистов. Что касается исхода значительной части арийцев и туранцев из родных мест, то можно объяснить это традицией: старшие племена покидали родные места, когда становилось тесно. На исторически освоенном месте оставалось племя, которое считалось самым младшим среди объединений родов-общин...

Солнечный род Афрасиаба (Али Арыс-бий, Али Ар Тунга) – мозаичный портал медресе Шердор Жалантос-бия в Самарканде. Тигро-лев символизирует Тунга (тюрк. «тигр») и Арыса (арыстан, тюрк. «лев»).

Самарканд – легендарная столица Афрасиаба.

*Статуя бога войны Ареса (Арыса, Афрасиаба) «Арес Боргезе»,
на шлеме – алтайский грифон. Лувр, Париж
(фото Марины Устиновой, 2011)*

**ПРЕДАНИЕ СЕДЬМОЕ:
Скифы, саки, сколоты, уйсуну, уйгуры
и другие потомки Афрасиаба**

По учению Майкы-бия, Чингисхан обоснованно считался прямым потомком Афрасиаба по линии его младшего сына Уйсуну Первого. И «Яссы» в интерпретации Майкы-бия последовательно приводит слушателя к такому выводу. В этом учении говорится, что племена «үюшы», «үйғыр» и «үйсін», будучи младшими братьями в среде арийских племен, по праву наследовали прародину ариев. На прародине, которую называли «Арыс жер» («земля арийцев», или «земля Афрасиаба»), остались младшие племена, создавшие союз под общим названием «Арыс», известный в истории как Туран, или Дулат. По Майкы-бию, это казахстанское Семиречье и китайский Синьцзян, по другим сведениям – Тургай, по третьим – Сары-Арка, по четвертым – Алтай. Позже к союзу этих трех «младших братьев» добровольно присоединилась часть многочисленного племени «Ісақ-Атығай» (Сак-Адай).

Древние арии вели свою родословную от Кибиря, а саки — от его младшего брата Сибиря. Потомком Сибиря был «Істіұрт», потомками которого являлись братья «Іс-Құт» и «Іс-Ләбі». Потомками Искута (Скифа) являлись «Іс-Қылат» и «Іс-Ақ». Приставку «іс» к именам добавляли якобы в память о предке по имени «Іс» («Іс-бір»)..

По рассказам Масгута Шайкемелева, у Арыса было тридцать сыновей, из них автономии он выделил следующим: «Құт», по имени-отчеству – «Іс-Құт» (ишкуз, ишкуд, скиф, гут, гот, гет); «Қылат», по имени-отчеству – «Іс-Қылат» (сколот, галат, кельт); «Ақ», по имени-отчеству – «Іс-Ақ» (сак); «Ләб», по имени-отчеству – «Іс-Ләб» (слав, славич, славян). Позже племя «лаб» вошло в племенной союз «сак», и дескать поэтому средневековых славян тюрки, кыпчаки и монголы именовали «сақлаб». Ибрай Алтынсарин, приходившийся «жиен» (племянник по женской линии – *прим. ред.*) Шегену, отцу волостного управли-

теля Беремжана Шегенова (о котором упоминалось выше) и его учитель, русский ученый-востоковед, начальник пограничного управления Оренбургской губернии Василий Григорьев, были убеждены в сакском происхождении славян, исходя из этих генеалогических преданий...

«Ак» (Сак) кочевал от Алатау до Алтая, остальных сыновей Арыс отселил на запад. Также Афрасиаб выделил автономные улусы для сыновей, которых звали Жан Второй и Бек. Жан, по преданию Жазы-бия, возглавил племенное объединение «мад-күт» (мазгут, масгут, массагет – прим. ред.) в Жетысу (Семиречье) и в Тохаристане (совр. Синьцзян). Беку Афрасиаб дал в управление Хорезм и Согд (совр. Узбекистан). Трем сыновьям – Аку, Жану и Беку – отец предназначил особую миссию «үй», что означает «собирать, объединять, соборность, дом». Акарыс был наречен титулом «Үйсін» (пусть собирает), Жанарыс был наречен титулом «Үйғыр» (способный собирать), Бекарысу был дан титул «Үюшь» (собирающий). Отсюда, по легенде, происходят названия трех казахских жузов: Ак арыс, Жан арыс, Бек арыс и общее самоназвание казахов «Арыс ел», т.е. «народ потомков Афрасиаба»...

Скифы, в отличие от арийских «старших братьев», называли своих правителей не «бек», а «ай». Они считали, что бии — это звезды, проводники справедливости, а каждый из руководителей племен — месяц (каз. «ай»), свет во тьме ночной. У скифов, как и у их предков, правителями обычно становились новаторы, создатели новых орудий труда, технологий и вооружений. Говоря об этом, Жазы-бий приводил в пример такие имена, как «Орак-ай», «Тарақ-ай», «Тары-бақ-ата-ай». «Орак» — это серп или коса. Первый, кто придумал серп и косу, получил прозвание «Орак», тот, кто придумал грабли и сам внедрил их в практику, получил прозвание «Тарақ». В его честь именуется племя «тарақты», позже вошедшее в аргынский племенной союз, но сохранившее свою собственную древнюю тамгу в виде гребня (каз. «тарақ»). А тот, кто научил сеять и выращивать просо (тары), получил прозвание «Тарыбақ-ата». В честь этого своего предводителя саки называли горы Тарбагатай. Также говорилось,

что из трех братьев – Скифа, Сколота и Лаба – последний был младшим, а старшие братья его обижали за его послушный и спокойный характер. Тогда он объединился с Саком в племя Сак-Лаб. Его послушание было «притчей во языцех» и имя стало нарицательным, отсюда, якобы, произошло слово «лаббай» (букв. «слушаюсь», «повинуюсь»).

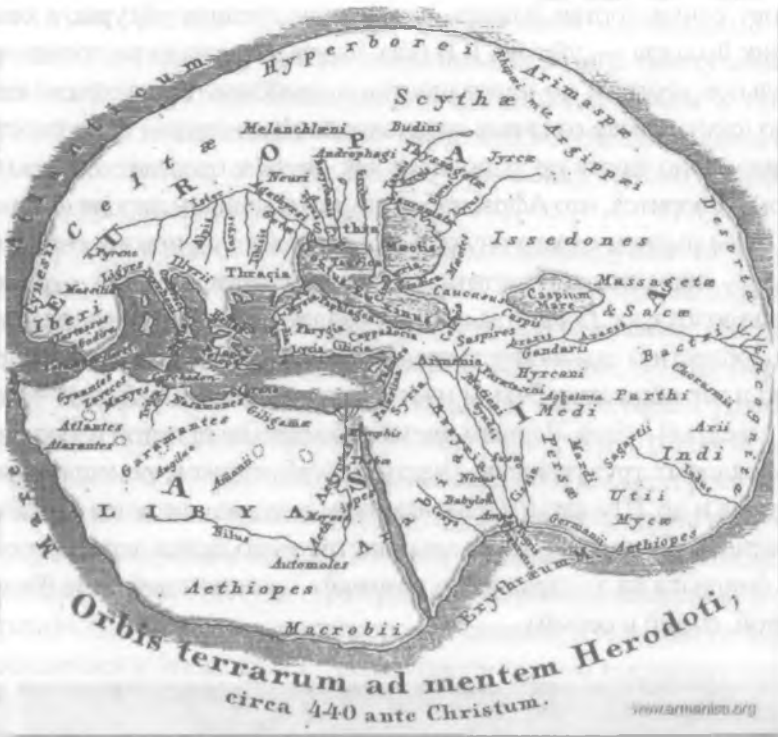
Приведем версию С. Имбергенова, отличающуюся от версии Жазы-бия: еще при жизни самого Сака в союз племен, которым он руководил, влилось новое племя «инди-ар», прикочевавшее с берегов Иртыша. Местность, которую освоило новое племя, до сих пор называют Индер. Расположена она в Западном Казахстане. Руководил племенем старшина по прозвищу «Ер». Он решил откочевать из Прииртышья после губительного половодья, во время которого погиб его любимый сын по имени «Тіс» (Зуб). У мальчика очень рано стали прорезаться зубы, и дескать поэтому его называли «Тіс». После его рождения реку, на берегу которой родился первенец, назвали «Ер-тіс» (Иртыш)». Здесь мы видим повторение сюжета, изложенного выше, относящегося к эпохе арьев. Далее говорится, что поскольку коренные саки находились в состоянии многолетней войны с иранскими ариями, хотя и были с ними в родстве в качестве младших братьев, то с целью пополнения своей рати они приняли это новое племя. Поскольку племя «инди-ар» являлось чужеземным, они называли его «ады» (не местные, не коренные). Самого же предводителя племени по имени Ер прозвали «Адығай». От этого прозвища происходит название племени «атығай» аргынской конфедерации Среднего жуза и самоназвание племени «адай» конфедерации «байуль» Младшего жуза. Часть этого племени под названием саки вошел в состав союза племен «арыс» (среднеазиатские арии). Этот союз племен, имевший также самоназвание «тур» (по-ирански), или «дулы» (по-тюркски), подразделялся на три группы: «бек-арыс», «окан-арыс», «ак-арыс». Внутри данного союза племен «бекарысовцев» называли «улығ йозлар» (старший жуз), «оканарысовцев» — «ортак йозлар» (средний жуз), а «акарысовцев» — «кичик йозлар» (младший жуз). В состав союза «улығ йозлар» входили тохары и саки, которых называли также «кердері» (пестрый, пегий) по имени старшины сакского племени.

Основу союза «ортак йозлар» составляли древние уйгуры, а союза «кичик йозлар» — уйсуне. Юз (каз. «жүз»), означало не только числительное «сотня», но «народность» и «войско». В казахском языке слово «жүз» также означает «разновидность», «лицо», «внешность», «облик». Оно также произносится как «дүз» и означает «цвет» (каз. «түс»). Говорится, что Афрасиаб, в память о великом народе «шу» назвал этим именем своего внука, а каждому жузу присвоил свой цвет: белый – «ақ», символ чистоты, т.е. праведности, желтый – «сары», символ золота, т.е. богатства и алый – «алау», символ крови, т.е. воинской доблести и самопожертвования. Точно так же по цветам он разделил и все общество: белым цвет обозначал биев, алый цвет – батыров, а желтый – баев. Черным цветом обозначали простой народ, «шаруа», рядовых труженников – пастухов, табунщиков, ремесленников, кузнецов и др. Шу-каган в одноименном дастане считается потомком Афрасиаба. Чингисхан, когда административно делил державу по ордам, опирался на эту традицию назначать цвета каждой орде (белый, золотой, синий и серый)...

*Сакские воины на Персепольском барельефе.
За два с половиной тысячелетия антропологический тип
«типичных» казахов практически не изменился.*

Турано-арийская ойкумена, V век до н.э.

ПРЕДАНИЕ ВОСЬМОЕ:

«Ақ найзаның ұшымен» (праведно используя
острие копья) – народ лебедей «қун» (гунны)
и «Аққұс Мәдиар» (Огуз Мадьяр)

Союз племен «Арыс» распался по причинам природно-климатического характера. Засуха и интенсивное наступление песков принудили все племена поочередно откочевывать на север и восток. На западе свободных территорий для ведения скотоводства не осталось, они уже были заняты «старшими братьями». Первыми откочевали тохары-масгуты. За ними последовали саки-кердеринцы, обосновавшиеся в восточной части Семиречья. Когда дошла очередь до уйгуров, то им пришлось продвинуться дальше на северо-восток. Туда же ушли младшие арысовцы — уйсуне. В те времена уйсуне были представлены тремя племенами: «ұлы ұйсын», «ортақ ұйсын» и «кіші ұйсын». Племенем «ұлы ұйсін» руководил «Нұлы», имевший два прозвания: «Күн би» (Солнечный бий) и «Арық-Ұйсін» (Худошавый Уйсун). Племенем «ортақ ұйсін» руководил «Жөн би» (Правильный бий) по прозванию «Нән би» (Великорослый бий). Племенем «кіші ұйсын» управлял «Екінүй Ұйсын» по прозванию «Сары-тақ би» (Рыже-конопатый бий). В те времена почти все уйсуне были светлолицыми, рыжеволосыми, с синими или зелеными глазами. Племя «нұлы» с прозванием «күн-үй» (племя солнечного бия) нашло приют в местности, которая в «Яссы» названа «Арық-ұйсін», в монгольской степи, и приняло непосредственное участие в создании первого трехплеменного гуннского союза с самоназванием «Ку» («Лебедь») по имени первого руководителя конфедерации. Два остальных протогуннских племени имели аргынское происхождение. Про одно из них – «ку-эңгі» – уже говорилось...

По учению Майкы-бия, еще во времена ариев евразийские кочевники называли себя «ку» – лебеди (во множ. числе «кун» – прим. ред.). Это образ вольного кочевья, вольной стаи. Свободные родовые общины кочевали от Алтая до Памира, от Байкала

до Черного моря. Как у каждой стаи птиц есть свои маршруты перелетов, так и у каждого рода-общины были свои маршруты кочевья. Майкы-бий говорил, что гунны делились на 2 союза племен: «ку-кара» (лебеди черные) и «ку-сары» (лебеди золотые). «Ку-кара» происходили из рода Памира и Алая. «Ку-сары» происходили из рода Тана («Рассвета», в честь которого названы горы Тянь-Шань). Эти союзы племен были связаны между собой кровнородственными связями, обычаями, традициями, менталитетом, близостью языков. Представители «черных лебедей» были, как правило, темноволосыми, черноглазыми. Представители «желтых лебедей» были часто рыжими, светлыми.

По сообщению Масгута Шайкемелева, гунны делились также на «ку-ак» (лебеди белые), «ку-көк» (лебеди синие), «ку-жасыл» (лебеди зеленые), «ку-кызыл» (лебеди красные) и «ку-коңыр» (лебеди коричневые). Ареалы их кочевий были таковы: пространство между Памиро-Алаем и Тянь-Шанем для «черных», от Тянь-Шаня до Тарбагатая для «желтых», хребты Нань-Шаня и окрестности пустыни «Текелі мекен» (Такламакан, «ареал антилоп») для «белых», Прибайкалье для «красных», Уссурийский край для «зеленых», пространство от Алтая до Тарбагатая для «коричневых». Цвет в названии племен далеко не всегда означал окраску волос, кожи, глаз. Черный цвет связывался с близостью к земле, с многочисленностью, а также с древностью происхождения и означал «коренной». «Ку-кара» немало времени уделяли земледелию, были многочисленны и славились древностью своего рода. Желтый цвет ассоциировался с богатством. «Ку-сары» были богаты поголовьями верблюдов. Это позволило им использовать караваны верблюдов для целей торговли и обмена. Как известно, обмен готовыми продуктами и изделиями во все века приносил прибыль. «Лебеди зеленые» занимались, в основном, охотой, а «красные» – рыболовством. В те времена в северо-восточных водоемах было очень много красной рыбы. «Лебеди белые» много внимания уделяли политике, поскольку жили под постоянным давлением соседних племен. Они выработали первыми понятие «актык» (белизна)

как синоним душевной чистоты и справедливости. Без такого понятия невозможно было решить межплеменные, межродовые споры мирным путем. «Лебеди синие» много внимания уделяли размышлениям о связи человека с природой, космосом. Их подталкивала к этому сами условия жизни. Жизнь на хребтах Инь-Шаня была тяжелой. В жаркие месяцы невозможно было находиться долго на солнцепеке. Поэтому в дневное время люди находились в своих подземных домах, называвшихся «ін» (логово или нора). Сверху эти подземные жилища покрывались бычьими шкурами, натянутыми на куполообразные каркасы. Днем скот был предоставлен сам себе. Поздно вечером пастухи брались за свое дело. Всякого рода народные гуляния, собрания, перекочевки с места на место происходили по ночам. Люди научились прекрасно ориентироваться в пространстве по звездному небу. Частое обращение к небу располагало к размышлениям о Вселенной, о месте и роли земли и человека во Вселенной. Последняя называлась «көк» (необъятная синева без конца и края). Кочевники называли «ку-көк» (лебеди синие) тех, кто поклонялся Небу, Вселенной. Зимой «синим лебедям» приходилось не легче, чем летом. Пронизывающий, обжигающий холодный ветер, сопровождаемый позёмкой, также не располагал к долгому нахождению вне дома. Вынужденное нахождение в течение большей части суток в подземном жилище способствовало тому, что многие представители «синих лебедей» были малорослыми, коренастыми, скуластыми и узкоглазыми. «Коричневые лебеди» занимались коневодством, верблюдоводством, овцеводством, сеянием проса, добычей руды, выплавкой металла, изготовлением из металла оружия и посуды. Они не были столь богаты, как другие племена продуктами земледелия, пушниной, рыбой, поголовьями скота, но, вместе с тем, они занимались всем, чем занимались соседи. Потому и были прозваны «коңыр» – «всецветные» или «коричневые». По внешним признакам они походили на европейцев. Племена гуннов делились также на «кұнды» (богатых конями и верблюдами), «жүнді» (богатых овцами), «құтты» (богатых крупным рогатым

скотом и молочными продуктами), «істі» (ремесленников), «таралы» (земледельцев) и других. Между племенами происходил непрерывный обмен. При обмене нередко возникали конфликты, которые могли заканчиваться войнами. Возникли караванные пути. Это усугубило территориальную проблему, которая всегда была острой для кочевников. Контролировать караванные пути означало брать пошлину с купцов или выгодно менять свои продукты на продукты караванщиков. Кроме того, племена «ку» делились на «тау-ку» (лебеди горные), «сай-ку» (лебеди равнинные), «дон-ку» (лебеди холмистых мест), «қыр-ку» (лебеди плоскогорий), «мәңгі-ку» («ку-мәңгі», вечные лебеди). Были племена, которые называли себя «құс ел», то есть «племя птиц», а также «қаз ел» – «племя гусей»...

Вернемся к сказанию Майкы-бия в версии Жазы-бия: как уже говорилось выше, Инь Второй, имевший прозвание «Таб-Ин», назвал своего сына «Ді» в честь деда. Этот Ди Второй возглавил племя «ін-ді», которое позже разделилось на три части, возглавляемые сыновьями и внуками Иня Второго. Старшее племя под названием «ін-ді» откочевало к древним ариям и с частью арийских племен образовало союз под названием «ін-ді-ар», который позже перекочевал на территорию современной Индии. Руководил этим союзом племен Ар Второй, известный в истории как «Ин-Ді-Ар» (Индра). В родном краю Инь-шань остались следующие потомки Ди Второго: сын Инь Второй, внук Ди Третий, правнук Инь Третий, праправнук «Іле» (Хваткий), в честь которого названа река Или. Каждый из них возглавил родовую общину, которые вместе составили племя с самоназванием «ін-ді-іле». возможно, что динлины китайских хроник, это они и есть. со временем родовые общины разрастались до размеров племен. От племени «ін-ді-іле» отделились племена «арғы-ін» («старший инь») и «сай-ін» («средний инь»). Несколько позже заявило о своей самостоятельности племя «ді-ку». Это племя возглавил Ку Второй, который был одним из многочисленных потомков Ди Третьего. Племя «ді-ку» было непосредственно протогуннским племенем. вслед за ним о своей независимости

объявило племя «кейінгі-ін» («младший инь»), которое у Майкы-бия считается предками енисейских кыргызов: по преданию, это племя впоследствии пригласило для правления тюркского хана по имени «Қырғыс» и с тех пор получило в истории прописку с тем же названием.

Первым на территорию исторической Монголии откочевало племя «арғы-ін», вторым — племя «сай-ін», к хребтам, которые с того момента получили название Саяны. Позже это племя получило известность под названием «Сайын би» в честь бия, возглавлявшего его. Но может быть и обратное — вождь вошел в предания по названию возглавляемого им племени. Вслед за ними к Саянам откочевало племя «кейінгі-ін», прописанное в китайских летописях как «гяньгунь». Последним от хребта Инь-шань откочевало племя «ді-ку» и прикочевало к аргынам. Несколько раньше к аргынам прикочевало древнеуйсунское племя с само-названием «арық-үйсын» во главе со старшиной племени по имени «Нұлы». Но с момента признания его бием трехплеменного союза он получил прозвание «Күн би» (Солнечный бий), а его племя получило название «күн-үй», поскольку слово «үй» в те времена обозначало одновременно «дом», «двор», «соборность» и «племя». Произошло это после того, как на территорию исторической Центральной Монголии прикочевали первое собственно гуннское племя, которым руководил «Ку» (Лебедь) и древнеаргынское племя «қоян» («ку-эңгі»), получившее это имя после соединения с «ку». Историческая заслуга «Ку» состоит в том, что он явился создателем первого трехплеменного союза гуннских племен...

Сыном «Ку» был Инь Пятый, а внуком — Ди Четвертый. Сыном последнего был «Жылан» (Мудрый змей). Коренное гуннское племя называлось по имени вождя Жылан. Правители этого племени были выходцами из рода «сыйлы ін-ді» (почетный род «ин-ди»). Иня Пятого еще называли «Қайырғы Ін» (очередной Инь), а Ди Четвертого — «Қайырғы Ді» (очередной Ди). При нем древнеаргынское племя носило название «Қоян», руководил им Коян Второй, а древнеуйсунское племя «күн-үй»

получило название «Үш-бу» (верховные арбитры для трехплеменного союза). В древнекитайских летописях оно прописано как «Сюйбу», в более поздних хрониках — «Цзюбу».

Сыном Жылана был «Шаң» (заоблачная вершина). Он получил два прозвания: «Шаң-үй» (верховный дворянин) и «Тәңірі-құт» (божественное благо). С этого момента правителей гуннского союза племен называли одновременно и «шаң-үй», и «тәңірі-құт».

Сыном Шана был «Думын». Он совершил две непростительные ошибки, едва не закончившиеся развалом гуннского союза племен. Во-первых, Думын практически отменил суд биев, объявив себя «думын», т.е. «я – верховный арбитр». По существу это означало узурпирование власти и диктатуру. С этим не могло согласиться военно-демократическое общество гуннов. Суд биев олицетворял собой гражданский суд, а суд «шаң-үй» — военный трибунал. В компетенцию верховного правителя гуннского союза племен входило только успешное проведение внешней политики и централизованное управление вооруженными силами. До Думына все вопросы экономики и внутренней политики верховный правитель обязан был решать в согласовании с судом биев, при этом голос верховного правителя приравнивался к голосам только двух верховных биев. Единодушное мнение трех верховных биев перевешивало мнение верховного правителя.

Вторая ошибка Думын-шаньюя состояла в том, что он признал себя вассалом богатого союза племен «құт» (юэчжи) и отдал юэчжийцам в аманаты (заложники) своего сына по имени «Мәди-ар» от жены из аристократического рода «дулы ақарыс» – прямых потомков Афрасиаба. Дулы считались прямыми потомками Тура, известного у казахов как «Алп-Арыс-би». В свои 15 лет Мадияр выяснил для себя причины недовольства всего гуннского союза племен его отцом. Свой первый подвиг он совершил, освободившись из плена, в котором оказался по воле отца. Второй подвиг его был гражданским. Он объездил всех признанных биев и получил их благосло-

вение. После этого отцу ничего не оставалось, как доверить сыну командование туменом — десятитысячным ополчением — из рода дулатов, которые доводились Мади «нағашы» (родня по материнской линии). По примеру первых гуннских стратегов с именами «Ку», «Жылан» и «Шаң» Мадьяр добился превращения ополчения в профессиональный воинский контингент с железной дисциплиной и высшей степенью боеготовности. Воины неустанно тренировались как на учениях, так и в процессе облавной охоты на диких животных. Рядовые воины относились к командирам так же, как родные младшие братья относятся к родным старшим братьям, и прилагали все усилия, чтобы лучшим образом выполнять их приказы. Командиры относились к подчиненным так же заботливо, как обычно старшие братья относятся к родным младшим братьям. Вместе с предъявлением суровой воинской требовательности к подчиненным они одновременно проявляли трогательную братскую заботу о них. Такие принципы военного братства, как «гордость одного — гордость всех, позор одного — позор всех», «один за всех и все за одного», «командиры отвечают за высокий боевой дух каждого подчиненного», стали привычными, неотъемлемыми чертами поведения каждого командира и каждого воина Мади. Дулаты составили его самую надежную гвардию. С той поры, согласно учения Майкы-бия, старшие братья перестали обижать младших, а в жизни кочевников появился важный принцип: «Ағасы бардың жағасы бар, інісі бардың тынысы бар» (у кого есть старший брат, у того есть надежная защита, а у кого есть младший брат, у того есть надежный исполнитель). С этого времени получило хождение понятие «аға-іні» («старший брат-младший брат»), подразумевавшее, что «старший является опекуном», а «младший — подмогой», а у всех степняков — потомков гуннов — появилось чувство «бауырмалдық» — «тяга к братству». Чингисхан, для которого легендарный вождь гуннов был жизненным идеалом, сумел построить такую же социальную систему, когда все «народы, натягивающие лук» стали одной нацией, где все относились друг к другу по-братски.

Подготовив непобедимый воинский контингент, Мади объявил, что создаст из гуннского союза племен «дәрежелі ел», т.е. «уважаемую всеми державу». С этой целью он приговорил к казни всех, кто был готов признать вассальную зависимость гуннского союза от соседей. В числе казненных оказались и отец, и мачеха, и сводный брат Мадьяра. Старшины племен и бии поддержали его, был созван курултай, где Мадьяра подняли на белой кошме и нарекли тронным титулом «Ақ құс», т.е. «Праведный лебедь», в честь великого предка. В истории его прописали как «Огуз-каган» из-за «оканья»: «аккус» превратился в «огуз». О суровости характера Мадьяра свидетельствует дошедший до нас его знаменитый афоризм: «Иә, Тәңірі, бала бер. Бала берсен, сана бер. Сана бермесен, шет шетінен ала бер». В смысловом переводе это означало: «О, Боже, награди меня детьми. При этом награди их разумом. Если же обделишь их разумом, то заberi их обратно одного за другим»...

Новый правитель не делил гуннов на ближних и дальних, а только лишь на «арыс» (имеющие честь и совесть) и «арсыз» («не имеющие чести и совести»). Не случайно Мади имел прозвание «Мәди-ар». Опираясь на поддержку истинных «арысов», «аристократов духа», Аккус-Мадьяр создал могучую державу, с которой стали считаться все соседние государства. Тринадцать столетий спустя это сумел повторил его идейный последователь Чингисхан, благодаря советнику Тобе-бию и сыну его Майкы-бию, хранившим тысячелетнюю историю и мудрость былых поколений. Дело Мади под названием «дәрежелі үй» (державное отечество) успешно продолжил его сын, получивший прозвание «Алаш-шаңкүй» («Достигший радующего соборного процветания»), или просто «Алаш». В честь него названа местность Алашанькоу в современном Китае. Ему удалось добиться укрепления державы путем присоединения к ней таких союзов племен, как «ін-ді-іле», «сайын-би», «кейінгі-ін», ортак-уйсунов во главе с «Жөнді би», кичик-уйсунов во главе с «Ел сау би», унаследовавшего прозвание Уйсун Пятый, или просто Уйсун. В состав гуннской державы оказались включенными и племя «ұлық-үйсын», получившее

статус арбитражного племени «үш-бу», и племя «ортақ-үйсын» с самоназванием «жөнді», и племя «кішік үйсын», сохранившее самоназвание «үйсын». Гуннами себя считали древние албаны, кочевавшие от Ордоса на юге до Монгольского Алтая на севере, та часть «шу», которая сохранила кочевой быт («белые шу»), и племя «бай-ар», потомки легендарного Бая, сына Ара. В целом, как подчеркивал Майкы-бий, держава гуннов приобрела многоцветную окраску «аласу» (радужный спектр), поскольку каждый отдельный союз племен характеризовался индивидуальным символическим цветом. Получился своего рода спектр, поэтому сын Мади получил прозвание «Алаш». Он прославился тем, что принудил Ханьскую империю признать державу гуннов равной себе. Это было великим достижением, поскольку вооруженные силы ханьцев в десятки раз превосходили вооруженные силы гуннов. Более того, империя Хань была несравненно богаче державы гуннов. В то же самое время в правящих кругах Ханьской империи царила распря. Будучи выдающимся политическим стратегом, Алаш не преминул воспользоваться этим обстоятельством, но спустя семнадцать «мушелей» (204 года) после его смерти разрушительная распря начала воцаряться внутри самой гуннской державы. Во-первых, в очередной раз дал знать о себе извечный «божий бич» для кочевников: погодно-климатические условия обрекли скот на бескормицу и падеж. Вследствие резкого обнищания случился разлад между союзами племен и между племенами внутри каждого союза. Во-вторых, Ханьская империя вступила в период небывалого расцвета и могла позволить себе подкуп и содержание союзников из среды кочевнических племен. Особенно легко это было делать в периоды затяжных невзгод, сопровождавшихся крупным падежом скота кочевников. В-третьих, за прошедшие десятилетия процветания гуннской державы внутри нее образовались очень крупные богатые кланы, которые привыкли к роскоши и потреблению дорогих ханьских товаров. При случившемся обнищании большинства соплеменников это меньшинство чувствовало себя очень неуютно в среде кочевников, с которыми приходилось делиться богатством. Напротив, добровольно став ханьцем, можно было не только со-

хранить накопленное богатство, но и существенно приумножить его. В среде ханьцев отпадала необходимость перманентно делиться богатством с соплеменниками. Более того, империя хорошо оплачивала проявление в ее пользу воинской доблести, которой кочевники были наделены сполна. Не случайно многие из первых древних кочевников, которые были «пионерами» переселения с предгорий Алтая в глубь территории современного Китая, называвшие себя «кытай» («делай новое богатство»), ассимилировались в среде местного населения. Сначала племя «кытай» служило наемным пограничным войском для коренного населения и одновременно с большой выгодой для себя осуществляло посреднические функции в обмене товарами между оседлыми земледельцами и кочевниками. Соседние народы непосредственно сталкивались с племенем «кытай» как при мирном обмене товарами, так и в бою, поэтому эти племена обозначали словом «кытай» всех жителей, несмотря на то, что те называли себя ханьцами. Более того, кочевники называли «Кытай» саму империю Хань, и такое название державы укоренилось на века среди евразийских народов...

Как уже говорилось выше, себя кочевники называли во множественном числе «кун» (лебеди). Отсюда происходят китайские названия «хунну», «сюнну» и европейское «гун». Современные казахи, чуваша, башкиры и венгерские кыпчаки-куны по сей день хранят этот образ. В эпоху Чингисхана племена монгольской степи считали себя прямыми потомками народа «хон», гуннов. Потомками народа «хон» считали себя гунны Аттилы, древние болгары и десятки других народов Великой степи. Боевым ураном казахов по сей день является «Алаш», а сыновей казахи называют именами Мади, Мадияр, Мадьярбек в честь своего великого предка. Что касается распада могущественной державы гуннов после существования ее в течение «жиырма мүшел» (240 лет), то Майкы-бий считал, что повинными в этом были правящие круги и богачи. Распад гуннской державы начался с момента, когда верховные правители перестали считаться с мнением суда биев. В ответ на это крупное племя «үш-бу», являвшееся носителем традиций суда биев, откочевало к саянцам («сайын-би»), которые признали его своим ар-

битражным племенем. Немногим позже, когда новые гуннские правители перестали собирать представительные съезды — курултай — к сьяньбийцам откочевали и легендарные племена «шан», «жылан», «коян», «жөн», «шу». почти в те же времена на запад откочевало главное гуннское племя «мади ар». вслед за ним откочевали могущественное племя «бұлак ар» (булгары) и «шу ар», потомки древних шуйцев. Название «бұлак ар» можно перевести как «родниковые арьи», но в образно-символическом языке биев оно означало «аристократы, живущие в достатке и изобилии». От них, по словам Жазы-бия, пошли чувашаи и башкиры. В процессе передислокации племя Мадьяр расколосось на две части. Одна половина провозгласила лозунг «Өз еркім өзіме» («вольному воля») и стала «казаковать». Эти мадьяры, ставшие позднее кыпчаками, длительное время кочевали на пространстве от Иртыша до Арала. А до того они именовали себя в честь Мади «Ақ құс». Подчиненные им народы, которые не могли произнести правильно «ак құс», говорили «огуз». Другая часть мадьяров из рода «дулы» («дулы-ұт»), которых возглавил «Еділ» (Аттила), откочевала далеко на северо-запад, где в честь него была названа река «Еділ» (совр. Волга) и основал государство, которое бии называли «Мәдиар» (Маджар). Считалось, что именно соплеменники Аттилы дулаты являются прямыми потомками гвардейцев Мади. Дулаты, как уже говорилось, приходились «нағашы» мадьярам, и вели свое родословие от самого Арыс-бия. Поэтому те дулаты, которые остались в горах Тяньшаня, долгое время именовали себя потомками Афрасиаба. Казахские аксакалы племени дулаг помнили свое происхождение от Арыс-бия даже при Советской власти, несмотря на идеологические запреты. По сообщению Масгута Шайкемелева, часть древних аргынов под предводительством Шакшака Третьего также ушла из монгольских степей на историческую прародину, с боями прошла через территорию уйсунгов сперва на юго-запад к племенам канглы, а затем на север в Сары-Арку, где и осталась кочевать по сей день. Рассказывается, что канглы сперва любезно предоставили землю древним аргынам на южной границе с условием, что те будут нести пограничную службу и охранять города,

подвластные Кангу. Их поэтому именовали «шекти», т.е. «пограничники». Они подразделялись на «төмен шекти» (нижние пограничники), охранявшие страну с запада, со стороны Прикаспийской низменности, и «жоғары шекти» (верхние пограничники), охранявшие страну с востока, со стороны Тянь-шанских гор. Шакшак Третий добросовестно нес службу, доблестно сражался с врагами Канга, стал набирать большой авторитет в среде воинов-кочевников, но из-за зависти к авторитету, либо опасения его силы, был предательски убит кем-то из правящей верхушки канглы. После этого оскорбленные шакшаковцы-шектинцы вместе с породнившимися с ними и сочувствующими им канглинцами ушли на север, в Сарыарку, где часть их откололась и стала казаковать, не подчиняясь никому, кроме своих родовых старшин. Они кочевали в районе Балхаша – прародины древнего Каса, откуда в допотопные времена тот увел свой народ на Каспий и Кавказ. Поэтому, дескать, их прозвали «каракэсэк» (каракесек), т.е. «коренные касаки»...

Корона хуннского шаньюя с символом «птицы» - «күс»

ПРЕДАНИЕ ДЕВЯТОЕ:

«Сайын-бидың сайын дала» (широкая степь сяньби),
Саин-хан, Майкы-бий Первый и «Борі ана»
(мать-волчица)

Переход большей части древнегуннских племен на сторону саянов-сяньбийцев резко усилил военную мощь кочевников. Сплочение коренных гуннских и сяньбийских племен привело к образованию новой военной державы, которая приобрела могущество при потомке Тан-хана по имени «Таң-Сыгай». В китайских хрониках он записан как «Таншихай». Майкы-бий называл Тан-Сыгая не по имени, а по названию племени — «Сайын-хан». Чингисхан почитал Саин-хана не меньше чем Мадияра и назвал его именем любимого внука, который позже получил известность под именем Батый. Держава Саин-хана простиралась от Уссури на востоке до Урала на западе, и от Саянских хребтов на севере до Инь-Шаня на юге. Но после смерти Саин-хана его держава распалась на отдельные орды. Башкиры вообще откочевали в Приволжский район, татары и татабы создали свои орды. Майкы-бий Первый, в честь которого названа река Майкэ в Уссурийском крае, возглавил орду, получив прозвание «Мұрын-хан». Другую орду возглавил, получив прозвание «Тобы хан», влиятельный сяньбийский судья по имени «Ел би». В истории это образование известно как ханство Тоба. По мнению тобыктинца Шакарима Кудайбердыева, от них пошло казахское племя «тобықты», ныне входящее в арғынский племенной союз. Род «мұрын» известен среди кара-кереев, ныне живущих в Иле-Казахском автономном округе СУАР КНР...

В державе Саин-хана главным арбитражным племенем, как и в древнегуннские времена, было признано племя «нұлы» с прозвищем «үш-жүз-бу», или просто «үш бу». как уже говорилось, «бу» с древнейших времен означало «бий над биями», «лучший бий среди всех биев». Оно было представлено потомками древнеуйсунского племени «ұлық ұйсын», которое Чингисхан

позже называл «арық ұйсын». В частности, основатель ханства «Мұрын» Майкы-бий Первый был прямым потомком самого Нулы, известного в преданиях биев как «Арық Ұйсын». В самом ханстве «Мұрын» главное племя сохраняло свое название «үш-жүз-бу». Во времена распада гуннской державы к этому племени прикочевывали три рода племени «дулы».

Родословная этого племени, по преданиям Байдибек-бия, имела следующую последовательность. Когда древние уйсуне подразделились на три разновидности: «ұлығ-үйсын», «ортақ-үйсын» и «кішік-үйсын», то самоназвание «үйсын» сохранили только лишь «младшие», т.е. кичик-уйсуне. «Ұлығ-үйсын» вошли в состав первой гуннской державы под названием «үш-жүз-бу», или «үш бу». Позже к гуннам присоединились ортақ-уйсуне с самоназванием «жөнді». Что касается союза племен, сохранивших название «үйсын», то по отношению к гуннам они вели себя по-всякому. Основателем этого союза племен был «Нэн Ді би». Его сын по имени «Елсау-би» привел союз племен к небывалому прежде процветанию. Он проводил прогуннскую политику. Такой же политики придерживались и его сын «Дулы», названный так в честь великого предка Тура-Афрасиаба, и его внук «Жөнші». После смерти последнего правителем стал его двоюродный брат, которого сородичи прозвали «Аңқау би» (простоватый бий). При нем всю власть прибрала в свои руки его жена-китаянка. Она стала проводить проханьскую политику. Это вызвало раскол в обществе. Богатые уйсуне, которых называли «сары-үйсын», поддержали проханьскую политику. Бедные сородичи, которые называли себя «дулы», памятуя о том, что при Дулы-бие они процветали, по-прежнему оставались приверженцами традиционной прогуннской политики. Это противостояние закончилось тем, что уйсунский союз племен полностью распался. Племя «сары-үйсын» частично ассимилировалось с китайцами, частью вошло в состав союза племен «кұт» (юэчжи)...

Что касается племени «дулы», то оно подразделилось на два подплемена. Три родовые общины, руководимые вождями

по имени Най, Дулы Второй и Ыс, присоединились к гунно-сяньбийцам и вошли в состав ханства Мурын, которым руководил Майкы-бий Первый. От общины «най» позже произошли найманы, от «дулы» – дулаты, а от «ыс» – ысты. Другое подплемя называло себя «дулы-өжет» и состояло из пяти родовых общин. Оно постоянно находилось в состоянии военных конфликтов с соседними племенами, ревностно охраняя свою независимость. При Саин-хане эти пять родовых общин составляли крупное племя, вынужденное войти в состав новой гунно-сяньбийской державы. Позже, сохранив за собой самоназвание Дулы, это племя снова отстояло свою независимость и сохраняло ее до момента образования первого Тюркского каганата, в состав которого оно вошло в качестве пятиплеменного союза Дулы. Общины «най», «дулы второй» и «ыс» после развала ханства Майкы-бия Первого объединились в племя с названием «дулы-абыл» под руководством Абыл-бия Первого и откочевали к родичам в горы «Нән-шаң». Там обитало родственное гунно-сяньбийское племя «жөнді», которым руководил старшина по прозвищу «Муқан би». Но прошло всего несколько лет после обустройства на новом месте, как племя подверглось нападению большого отряда тобыктинцев за нежелание подчиниться ханству Тоба. «Тобы» планировали большую войну с ханьцами, но при этом ощущали недостаток в ратниках, мастеровых-оружейниках, табунщиках и лошадях. Откочевка дульцев могла, по мнению тобасцев, подать дурной пример другим племенам, и поэтому следовало примерно наказать сепаратистов из Дулы-Абыла. Нападение Тоба было неожиданным. Дулаты оказались абсолютно не готовыми к отпору. В растерянности они бежали в разные стороны, но нападавшие заранее устроили засады везде, кроме одной тропы, ведущей в большое болото. Абыл-бий со своими сыновьями преградил путь воинам противника именно к этой тропе и сражался с ними до тех пор, пока его сыновья и сам он не погибли в неравном бою. Но до этого его пятнадцатилетняя дочь Ай-бике успела по приказу отца провести по тропе к болоту десятка два детишек и спрятаться вместе с ними в камышах. В это время то-

басцы уничтожили всех, кто, сражаясь, не сдался, а оставшихся в живых трудоспособных мужчин и женщин угнали в плен. Остались детишки, спасенные Ай-бике, старшему из которых исполнилось десять лет, и старцы. Позже Ахан-шешен, будучи мастером образной речи, сравнивал остаток племени с младенцем, у которого враги отрубили руки и ноги. Вообще, это был давний образ. Войско называлось «қол» (руки), а трудоспособное население – «бұт», «бұтын» (ноги). Когда родовая община оставалась без воинов, то говорили, что она «осталась без рук» («қолсіз қалған»), когда же община оставалась без табунщиков, чабанов, ремесленников и их подручных, то говорили, что она «осталась без ног» («бұтынсыз қалған»). В отношении остатка племени Дулы-Абыл этот образ был абсолютно уместным...

Испокон веков в жизни кочевников случались обстоятельства, когда погибающую родовую общину спасали самоотверженные героические личности, волю которых не могли сломить никакие тяготы и удары судьбы. Такими личностями проявляли себя и мужчины, и женщины. Про них с восхищением говорили: «қасқыр мінезді», т.е. «волчьего характера». В такую характеристику личности охотники вкладывали особый смысл: они считали, что волки являются «природными воинами», которые готовы к бою в любую минуту, никогда не сдаются на милость победителя и сражаются до последнего вздоха. Воля к жизни у волков настолько сильна, что даже будучи смертельно ранеными и едва волоча ноги, они убегают от преследователей, когда же чувствуют, что враг настигает или смерть настает, то останавливаются и бросаются на преследователя в последнем прыжке. Этими качествами в высшей степени отличались вожаки волчьих стай, которых кочевники называли «бөрі» или «шона»...

Дочь погибшего дулатского старшины по имени Ай-бике еще в пятилетнем возрасте получила прозвание «Абылдың қасқыр қызы», т.е. «дочь Абыла — волчица», поскольку стала искусной наездницей и помогала пастухам пасти скот. В шесть лет вместе с мальчиками-одногодками соревновалась в меткости стрель-

бы из детского лука. В восемь лет вместе с ними охотилась на диких уток в болоте, изучила в нем многие кочки и, прыгая с одной на другую, могла удалиться в болото на расстояние, недоступное другим. Умела спрятаться в камышах так, что никто не мог ее найти. В момент нападения противника Ай-бике быстро увела детей в болото и спряталась с ними в камышах. Когда они вернулись в кочевье, то обнаружили, что оно осиротело, остались одни старцы и малолетние дети. Старцы с причитаниями встретили пятнадцатилетнюю «дочь-волчицу» вождя племени. После причитаний они заявили, что отныне она представляет единственную надежду остатка племени на выживание и возрождение и что она обязана стать «Бөрі-ана», волчицей-кормилицей для остатка племени. Эта надежда была связана не только с лидерскими качествами девушки, но также и с тем, что она была мастерицей «на все руки». Она умела изготавливать одежду и домашнюю утварь, доить кобылиц и коров, ловить рыбу и охотиться на птиц, изготавливать луки и стрелы, пики и кожаные доспехи. Кроме того, она была прирожденным психологом. К тому же верила в себя. Благодаря этим своим достоинствам она сумела выполнить завещание старцев и стать настоящей «Бөрі-ана», т.е. «Матерью матерью-волчицей», кормилицей своих «волчат». При этом многоопытные, мудрые старцы помогали ей не только советом, но и делом. Они сумели припрятать необходимые для изготовления оружия, ловли рыб и птиц инструменты. По их совету «Бөрі-ана» приказала детям собрать с места сражения наконечники стрел и копий, а сама взяла топор и ножи, пошла в лес, нарубила и срезала подходящие ветки для изготовления луков, древков для пик и стрел. По ее просьбе старцы смастерили подходящее оружие для детей. Старцы говорили им: «Апаң — бу», т.е. «ваша старшая сестра — верховный судья». Это означало, что «Бөрі-ана» являлась отныне старшиной остатка племени, единственной правительницей. Дело пропитания она организовала таким образом, что дети помладше удили рыбу, собирали птичьи яйца и чеснок, а те, что постарше — участвовали с ней в охоте на диких птиц. При этом все жили

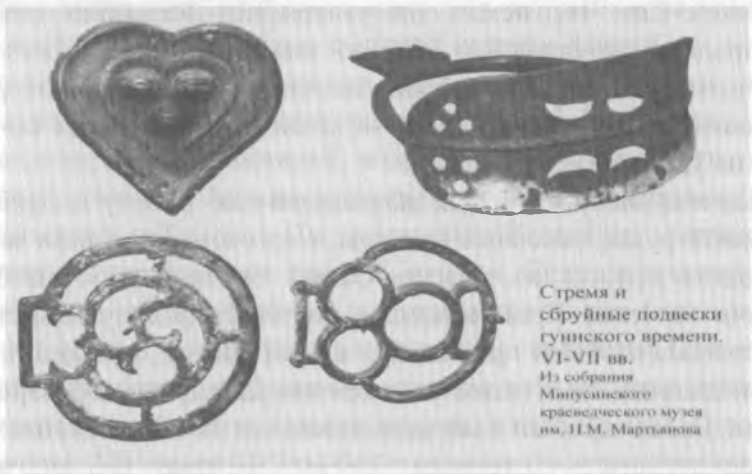

в постоянном страхе, ожидая нового набега тобасцев, поэтому «Бәрі-ана» без устали ежедневно тренировала детей в меткой стрельбе из лука, в умении быстро бегать, прыгать с кочки на кочку и прятаться в болотных камышах. При этом она постоянно сетовала на то, что не осталось ни одного вьючного животного, чтобы откочевать в более безопасное место. Она мечтала привести остаток племени на территорию родственного гуннского племени «Жәнді», которым руководил «Мұқан би». Для этого нужны были кони и верблюды, чтобы перевезти старцев и малолетних детей, а также прихватить с собой нехитрый домашний скарб. Казалось, что этой мечте не суждено было сбыться. Но, как издревле говорили кочевники, «добрый конь — это второе счастье после надежного друга». У погибшего старейшины племени был отменный жеребец, равного которому не было во всей округе. Однажды этот жеребец, уведенный тобасцами, прискакал в родное кочевье вместе с целым косяком кобылиц. Радости «Бәрі-ана» не было предела. Она тут же распорядилась об откочевке, поскольку знала, что тобасцы начнут искать пропавшего жеребца именно там, где он родился и вырос. Для сбора кочевникам обычно хватало десятков минут. Через сутки остаток племени оказался на западном склоне Нянь-Шаня, и, по совету Мукан-бия, беглецы укрылись в труднодоступном ущелье. Через несколько дней к Мукану прибыли посланцы от тобасцев, которые потребовали выдать беглецов. Мукан-бий ответил, что никаких беглецов он не видел, прибывшие могут сами поискать их в его владениях и увести обратно, если найдут. Те принялись искать, но никого не нашли, а затем с проклятиями и угрозами вернуться обратно отправились восвояси.

Прошло пять лет. «Бәрі-ана» исполнилось 20 лет, а старшему из спасенных мальчиков — 15. Она вышла за него замуж, родила от него сына, которого старцы называли «Есжан» (Разумная душа). Вместе с этим именем старцы дали младенцу прозвание «Енші-Ду», т.е. «Верховный арбитр по наследству». Этим самым они предрекли, что с пятнадцатилетнего возраста он станет верховным судьей, т.е. старшиной племени. Так оно и случилось. В

возрасте 25 лет он имел уже двух жен и четверых детей. Несмотря на некоторое заикание («түттык»), Есжан был выдающимся мудрецом-оратором, т.е. «шешеном». Не случайно его прозвали «Асқан-шешен» (великий мудрец-оратор). Когда ему исполнилось 30 лет, он был ранен в бою с тобыкты, которые напали на нянь-шановских гуннов, покровительствовавших остатку племени «най-дулы-ыс», которым руководил «Асқан-шешен». Защитники племени потерпели поражение, и «Асқан-шешен» поспешил откочевать далеко на север, к алтайским горам, где союз племен с самоназванием «жау-жан» (Воинственная душа) отвадил тобасцев совершать набеги на Алтай.

*Сакральная троичность и трехколенная свастика -
преемственность древнейших традиций*

ПРЕДАНИЕ ДЕСЯТОЕ:

«Алшын-би», «Ер-Тұрык» по прозвищу Бумын и история тюрков

Вассальной зависимости от жаужанцев находился древнекыпчакский племенной союз «жан-төле-іс» с самоназванием «ұста-қыпшақ» (кузнецы – мастера по изготовлению оружия). «Төле» по кыпчакски то же, что «дулы». В истории кочевников можно насчитать около сотни выдающихся родоначальников племен, носивших имя «Кыпшақ». Во времена Чокана Валиханова узбекские кипчаки насчитывали 96 родов, а казахские бии — 92 разновидности кипчаков. Сам Чингисхан, как утверждает Жазы-бий, считал, что предком кипчаков был «Ін» по линии своего потомка «Ді», а первым самостоятельным кыпчакским племенем было «ұста-қыпшақ» из саянского народа «Сайын би». Опирался он при этом на учение «Яссы»...

Кыпчаки выполняли для жаужанцев всю работу по добыче железной руды, выплавке металла и изготовлению всех видов холодного оружия из железа. Самой тяжелой работой была добыча металла. Прикочевавшее подплемя под руководством Аскан-шешена было привлечено к этой работе. Младший сын Аскан-шешена был также наделен неординарным ораторским даром. Более того, он был великолепным поэтом-песенником, точнее акыном — степным бардом, поэтому его прозвали «Акын-шешен». От него происходит понятие «акын». Но он был не только мастером поэтического и ораторского искусства. Еще он был, как говорится, «мастером на все руки». У уста-кипчаков научился изготавливать все виды оружия, шлемы и доспехи. Был мергеном, т.е. охотником-снайпером. Был «балуаном» — признанным победителем в состязаниях борцов, которые назвались «күрес» (борьба). Как говорил Майкы-бий, «Акын-шешен» был «бір сырлы, сегіз қырлы» — «восьмигранным алмазным кристаллом», цельным и в то же время всесторонне развитым человеком. Но самым главным его качеством был неординарный

организаторский талант. Он умел собирать людей, организовывать общество и воодушевлять на подвиги. Соплеменники признали его прирожденным вожаком, атаманом. Они прозвали его «Ар-шона», что в образном переводе подразумевает «достойный, праведный лидер». В собственной трактовке этого понятия Майкы-бий говорил, что поскольку для племени «най-дулы-ыс» было характерным произношение «й» или «л» вместо звука «р», то прозвание «Ар-шона» звучало также как «Ал-шона» и «Ай-шона». Китайцы, тоже не произносившие звук «р», записали его как «Ашина». В его честь названа река на Алтае. От него пошел род Алшын, который столетия спустя возглавил зять Чингисхана, получивший прозвание «Алшын-күреген». Казахский Младший жуз также обобщенно называет себя «алшын» и по сей день в его честь казахи называют сыновей именем Алшан...

По легенде, Алшин сочинил песню, своего рода гимн, в котором рефреном повторялись слова: «Тұрық Найдулыс». Бий переводили это как «вставай, возродись, племя най-дулы-ыс». Поэтому, дескать, Ашина получил прозвание «Тұрық», или, по-кипчакски, «Түрік». По замечанию Жазы-бия, кипчаки, в отличие от дулатов, все звуки смягчают. Если, к примеру, на юге говорят «қазір» (сейчас), то кипчаки говорят более мягко «кәзір», если дулаты произносят жестко «рақмет» (спасибо), то кипчаки мягко – «раһмәт». Поскольку в те времена дулаты и кипчаки жили на Алтае вместе, то одно слово произносилось и так, и эдак. На языке Майкы-бия название племени звучало как «тұрық-ұт» и означало «возрожденное неподчиненное племя». В истории оно известно как «тюркут». Алшин создал в племени железное единство и дисциплину. Поэтому, в память о величайшем образце дисциплины своих предков, личная охрана Чингисхана называлась «тұрық-ұт» (тургаут). Автономия племени в то время ассоциировалась со словом «ұт», которое в современном понимании можно перевести как «автономная область», «автономный край». В древне-тюркском эле было множество «утов», которые в политико-экономическом отношении были независимы. О древнем значении этого понятия уже говори-

лось. До Чингисхана суверенитет племени («ұт») признавался лишь в том случае, если ханом выбирался представитель династии Ашина («Алшын»). От названия первых тюрков произошло и популярное среди тюркских народов имя Тургут. Часть тургаутов позже составила основу ойратов, поэтому Чингисхан доверял им охрану самых священных мест, таких, как гора Бурхан-халдун. Потом, с принятием буддизма и женитьбой на тунгусо-манчжурских женщинах, ойраты утратили свой изначально тюркский язык, тюркские обычаи и традиции...

Существует также множество других, отличных от вышеизложенной, версий. Из них наиболее заслуживающей внимания представляется версия, производящая эпоним «Түрік» (Тюрк) от корневого «тұр», точнее, «тұран». Думается, не случайно тюрки-караханиды именовали себя «Домом Афрасиаба», потомками Турана...

Младший сын Алшина вошел в историю с прозваниями «Елхан», «Бумын-каган», «Думын-каган» и «Ер-Тұрык». Первое прозвание он получил после того, как создал союз племен с названием «Түрік-ел» («Тюркский эль») и был выбран первым тюркским ханом. В этот союз вошли племена «най-дулы-ыс», «нұлы» (которое Майкы-бий называл «арғы-үйсін») и «жан-төле-іс» (которое Жазы-бий называл «ұста-қыпшақ»). Позже Бумын разбил жаужанцев и был выбран на курултае первым тюркским каганом. С этого момента он объявил: «Бумын-Думын». Это означало, что в качестве кагана он берет всю власть в свои руки и является верховным судьей («бу») и творцом («ду») нового языка, нового учения о праве и морали, нового устава, в соответствии с которым отныне должны будут жить все кочевники. Бумын был единовластным правителем в Тюркском каганате почти 20 лет. Чингисхан называл его «Ер-тұрык», т.е. «тюркский герой». Именно с момента избрания Бумына каганом начинается эра великих тюрков, которую Майкы-бий называл «Ер-түрік кезі». Эта эра длилась в истории тюрко-монгольских племен пятьдесят пять «мушелей» (шестьсот шестьдесят лет), до момента избрания каганом Чингисхана. Главным характерным

признаком той эпохи Майкы-бий считал подчинение жизни кочевников устному уставу «Ер-түрік Билігі» (учение о праве и морали Бумын-кагана). В соответствии с уставом Бумын-кагана все племена кочевников обязаны были приглашать и выбирать удельными ханами прямых потомков самого кагана или его родных братьев. Именами либо прозваниями («лакаб») приглашенных потомков «отца тюрков Алшина» должны были называться все племена, решившие получить признание со стороны государства и тюркского общества в целом. Прежние самоназвания племен отменялись. Племена и личности могли называть себя тюрками при условии признания своим правителем одного из прямых потомков Ар-шоны по прозвищу «Тұрық-ата» (предок тюрков). Так формировалась единая политическая нация древних тюрков. В течение пятидесяти лет с момента своего основания Тюркский каганат, который назывался в сказаниях биев «Ұлы Тұрық дәрежелі елі» (великая Тюркская держава), существовал в качестве единой монолитной сверхдержавы. Эта держава, как и ранее, именовалась одним словом – «Құт» (божественное благо). Слово «құт», напомним, издревле также означало «скиф», по китайски – племя «юэчжи». Получался, тем самым, намек на историческую преемственность политической власти с древнейших времен, что было очень важно для психологии кочевников. Затем она раскололась на две части: «сол-құт» («южное благо») и «оң-құт» (онгут, «северное благо»), что современные историки обозначают как Западный каганат и Восточный каганат. Этот раскол, по мнению Майкы-бия, был закономерным. «Ер-Түрік», будучи великим военным организатором, в то же время не проявил себя столь же гениальным политиком. Он практически отменил суд биев, заявив о себе «Бумын», то есть «Я — единственный Верховный арбитр» или, иносказательно, «Я — судья над всеми судьями»...

Первопредком семи тюркских народов «жеті алаш» считается «Таңхан». Он был вторым сыном Истеми-хана, брата Бумына. По казахски имя звучит «Естемір» и переводится как «железная логика». Сыном Тан-хана был «Мәңгі» (Вечный). Он правил Прикаспийским уделом.

«Мэнгі» не входил ни в число наследных принцев, называемых «тегинами», ни в число крупных военачальников, а целиком посвятил свою деятельность обустройству удела, которым он правил. По всей вероятности, он преуспел в этом деле. Не случайно он получил прозвание «Мэнгі-ғыс», что в переводе означает «вечный воистину». Окончание «ғыс» у древних тюрков обозначало истинность, оправданность того определения, которое давалось конкретной личности, ту же функцию играет сейчас в казахском языке приставка «қас». В честь Мангысхана названы горы Мангыстау на полуострове Мангышлак. «Мэнгі» по достоинству оценивал ремесленников и построил для них городок на полуострове, который входил в его удел. В честь этого события полуостров и получил название Мангышлак – «тысяча кишлаков». В возрасте 50 лет «Мэнгі» был прозван Алаш-баем. По сказаниям Байдибек-бия, Алаш стал баем в благословенные времена («құт заман») Алаша-хана, когда тюрки и их подданные владели несметным количеством скота. Слово «алаша» переводится как «страдающий от проказы». Другое имя Алаша-хана было «Қара Жаурын Тұрық», что означает «тюрк, у которого лопатки почернели от болезни». «Мэнгі-Алаш» приходился племянником Алаша-хану, поскольку его отец, Тан-хан, был родным младшим братом Алаша-хана. По традиции того времени союз племен, которым руководил «Мэнгі Алаш», назывался «мэнгі-ел», что можно перевести и как «народ, возглавляемый ханом Мэнгі», и как «вечный народ». Алаш в своем эле различал три категории населения: «мэнгі ку» – это «вечные лебеди» (гунны, подчиненные хану «Мэнгі»), т.е. кочевники-скотоводы, «мэнгі-қол» – «вечные воины» и «іс елі» – «мастеровой люд, ремесленники». Старшего его сына звали «Қадыр» (Уважаемый). Он стал ханом одновременно двух элей: «мэнгі ку» и «мэнгі қол». Получил прозвание «Жэй ел хан», т.е. «Хан престонародья». В народных преданиях это прозвание звучит как Жейильхан. Второго сына Алаша звали «Қалша» (носитель большого родимого пятна). Такое имя было дано не случайно. Кочевники издревле придавали большое значение пятнам, обнаруженным на теле ребенка. Считалось, что родимое пятно – это метка судьбы и необходимо отразить «знак судьбы» в имени ребенка словами «қал» (большая метка) или «мен» (маленькая метка). «Қалша» стал ханом

племени «іс елі» (мастерового люда) и получил прозвание «Іс ел хан». В народных преданиях это прозвание звучит как Сейиль-хан. Из 16 сыновей Сейиль-хана удельными князьями стали двое: «Жүк» (Выносливый) и «Түрік-мең» (Тюрк с маленьким родимым пятном). По казахским народным преданиям, «Сейиль-Жүк» считается родоначальником турков-сельджуков (современных турков), а «Түрік-мең» – родоначальником современных туркменов. Испокон веков у евразийских кочевников ярко выраженный цвет волос, лица, кожи также воспринимался как знак-метка судьбы и отражался в имени или прозвании. Однако ряд историков обоснованно считает происхождение названия «туркмен» иным. Действительно, в ряде казахских диалектов вместо «түрікмен» говорят «түрікпен», так что, скорее всего, рассказ про родинку «мең» – из разряда народных этимологий...

Удел Жейильхана унаследовал его сын по прозванию «Майқы би-сыбиян». Древнетюркское «сыбиян» означает то же, что современное казахское «зымиян» – ехидство, а также расчетливость. Этот Майқы-бий считается одиннадцатым по счету языкотворцем, которого прозвали Майқы. Чингизхановский ноян Майқы-бий считается Майқы двенадцатым...

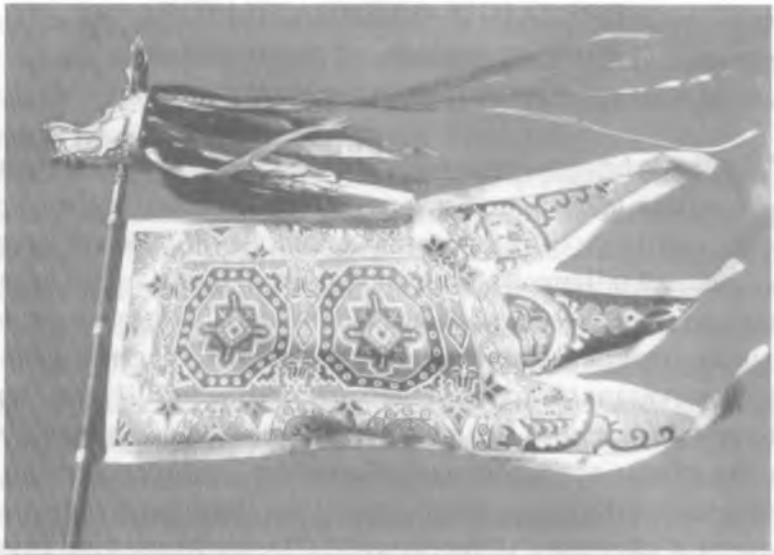
Сыновьями Майқыби-Сыбияна были: «Өзібек» (Сам себе господин), «Үйғыр» (Соборный), «Аяр-Қалпы-ақ» (Милосердный, ведущий праведный образ жизни). В честь старшего сына Майқыби-Сыбияна потомок Джучи-хана Тогрул назвал своего сына Узбеком. Среди сыновей Аяр-Калпака ханами стали: «Қазак», «Қырғыс», «Созак». Сыном Созака был «Қара Қалпы-ақ» (Смутный ведущий праведный образ жизни). Поскольку его племя носило черные махлаи, то их по созвучию соседи именовали «қара-қалпақ», а в русских летописях – «черные клобуки»...

Тюркские ханы разделились на воинственных и мирных. Воинственные расширяли границы империи, а мирные обустроивали свои уделы, добиваясь их процветания. Воинственные ханы придерживались символического образа «боз-бөрі» (серые материные вожаки волчьей стаи), а мирные ханы, напротив, придерживались символических образов вожаков стаи мирных перелетных птиц: «қу» – лебедей или «қаз» – гусей. Воинственные («бөрі» или

«шона») ханы брали на себя двуединую функцию: наносили упреждающие удары по потенциальным противникам, угрожающим целостности каганата, и, одновременно, контролировали Великий шелковый путь. Охрана Шелкового пути не только приносила прямые доходы в казну, но и предотвращала возможность резкого повышения цен на товары из-за потерь, которые несли купцы в случаях разбойничьих нападений или взимания высоких пошлин алчными правителями городов, расположенных на караванных путях. В результате в уделах мирных ханов происходил достаточно справедливый обмен товаров местного производства на товары городского производства, и не было обид на грабительские цены ни со стороны местного населения, ни со стороны местных купцов. Это обстоятельство облегчало мирным ханам-хозяйственникам решать задачи повышения благосостояния населения их уделов. Разумеется, не всем это удавалось. Но первопредкам турков, туркменов, узбеков, уйгуров, казахов, кыргызов и каракалпаков безусловно удалось создать крупные и прочные союзы племен на основе длительного периода мирного процветания и имени этих тюркских ханов не случайно стали названиями этих семи национальностей...

В устных казахских преданиях говорилось, что в древности семерку братьев, носивших имена Сейильжук, Туркмен, Узбек, Уйгур, Казак, Кыргыз, Каракалпак, называли «жеті ақ құс», что в переводе означает «семеро белых (праведных) птиц». Поскольку у ряда тюркских племен понятие «белые птицы» звучало как «огуз», то в летописях племена «белых птиц» упоминаются как огузы. Огузы не только отличали себя от тюрков, но и противопоставляли им себя, отказавшись от воинственного образа «бөрі», (матерых вожаков волчьей стаи) и приняв мирный философский образ «ақ құс» (лебедей и гусей). Именно по этой причине, как говорят об этом казахские легенды, «шесть огузов» – туркмены, узбеки, уйгуры, казахи, кыргызы и каракалпаки – стали позже обособлять себя, как «алты алаш» (шесть потомков Алаш-бая), от турков-сельджуков с того момента, когда сельджуки возродили для себя воинственный образ «бөрі» и начали проводить политику военной экспансии...

Боевой штандарт кок-тюрков с волчьей головой. Голова волка в наверху знамени конструировалась так, что при скачке ветер создавал эффект волчьего воя. Центральный символ – восьмиконечный знак Тенгри «айқышты».

Боевой штандарт племен древних алтайцев-пратюрков: протонайманов «Най», протодулатов «Дулы», протоысты «Ыс» и древних кыпчаков «Ұста».

**ПРЕДАНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ:
о народах «казак», «түркеш алаш»,
«жалайыр» и «кыпшак»**

Конфедерации племен «мәңгі алаш», или «алты алаш», или «белых птиц», огузов, исторически имеют право отнести себя и древние казаки Белой, Синей, Червонной и Черной («коренной») Руси. Вначале они принадлежали к трехплеменному союзу «атаман». Самоназвание этого большого племени происходит от прозвания третьего западно-тюркского кагана, которого в детстве прозвали «Шулы», позже «Іні-көр» (обзаведись младшими братьями), а еще позже – Атаман. На самом деле, согласно Жазы-бию, его имя звучало как «Құттыман» («Құтпан», Счастливец), но «картавые соседи» переделали в «Атаман» (Старейшина). Племя Атаман не случайно прикочевало во владения первого огузского хана, которого прозвали «Қазак» и который в народных преданиях обозначен как Казак Первый, поскольку среди его потомков были и Казак Второй, и Казак Третий. Первого отличают прозвищем «Мәңгі-Алаш Қазак». Он находился в пятиюродном кровном родстве с правнуками Атамана (Кутымана) и, по древнетюркским традициям, обязан был опекать их как родных младших братьев. Казак Первый провозгласил незыблемую приверженность двум главным правам кочевника: «Өз еркін өзіне» («вольному воля») и «кетемін дегенге дау жок» («право на уход»). Именно безоглядное принятие этих принципов степной вольной жизни способствовало тому, что Казак Первый усыновил потомков кагана Атамана. С того момента все, кто именовал себя атамановцами, начали называть себя казаками. В качестве своих предводителей они в течение длительного времени выбирали только лишь прямых потомков кагана Атамана и называли их атаманами. Позже, в силу природных катаклизмов, сопровождавшимися большим падежом скота, огузы Прикаспийского региона вынуждены были откочевывать в разные концы света. Более половины из их общего числа откочевали в Прииртышье. Менее половины от-

кочевали на Запад. Что касается казаков-атаманцев, то в начале они основательно обосновались в местности, которую называли «Атаман». В русском языке эта местность получила название Тамань (Таманский полуостров).

Еще раньше узбеки откочевали к Сыр-Дарье, кыргызы – к Енисею, каракалпаки частично откочевали вместе с узбеками, частично – с туркменами, частично ушли на запад. Казаки прикочевали в Прииртышье и влились в состав эля (союза племен), который называл себя «қайыр» и в древних летописях прописан как «каи». По преданиям Жазы-бия, это самоназвание происходит от имени хана, которого звали «Қайыр». Это очень древнее понятие, которое у потомков легендарного Иня-Алтая означало «повелитель змей, приручитель ловчих птиц». Поскольку некоторые алтайские народы не выговаривали букву «р», то у них слово «қайыр» звучало как «кай». «Қайыр» был сыном основателя Западно-тюркского каганата («Сол құт») прозванного Абылайханом Вторым и носившего имя «Абырой» (Авторитет). В тюрко-монгольской истории он стал вторым каганом, получившим прозвание Абылай-хан. Первым такое прозвание получил его отец, Мукан-каган, правивший Великим тюркским каганатом. Абырой получил столь почитаемое прозвание после того, как по требованию старейшин пяти-племенного союза «дулы» и пяти-племенного союза «науша-би» решился на откочевку в центр западной части тюркской империи и создание там суверенного Западного каганата («Сол құт»), независимого от Восточного каганата («Оң құт»). Аброй объявил о самом себе: «Төремін», что означало: «Я – верховный арбитр в суверенном государстве». В качестве независимого государя первую свою ставку он обосновал в местности, которую до сих пор называют «Төре тамы» (глинобитный городище кагана Төре). Эта местность находится в современной Кызылординской области вблизи от космодрома Байконур...

Сын Абылая Кайыр-хан откочевал из Семиречья в Прииртышье с поддержавшими его племенами (одно племя с самоназванием «дулы-абыл» и другое племя с самоназванием «абыл-

наушаби» и там объявил, что не станет подчиняться ни одному кагану и его эль становится «дала еркині», т.е. «степной вольницей». Этот эль и назван «Қайыр». Для него прибытие Казака Первого оказалось благоприятствующим событием. Племя, называвшее себя «степная вольница», с энтузиазмом воспринимало принципы свободной кочевой жизни: «вольному воля» и «право на уход». Новый союз племен признал Казака своим верховным бием. Логичным было и то, что его прозвали «Арыс». Он возродил древнее учение Арыс-бия «Ар-ісі», что в смысловом переводе означает «аристократ духа». По этому учению, как уже говорилось выше, существует три разновидности аристократов духа. Первая называется «ақ-арыс», вторая – «жан-арыс», третья - «бек-арыс»...

Когда Казак Первый получил дополнительное прозвание Арыс, ханом эля «қайыр» был престарелый праправнук («немене») Кайыр-хана Первого по прозванию «Шакшак». Словосочетание «шақ-шақ» в образном переводе обозначало «коли-руби». Это был Шакшак Четвертый. Шакшак Третий жил в гуннское время и увел свой народ, как отмечалось выше, из монгольской степи в казахскую степь. Время его правления было тяжелым в том отношении, что часто сменявшие друг друга каганы, как восточные, так и западные, как правило, начинали свою деятельность с попыток подчинить себе «степную вольницу». Практически не проходило ни одного года без сражений за сохранение независимости и целостности племени. В жестоких сражениях погибли все восемь сыновей Шакшака и под старость лет он оказался без наследника. Поэтому он искренне обрадовался прикочевке Казака со своим элем. Перед самой смертью он собрал всех старшин эля «қайыр» и объявил, что усыновил Казака и наделил его всеми полномочиями своего наследника. Таким образом, «Қазак» стал ханом конфедерации из трех племен: «қайыр», «мәңгі ку» и «мәңгі қол». К счастью для Казака у него еще оставались в живых три малолетних сына. Старшие погибли в сражениях, отстаивая права племени на полную независимость и самоуправление внутри Западно-тюркского каганата.

Из оставшихся в живых был «Таң» (Рассвет), средний носил имя «Кең» (Великодушный), а имя младшего было «Алшын», в честь великого предка, поскольку отчий шанырак, а с ним власть и традиции наследовал младший. По исполнению 15 лет каждому из трех сыновей Казак выделял уделы для правления. Тан получил в управление племена «дулы-абыл» и «мәңгі ку». При этом отец завещал ему быть последовательным приверженцем учения «Ақ-ар-ісі». В связи с этим Тан-хан был прозван «Ақ арыс». Кен получил в управление эль «қайыр-наушаби» и прозвание «Жан арыс». Алшин был наделен правами хана эля «мәңгі қол». Он получил прозвание «Бек арыс». Таким образом, еще при жизни Казака Первого образовался под его руководством трехплеменной союз из элей: «акарыс», «жанарыс», «бекарыс». Эта конфедерация племен в народных преданиях получила название «Қаұым-ақ» (Справедливое общество). Жазы-бий подчеркивал, что это общество еще при жизни Казака Первого усилилось за счет прикочевки других племен. Так, например, в племя «акарыс» влилось племя «жаныс», родоначальником которого считается второй по счету западно-тюркский каган по прозвищу «Жаны-іс тегін» (наследный принц с прозвищем «Душой преданный делу»). Спустя 10-15 лет после его гибели потомки Жаныса Первого подверглись преследованию со стороны новых западно-тюркских каганов и поэтому эль, называемый себя «жаныс» откочевал из окрестностей гор Каратау к Прииртышью. Что касается племени «жанарыс», то оно усилилось за счет добровольного присоединения племени «үймек» (собирающее, цементирующее). А племя «бекарыс» усилилось за счет прикочевки потомков хана «Жетіру» (Заботящийся о росте численности и процветания), который в китайских летописях значит как «Шету». Так образовались три устойчивых независимых конфедерации племен, которые Байдибек-бий называл тремя жузами: «акарыс», «жанарыс», «бекарыс». Именно этот союз племен послужил основой для образования Тюркешского каганата. По преданиям Байдибека, за полвека до этого трехплеменная конфедерация «Акарыс» состояла из племен

«дулы-абыл», «мәңгі ку» и «жаныс». Эта конфедерация называлась также «Түрік-үш». Такое дополнительное наименование данного союза племен призвано было отразить тот факт, что конфедерация образовалась в результате свободного волеизъявления потомков трех великих тюркских ханов: Абылай-хана Второго, прозванного «Төремін» и «Абырой», Жаныс-тегина и Тана Первого. Обиходным было также название конфедерации «Түрік үш үйлі», т.е. «три тюркских дома». У Тана Второго, прозванного «Акарыс», было 12 сыновей. От первой жены, по преданию-шежире, родились «Сары-Үйсін», «Мерке», «Жалайыр», «Қаңлы», «Шанышқылы», «Сіргелі». От второй – «Шапырашты», «Ысты», «Ошақты». От третьей – «Дулат», «Албан», «Суан».

Сыновьям от первой жены Акарыс завещал совместное управление элем «мәңгі ку», от второй жены – руководство элем «дулы-абыл», а сыновьям от третьей жены – управление элем «жаныс». Так было соблюдено следующее требование устного устава первого кагана древних тюрков Бумына: управление каждым элем должно осуществляться семьей, члены которой непременно были бы связаны кровным родством по отцовской линии с самим Бумыном или его братьями.

После смерти Акарыса его старший сын, «Сары-Үйсін», был выбран ханом всего трехплеменного союза, получившего название «Түрік-үш» или «Үш елдік». Одновременно он был старшиной («ұт-аксақал») племени «мәңгі ку», а его младшие братья в лице Мерке, Жалайыра, Канглы, Шанышқылы и Сіргелі стали старшинами (ру-аксакалами) родовых общин, составлявших это племя, и получивших новые названия по именам этих удельных правителей.

Старшиной (ут-аксакалом) эля «дулы-абыл» был признан Шапырашты, а руководителями (ру-аксакалами) родовых общин, входивших в состав племен «дулы-абыл», были признаны Ысты и Ошақты. Сыновья Акарыса от третьей жены получили в управление эль «жаныс». Тайпа-аксакалом этого эля был признан Дулат, а ру-аксакалами был признаны Албан и Суан. Таким

образом, в точном соответствии с неписанным, но неуклонно соблюдавшимися уставом Бумын-кагана, на тюрко-монгольской исторической арене появились новые родоплеменные образования, но с древними, славными названиями: «сары-үйсін», «мерке», «жалайыр», «қаңлы», «сіргелі», «шанышқылы», «ысты», «шапырашты», «ошақты», «албан», «суан», «дулат». Именно эти племена, по преданиям Байдибека, составили костяк союза племен, который получил в истории название «Оң құт» (онгут). В 1206 году по решению Чингисхана этот союз племен составил скелет автономного ханства (государственного образования) под названием «Ақ орда» (Белая орда). Позже, в эпоху Тамерлана, чтобы восстановить историческую память и напомнить, что тюргеши были прямыми предками казахов Старшего жуза Байдибек-бий якобы дал имя «Сары үйсін» своему сыну от первой жены, присвоил имена Шапырашты, Ысты и Ошақты внукам по линии второй жены, а также назвал Албаном, Суаном и Дулатом внуков по линии третьей жены. В этом отношении он, согласно преданию, последовал примеру своего предка Уйсуну Тобе-бия, младший сын которого Мухали («Мүкрейіл») получил прозвание «Жалайыр», а его первый внук и первый правнук были якобы названы «Қаңлы» и «Шанышқылы». Первый праправнук Уйсуну Тобе-бия получил имя «Сіргелі». Однако, это – легендарная версия традиционного шежира Старшего жуза, тогда как на самом же деле, скорее всего, было наоборот: потомки Уйсуну Тобе-бия, возглавившие племена с древними названиями, вошли в историю под названиями этих племен. О традиции племенных вождей отрекаться от личных имен во имя возглавляемых ими общин уже говорилось выше. Пример этнического уйсуну Мухали, возглавившего по приказу Чингисхана племя жалайров и ставшего Мухали-жалайром – яркое тому подтверждение. К тому же, еще до Чингисхана среди тех, кого называли «онгутами», были представители таких племен, как дулат, жалайыр, жаныс, шапырашты, ысты, канглы, суан. Как бы то ни было, но потомки Байдибек-бия, соратника Тамерлана и строителя мавзолея Ходжи Ахмеда Яссауи в Туркестане,

успешно руководили племенами Старшего жуза – прямыми потомками тюргешей. Причем, настолько успешно, что почитаются как родоначальники этих семи племен...

Но не только союз племен «акарыс» вошел в состав Тюргешского каганата. Своего могущества он достиг после того, как в Южный Казахстан перекочевали из Прииртышья главные племена конфедерации «жанарыс» и «бекарыс». Именно после того, как вожди этих племен обосновались в горах Каратау, Тюргешский каганат получил в народной среде название «Түркеш-Алаш». В памяти казахского народа «Сары-үйсін», правивший Тюргешским каганатом под именем «Үш үйлік», остался прежде всего как великий композитор. Народ до сих пор с наслаждением слушает философский «күй Тюркеша», исполняемый домбристами-виртуозами на протяжении вот уже более тринадцати веков. Вместе с тем в устной народной памяти «Сары-Үйсін Акарыс-ұлы» сохранился под прозваниями «Түркеш-Алаш» и «Екінші Алаш» (Алаш второй). В отличие от Алаша Первого по имени «Мәңгі Алаш», которого называли еще «Бай Алаш», Алаша Второго называли «Алаш-хан», а также «Қазақ Алаш». Алаш Второй считается «казахским Алаш-ханом первым». Алаш-ханом Третьим и первым общеказахским ханом казахи считают Джучи-хана. Алаш-ханом Третьим наши предки именовали хана Ахмета Ногайского...

Туркеш-Алаш обустроивал отвоеванную территорию предков подвластных ему племен «дулы-абыл» и «жананыс», не забывая при этом, что исконной своей малой родиной эти племена считали горы Каратау. После обустройства новой территории он пригласил с Прииртышья родственные конфедерации племен «жанарыс» и «бекарыс». В течение года эти союзы племен или, говоря словами Байдибек-бия, Средний и Младший жузы собрались вокруг Старшего жуза на территории Семиречья («Жетісу»). С этого времени в устных народных преданиях говорится о новом ханстве «Алаш хандығы». Именно с этого момента казахи называют себя «Алаш елі», т.е. «народ Алаш». Во второй половине 15 века, когда решался вопрос о создании Казах-

ского ханства, Акжол-бий от имени Среднего жуза и Алшин-бий от Младшего жуза единодушно поддержали предложение сына Байдибека, Сары-уйсуна Второго (в отличие от Сары-уйсуна Первого (Туркеша) его звали «Қараша Сары-үйсін»), состоявшее в том, что, следуя древним традициям, было бы верным называть Казахское ханство одновременно и «Қазақ елі» и «Алаш орда». Это решение было призвано закрепить в памяти народа тот исторический факт, что единая казахская нация, состоявшая из трех жузов сформировалась еще задолго до Чингисхана, а именно при Казаке Первом в середине 7 века, и уже в начале 8 века была создано первое казахское государство, называемое в народе «Алаш хандығы», а в исторических книгах «Тюргешский каганат». Тюргешши называли свое государство «Түркеш-Алаш-Шора ұлысы», т.е. «Тюркеш-Алаш государство Шоры». Шора – это третий тюркский каган «Шабыс-шора». В устных народных преданиях Шабыс-шора упоминается как Шапырашты Первый, или «Ақарыс Шапырашты». В отличие от него Шапырашты Второй упоминается как «Бәйдібек Шапырашты» или «Үйсін Шапырашты». Что касается Шапырашты Первого, то у него было еще прозвание «Іс-ұлығы» (выдающийся мастер, искусный ремесленник), или просто «Сұлық».

Второй составной частью Тюргешского каганата была конфедерация племен под названием «Жанарыс». Племена, входившие в состав этой конфедерации, имели самоназвания, совпадавшие с сыновьями хана носившего имя «Кең» и прозвание «Жан арыс». После смерти он был похоронен на горе, которая после его захоронения получила название «Кең тауы» (Кентау). У Жанарыса было 30 сыновей, что в те времена было явлением типичным для старшин племен и родовых общин. Обычным считалось и то, что из 30 сыновей Жанарыса выжили только шесть. Остальные погибли в сражениях или скончались от болезней. Старшим из выживших был «Кеңес» (Способный выслушивать и давать дельные советы). Ему Жанарыс доверил управление двух-племенным союзом: старшее племя называлось «кең», младшее – «кеңес», а сам союз назывался «кең-кеңес». Этот

союз племен вошел позже в состав Монгольского улуса большое племя «кенигес», управляемое Кубан-бием. Племя «кең-кеңес» Жанарыс завещал заниматься традиционными видами хозяйства: коневодством, верблюдоводством, овцеводством, рыболовством, охотой, сеянием и взращиванием проса.

Что касается второго большого племени, то Жанарыс называл его «кыпшак». Это племя, целиком отвечавшее за создание оружия, доспехов, утвари и инструментов, начиная от процесса добычи металла из руды, Жанарыс разделил на 5 частей для 5 своих сыновей, каждому из которых дал прозвание, соответствующее его специализации. Одного назвал «Дәү-істі-Қыпшак» (Кипчак главного дела). Руководимое им под-племя должно было отвечать за получение металла из руды и нужные качественные его характеристики. Другому сыну Жанарыс дал прозвание «Сыр Қыпшак» (Кыпчак, хранитель секретов технологии). Третьего назвал «Ұста Қыпшак» (Кыпчак, мастер изготовления). Четвертый сын по прозванию «Көк Қыпшак» (Небесный Кыпчак) отвечал за то, чтобы наряду с изготовлением качественного оружия создавались высококачественные музыкальные инструменты, разного рода украшения для юрт, повозки, седла, ювелирные изделия. Пятого сына Жанарыс назвал «Қоңыр Қыпшак» (Кыпчак дипломат) и поручил ему находить, заинтересовывать и приглашать для навечного вхождения в состав племени мастеровых людей из соседних племен и родовых общин...

Кочевники в Прииртышье несколько лет подряд страдали от бескормицы и падежа скота зимой, и недостатка травы на пастбищах летом. Зимой свирепствовал джунт, а летом люди и скот страдали от палящего зноя и отсутствия дождей. Вследствие природных катаклизмов такого рода более половины союза племен «Жанарыс» были вынуждены откочевать из родных мест. Первым откочевало племя «сыр-кыпшак». Оно прикочевало на территория современной Монголии и влилось в состав Восточно-тюркского каганата. Племя «көк-кыпшак» откочевало в Приаралье. А племена «кең-кеңес» и «қоңыр-кыпшак» откочевали в Семиречье и влились в состав Тюркешского каганата.

Именно этот союз двух племен тюргеши называли «жанарыс-ұт». Что касается племен «дәу-істі кыпшак» и «ұста кыпшак», то они остались в Прииртышье и известны как собственно кыпчаки, поскольку сохранили свое наименование. В Семиречье из Прииртышья прикочевало и влилось в состав Тюргешского каганата также большое племя «жетіру» из состава конфедерации «Бекарыс». Тюргеши называли это племя «бекарыс». Но на самом деле оно составляло только лишь треть конфедерации «бекарыс». Два племени из этой конфедерации откочевали в Приуралье под общим названием «ақ-құс» (огузы). Одно из них называло себя «мәңгіку-мәңгіқол» («вечные лебеди – вечные воины»), а другое – «қазақ». Тюргешский каган Сары-уйсун Первый, имевший прозвания «Алаш-түркеш» и «Үш-елдік», принадлежал к большому племени, которое называлось «сары-түркеш» (богатые тюркешы). Внутри этого племени самым богатым, многочисленным и поэтому влиятельным было под-племя, которым руководил Мерке по прозвищу «Мүкрейіл» (Превосходный). В честь него названа местность Мерке на территории современной Жамбылской области. После смерти Сары-Уйсина Первого Мерке возглавил все племя «сары-түркеш» и с тех пор это племя называло себя «Мүкрейіл». У хана Мерке был младший брат «Сақал», возглавлявший древнее и мощное племя Жалайыр. Такое прозвание Жалайыр-бий получил по той причине, что у него рано появилась необычная пышная рыжая борода. С тех пор длительное время племя жалайыр имело еще второе самоназвание «сақал». Оно входило в состав племени «мүкрейіл». В целом племя «мүкрейіл» или «сары-түркеш» состояло из следующих под-племен: «жалайыр» (или «сақал»), «қаңлы», «шанышқылы» и «сіргелі». Это племя считалось старшим в конфедерации «акарыс», входившей в состав Тюргешского каганата в качестве «старшего союза племен». Младшим считалось племя, состоявшее из родов «шапырашты», «ысты», «ошақты», «дулат», «албан», «суан». Оно называлось «қара-түркеш» (племя рядовых тюргешей не принадлежавших к богатой знати). Некоторое время это племя возглавлял Албан-бий,

получивший прозвание «Айбар» (Воинственный) и по этой причине племя «кара-түркеш» называли одно время «айбар», а в исторических письменных памятниках оно упоминается как «абар». Как уже говорилось, тюргешским каганом был Шапырашты с прозваниями «Шабыс-шора» и «Сұлық». Он был выходцем из племени «кара-түркеш», при нем богатство и власть были разделены. Богатство принадлежало сары-тюркешам, а власть – кара-тюркешам. В каганате воцарились единство, взаимопонимание и взаимоподдержка. Шапырашты проявил мудрость не только во внутренней, но и во внешней политике. Именно на период его правления приходится наивысший расцвет Тюргешского каганата или, говоря словами Байдибек-бия, ханства «Алаш-Түркеш». Шапырашты разбил паралич. Воспользовавшись этим, его убил старшина жалайырского рода «шуманак» по имени «Бағар-тархан», который возглавил после этого племя «сары-түркеш». С этого момента началась непримиримая вражда между сары-тюргешами и кара-тюргешами. Последние стали называть первых «Сары-ит», т.е. «желтые псы». А тех сары-тюргешей, которые откочевали в Среднюю Азию и ассимилировались в среде согдийцев, кара-тюргеша стали называть «сарт». Основная масса сары-тюргешей откочевала на запад, на территорию современной России с самоназванием «Сары-кыпшак» и боевым ураном «Болу-іс». Возглавлял их во время этой откочевки легендарный предводитель «Сары ата». Похоронен он на горе «Сары-ата тау» в честь которой называется Саратовская область. Потомки сары-кыпчаков, именующие себя «сары-ата», по сей день живут в Саратовской области России. Они не вошли в общеказахское шежире, хотя сами себя относят к казахам. Другие же казахи обзывают их сартами, то ли в память о древнем разладе, то ли по созвучию слов «сары ата» и «сарт»...

Внутренние раздоры в Тюргешском каганате настолько ослабили его, что он подвергся нападениям с разных сторон и в итоге тюргеша стеснились на центральной части современной Жамбылской области. Но и оттуда были вынуждены откочевать на территорию со-

временной Монголии в связи с природными катаклизмами, которые продолжались в течение целого «мушеля» (12 лет). Каждое лето в этот период остро ощущалась нехватка травы на летних пастбищах из-за отсутствия дождей и палящего зноя. А в условиях недостатка травы кочевники, как известно, не могли содержать скот, который был их главным, а нередко и единственным кормильцем. Но если летом удавалось сохранить хоть какое-то количество скота, то каждая зима в этот период сопровождалась крупным падежом скота из-за джута, т.е. вследствие покрытия земли толстой коркой льда, не позволявшей коням, ни тем более овцам пробиться до подножного корма на зимних пастбищах. Об этом горестном периоде говорится в печальной народной песне «Елім-ай» («Народное горе»): «С вершин гор Каратау спускается кочевье. На каждой остановке обнаруживается, что опустела одна верблюжья повозка. Приходится хоронить несколько сородичей. Трагично лишаться близких. Из глаз ручьями льются слезы. Что за времена настали? Летом мучает зной нестерпимый, глаза застилают пыль и песок. Зимой из-за джута лишаемся коней и бредем пешком, усталые и продрогшие до костей. О, что за лихие времена? Вернется ли когда-нибудь былое?»

С тех пор эта песня стала своего рода символом-гимном «шұбырынды» – беженцев, покинувших насиженные места вследствие набегов, джутов и других катастроф. Веками позже эту же песню казахи пели в лихую годину опустошительного нашествия джунгар «актабан шұбырынды» (переводится как «беглецы с побелевшими от скитаний пятками») и в страшные годы сталинского геноцида...

В первые два года этого печального периода в истории народа «түркеш-алаш» в Приаралье откочевал союз племен «бекарыс», а в Прииртышье – союз племен «жанарыс». Что касается союза племен «акарыс», то он, дожидаясь лучших времен, продержался в окрестностях гор Каратау, но прежние благодатные времена так и не вернулись и, потеряв всякую надежду на просвет, тюргеши откочевали на территорию Уйгурского каганата, т.е. территорию современной Монголии. До момента избрания Чигисхана каганом бывшие кара-тюргеши представлял основную массу союза племен с самоназванием «Оң күт» (онгут – *прим. ред.*).

Анатолия, племя огузов-сельджуков, XIX век

Казахстан, племя дулатов, XXI век

ПРЕДАНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ:

о «степной вольнице» и племенах «керей», «уак»,
«найман», «ойрат», «конрат»

Выше говорилось о союзе племен с самоназванием «дала еркині», что в переводе означает «степная вольница»: этот союз состоял из двух конфедераций «дулы-абыл» и «науша би», включавших в себя десять племен. Соседи их называли «он оқ елі» («народ десяти стрел», либо «десять праведных племен»), а также «он аққус» (десять лебедей, десять огузов). Самоназвание «степная вольница» подчеркивало, что новообразованный союз племен отказывается починяться верховной власти, как в лице восточного кагана, так и в лице западного верховного хана. Эта конфедерация племен считала себя самоопределившейся и независимой после того, как избрала ханом Кайыра, сына Абылайхана Второго, и откочевала из Семиречья в Прииртышье. После того, как Кайырхан проявил себя достойным правителем нового сообщества («ұт»), этот союз племен стал называть себя «қайыр». Позже этот союз под названием «көк қыпшақ» (небесные кыпчаки) откочевал в Приаралье. Но уже через четверть века («екі мүшел») «небесные кыпчаки» оказались на территории Восточной Монголии, совершив героический переход через местность «Теніз» (Тенгиз). В Казахстане есть несколько мест с таким названием. В народных преданиях говорится, что при этом легендарном переходе «жар земли проникал через подошвы сапог, а солончаковая пыль застилала глаза, проникала в ноздри и уши». Руководил союзом племен хан «Қөк-бөрі» (Небесный матерый вожак) – прямой потомок Кайырхана и Абылайхана Второго по имени Абырой. В версии Султана Имбергенова он значится как «Бөрі Тегі-шың», сын хана «Бөрі». На территории Восточной Монголии племена «көк-кыпшақ», «сыр-кыпшақ» и «көк-түрік» образовали под руководством хана «Қөк бөрі» обновленный союз «дала еркині». Это название подчеркивало, что данная конфедерация не подчиняется Уйгурскому каганату, хотя территориаль-

но подпадает под его влияние. Союз племен «дала еркіні» сохранял прочность вплоть до падения Уйгурского каганата, после чего часть примкнула к кыргызам, а часть осталась казаковать в монгольской степи. Нет никаких сомнений, что упоминаемые в исторических летописях «дарлекины» и есть степная вольница «дала еркіні». Позже этот союз распался на отдельные племена, хотя формально название конфедерации «степная вольница» сохранялась вплоть до избрания Чингисхана каганом. К этому моменту в составе конфедерации «дала еркіні» существовали племена: керей, уак, найман, конырат и ойрат. Самоназвания этих племен генеалогическое предание непосредственно связывает с именами сыновей тюркского хана «Қөк-бөрі». Первую жену хана звали «Ақмарал» (Белая олениха). Она родила двух сыновей – Керей и Уака. В детстве Керей отличался тем, что предпочитал спать на спине, широко раскинув руки и ноги. Ему требовалась просторная постель. Поэтому его и прозвали «Керей», что означало «требующий простора». Что касается Уака, то он родился семимесячным и потому поначалу был малорослым. Поскольку древние тюрки считали любой отличительный признак новорожденного знаком судьбы, требующим отражения в его имени, то мальчика назвали «Уак». Вторая жена хана «Қөк бөрі» по имени Айман (Луноподобная) родила ему сына, которого он назвал «Іні Айман», что означало «младший брат двух старших братьев, рожденный Айман». Якобы отсюда происходит имя Найман. Однако Жазы-бий уточнял, что это народная легенда, а народное имя «найман» восходит к древнему племени «най» из племенного союза («ұт») «най-дулы-іс». Султан Имбергенов вообще относил имя «Найман» к древнеарийскому «Нариман». Следует заметить, что мужское имя Нариман по сей день популярно среди казахов.

Третья жена хана по имени «Рат» (женская легкая повозка-двуколка, символ высокого положения и достатка), родила ему близнецов-двойняшек, одного из которого назвала «Ойрат», а другого «Қоңырат». Ойрат родился раньше Конграта. Двойняшки родились еще до того, как хан «Қөкбөрі» официально

женился на Рат. Существует широко распространенная народная легенда об этом: как-то возвращаясь с охоты, «Қөкбөрі» настолько припозднился, что решил остановиться на ночлег в первом попавшемся на пути ауле. Пристанищем ему послужил аул богатого старца по имени «Арғынтай». Восьмидесятилетнего старца дома не было. Он гостил у онгутов. В ауле хозяйничала его восемнадцатилетняя жена по имени Рат. Она радушно приняла гостей. После ужина «Қөкбөрі» засобирался к отъезду. По обычаям того времени не следовало останавливаться на ночевку в доме, хозяин которого отсутствовал. Но Рат настояла на том, чтобы гость остался. У нее появилась задумка – «ой». Она решила, во чтобы то ни стало, воспользоваться счастливым случаем, чтобы родить сына от прямого потомка западного кагана Абылая, заявившего: «Мен – төремін», т.е. «Я – Верховный арбитр». Уже во времена «Қөкбөрі» потомков Абылай-хана второго называли «төре». Рат решила, что поскольку ей не суждено родить ребенка от престарелого мужа, то лучше она родит его от прямого потомка первого Западного кагана, чем от одного из младших братьев супруга, чего требовала древняя кочевая традиция «эменгер». Именно вопреки обычаям она использовала весь неординарный свой дар красноречия, чтобы оставить гостя ночевать в ауле. Каждое свое убедительное предложение она заканчивала словом: «Қоң!», т.е. «останься ночевать!». «Қөкбөрі» сопротивлялся ее предложению ровно столько, сколько требовало приличие. Потом «сдался» и согласился провести ночь в отдельной юрте. Поздно ночью Рат пришла к нему и осталась с ним до зари. Прошло 9 месяцев и Рат родила двойняшек. Поскольку они родились вследствие ее задумки – «ой» – то старшего она назвала «Ойрат» (Задумка Рат). А младшего она назвала «Қоңрат» поскольку ей удалось уговорить «Қөкбөрі» на ночевку, добрый десяток раз повторив древнетюркское слово «қоң». После смерти престарелого Арғынбая «Қөкбөрі» женился на Рат, что ему обошлось весьма дорого, поскольку пришлось одаривать большим количеством скота как младших братьев Арғынбая, так и его сыновей от старших жен. По обычаям

того времени Рат не имела права выходить замуж за кого бы то ни было без их согласия. Конечно, это легенда, но в ней зашифрован глубокий исторический смысл, поскольку каждый образ здесь метафоричен. Разумеется, нельзя этимологизировать названия Ойрат и Конграт от «ой» и «қоң», но такие детали, как выход из материнского лона первым Ойрата – очень важный показатель в иерархии степных племен. Не случаен и образ Аргынбая, но он требует отдельной расшифровки. Нынешние соседи коныратов в Южно-Казахстанской области – дулаты – подсмеиваясь над соседями шуточно этимологизируют этноним «қоңырат» как «қоңыр ат» (сивый мерин), дескать это племя разводило лошадей подобной окраски. Однако на наш взгляд племенное название «қоңырат», скорее всего происходит от «қоңыр-ұт», от древнекыпчакского рода кунгуров...

Следует отметить, что именно это генеалогическое предание послужило Толе-бию, когда он урезонивал джунгарского правителя Галдана Церена, ограбившего кочевья конгратов в пределах Туркестана. Толе-бий задал грозному ойрату всего один вопрос: «Ойрат пен Қоңрат егіз емес пе?», что в образно-символическом языке означало «разве Ойрат и Конграт не близнецы-братья, разве, ограбив младшего братишку, ты не прогневил души общих предков-аруахов»? Галдан Церен, устыдившись, вернул весь угнанный скот и пленных...

Еще при жизни хана каждый из его четырех сыновей получил в управление свой «ұт-ел» (удел) и стал удельным ханом. В результате изменились прежние названия племен в составе конфедерации «дала еркіні» и появились новые самоназвания: «керей», «уақ», «ойрат», «қоңрат». В тюркскую эпоху любое племя, заявлявшее о своей независимости и самодостаточности, о своем имущественном и правовом равенстве с соседними племенами, выбирало своим ханом одного из представителей тюркской династии и, тем самым, автоматически становилось тюркским обществом, в котором все были равны к качеству сыновей или дочерей выбранного хана. Все тюркские племена убежденно считали, что они находятся в кровном родстве друг с другом, поскольку их ханы были пред-

ставителями одной династии Ашина («Алшын»), поскольку являлись прямыми потомками Бумын-кагана или его родных братьев. Показательным в этом отношении является пример взаимоотношений между племенами «қоңырат» и «ойрат» до каганства Чингисхана. Эти племена считались «братьями-близнецами», поскольку в свое время, как подчеркивалось выше, объявив себя «степной вольницей», они выбрали себе ханами двойняшек – сыновей тюркского кагана «Көкбөрі». Но если Конграта выбрало племя, называвшее себя прежде «көк қыпшақ» (небесными кипчаками), то Ойрата выбрало племя, которое было разнородным по своему составу. В него входили сяньбийское племя «тобы», древнегуннское племя «қоян», аргынское племя «шеген» и тибетское племя «қайын» («сватовское племя»). Поскольку Ойрат и его потомки были женаты на дочерях маньчжурских князей, то в состав ойратского племени со временем вошло «новое сватовское племя», которое конграты называли «шуршут». Легенда о шуршутах, потомках «қарашу-шуаш» приводилась выше. Позже джунгары, большинство которых происходили из ойратов, чувствовали себя глубоко оскорбленными, когда их называли «шуршутами» и соглашались с теми, кто называл их «қалмақ».

Во времена Чингисхана конграты и ойраты существенно различались в языковом отношении. Конграты говорили на кипчакском языке. У ойратов же был причудливый язык, состоящий из смеси древнегуннского, сяньбийского, тибетского и китайского языков. Чингисхан разделил ойратов и коныратов по принципу предназначения для державных задач. Ойраты составили основу «коренной орды» на исторической родине кагана. Для племени конграт Чингисхан предназначил роль «надежной гвардии», обеспечивавшей единство, порядок, дисциплину и неукоснительное выполнение приказов Верховного главнокомандующего на всех фронтах. Сегодня племена керей, уак, найман, аргын и конграт входят в состав казахского Среднего жуза, а ойрат-калмаки, известные в истории как «джунгары», после почти двухвековой войны

на два фронта – с казахами и китайцами – были в основном рассеяны либо ассимилированы и как самостоятельный этнос сохранились только в России...

Позже произошел раскол в племени «керей». Потомки Керей в четвертом поколении разделились на два клана: одни утверждали, что именно они обладают правом прямого наследования ханских привилегий и называли себя «керей-ұт» (керейт), поскольку «ұт» означало буквально «отдельный очаг», а в переносном смысле – право на автономию. Другие опровергали притязания первых и настаивали на своих наследственных правах, сохраняя прежнее самоназвание «керей». Керейты отделились от кереев и образовали самостоятельное племя. Сегодня керейты входят в состав казахского Младшего жуза «Ақ арыс», а керей – в состав Среднего жуза «Жан арыс». После случившегося раскола керей присоединились к уакам, а затем вместе с конгратами вошли в состав союза племен «үш бу», или «үш жүз бу», которым руководили уйсуну. Таким образом в составе казахской «степной вольницы» в монгольской степи остались найманы, керейты и ойраты.

К ним присоединилось племя с самоназванием «меркіт» («мерке-ұт»). Оно отделилось от большого племени «мерке-жалайыр», которое за полвека до этого отделилось от союза племен «оң құт». Причиной самоопределения племени «меркіт» были извечные притязания потомков тюркских ханов на первенство в наследственных правах на власть. Как говорилось выше, Мерке и Жалайыр были родными братьями, прямыми потомками тюркского Тан-хана, в Тюркешском каганате они руководили племенами с самоназваниями «мерке» и «жалайыр». Мерке погиб рано. В честь него названа местность на территории современной Жамбылской области. После его смерти племена мерке и жалайыр объединились под названием «мерке-жалайыр». После образования Уйгурского каганата племя «мерке» с самоназванием «мүкрейіл» (в древних летописях именуется «мукри») откочевало на территорию нового каганата и разместилось вблизи Великой

китайской стены. Лет через двадцать к этому племени прикочевали кара-тюркешы, в том числе которых были и кара-жалаиры. Вновь состоялось объединение племени «мерке-жалайыр». В течение 50 лет это племя было сплоченным, но потом начались раздоры, связанные с борьбой за главенствующее положение в обществе. Представители племени мерке апеллировали к историческому факту, что Мерке был страшим братом Жалайыра, а также постоянно напоминали о том, что племя «кара-жалайыр» прикочевало к племени «мерке» в состоянии ужасающей бедности и получило кров и опеку со стороны последнего. С другой стороны, бии племени кара-жалаир напоминали о том, что после смерти Мерке в начале сын Жалаира тюргешский каган «Сақал» плотно опекал меркинцев, благодаря чему отпрыски Мерке разбогатели. Жалаиры говорили, что долг платежом красен и не к лицу меркитам постоянно вспоминать о бедственном положении жалаириков 50 лет тому назад, забывая при этом о не менее бедственном положении самого племени мерке, которое оно испытало 100 лет назад и которое оно преодолело именно с помощью жалаириков. С их точки зрения, управлять обществом должны были наиболее способные его представители, а не обязательно меркиты. Часть представителей племени мерке согласилась с этим доводом, но большинство его членов, как говорится, «проголосовало ногами», откочевав в Прибайкалье и объявило себя «Мерке-үт», т.е. «истинными, автономными и самодостаточными потомками Мерке». Вместе с тем меркиты объявили, что являются «степной вольницей» («дала еркині»). При этом они не скрывали, что претендуют на главенствующее положение в союзе в союзе племен «дала еркині». Эта их претензия привела к тому, что на деле внутри «степной вольницы» прервались все союзнические отношения, и каждое племя принимало решения, исходя из собственных интересов, не считаясь с интересами другого племени. К моменту рождения Чингисхана союз племен «дала еркині» существовал только лишь формально, в качестве конгломерата независимых племен...

Казахские охотники-беркутчи, XIX век

ПРЕДАНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ:

племени «мэнгі ку» (вечные лебеди), «жалайыр», «бай алшын», «үйсын» и предки Чингисхана

По сведениям Султана Имбергенова, большое племя «мэнгі-ку» (вечные лебеди) находилось сперва в Прикаспийском регионе. Затем оно ушло в Прииртышье. Но уже в конце 7 века половина племени откочевала в Семиречье, где вошло в состав Тюркешского каганата, а другая половина откочевала в Приаралье в начале 8 века. Затем оно было вытеснено союзом гунно-кыпчакских племен с самоназванием «ку-мэнгі». Получается интересная картина: «ку-мэнгі» вытеснило «мэнгі-ку», брат потеснил брата. После вытеснения из Приаралья племя «мэнгі-ку», точно также, как племя «көк-кыпшак», а может, и вместе с ними, совершило в жаркий летний период немислимый переход сквозь пыльные бури через местность «Теңіз» (солончаковое дно высохшего моря) и через полгода прикочевало в Забайкалье. Руководил походом сын тюркского хана «Бөрі» по прозванию «Бөрі тегі шын» (истинный потомок «Бөрі»). Очевидно, что он и хан «Көк бөрі», упоминаемый в версии Жазы-бия – это одно лицо. Племя «мэнгі-ку» прикочевало в Забайкалье у своим родственникам, которые называли себя «Бөрі-ұт» и считались потомками Бурихана по линии его старшего сына. Сегодня они известны как буряты. Прозвание «Бөрі» в переводе означает «матерый вожак волчьей стаи»...

По казахским преданиям, тюркский хан «Бөрі тегі шын» является предком Чингисхана в двадцать втором колене. Если для рядовых степняков необходимо было знать «жеті ата», т.е. своих предков до седьмого колена включительно, то для родовой аристократии минимальным требованием было знать предков «трижды по семь», т.е. до двадцать первого колена включительно. Приводим родословную Чингисхана по генеалогическому преданию Майкы-бия. Нет оснований сомневаться в том, что в этой родословной приведены истинные имена прямых предков

Чингисхана. Сам каган назвал территорию, в которой проживали его предки, а ранее великие тюркские каганы «Қара шаңырақ орда», что в переводе означает «наследственная коренная орда». На этой территории Чингисхан оставил для постоянно-го проживания те племена-уты, которым он дал собирательное название «қалмақ» (остающиеся). Также следует подчеркнуть, что поскольку предками Чингисхана были тюркские ханы, то в их именах или прозваниях нет и тени намека на суеверный страх перед опасностью сглаза ребенка. Традиционно они считали, что недопустимо присваивать детям уничижительные имена. Действительно, по древнеарийским и туранским мировоззренческим понятиям считалось, что у «ер» (благородного мужа) есть два главных духовных богатства – эта вера в «тәңірі» (бога) и вера в «аруақ», т.е. духов великих предков, которые поддерживают личность в минуты тяжелых испытаний судьбы (каз. «аруақтар қолдайды»). При рождении ребенка следовало наградить его благородным именем. Необходимо было воспитывать ребенка с самого рождения по принципу «болар бала боғынаң» (будущее ребенка начинается с запачканных пеленок), т.е. в духе устремленности к тому, чтобы оправдать свое благородное имя или прозвище. При достижении трехлетнего возраста следовало подарить сыну жеребенка, который бы рос вместе с ним и стал его верным другом. Вместе с этим, необходимо было задуматься о нахождении ему к 16 годам «қатын» (жены благородного происхождения). Для этого необходимо было посвататься с благородной семьей, воспитывавшей дочь подходящего возраста и начать платить «қалым мал» (выкуп за невесту)...

«Иекей» – это природное имя тюркского хана племени «мәңгі-ку», имевшего прозвание-титул «Бөрі-тегі шын». Приведя это имя Чингисхан признал, что непосредственными предками его народа являются «вечные лебеди», т.е. гунны.

22 – «Бөрі тегі шын» (Потомок тюркского хана Бури)

21 – «Батыр Шеген» (Воевода «Крепче гвоздя»)

- 20 – «Тамаша» (Великолепный)
- 19 – «Қорашар мерген» (Охотник-снайпер, открывающий новые богатые дичью места)
- 18 – «Ауыз-шама Бөрілі»
(Родившийся перед ужином охотник на волков).
- 17 – «Салық асау» (Поддающийся гневу, временами необузданный).
- 16 – «Иекей-енді» (Широкоплечий как предок Иекей).
- 15 – «Сымсозар» (Научивший натягивать проволоку при облавной охоте).
- 14 – «Қаршы» (Родившийся во время снегопада).
- 13 – «Бөрі-жігіт ай-мерген» (Матерый джигит – отличный стрелок).
- 12 – «Төрегул-жан» (Имеющий дар к праведному судейству).
- 11 – «Табын-мерген» (Охотник-снайпер, названный в честь древнего Табына).
- 10 – «Бүтін Шора» по прозвищу «Мәңгі-кол»
(«Целостно-величественный по прозвищу «Вечное воинское братство»).
- 9 – «Қабыс-күйлік батыр» (Батыр «Надежная броня»).
- 8 – «Менмен тудың» (Родившийся с родинкой).
- 7 – «Қайыс-күйлік» (Изобретатель лучшего пояса и ремней для ношения оружия).
- 6 – «Қайыр-ду» (Языкотворец и приручатель ловчих птиц).
- 5 – «Бай Алшын – Қор дөкейі шын».
(Инициативный бай – воистину знаток накопления богатства).
- 4 – «Түбін айт шешен» (Мудрец-оратор, зрящий в корень).
- 3 – «Қабыл хан» (Признанный хан).
- 2 – «Бауыр-таңыр батыр» (Батыр, ценящий братство).
- 1 – «Есуғар батыр» (Батыр, руководствующийся рассудком).

Все родовые общины («ру» или «обык»), возглавляемые десятым предком Чингисхана по имени «Бүтін Шора», составили племя, которое на языке Майкы-бия именовалось «іні-руы», что в переводе означает «племя младшего брата». Жазы-бий, ссылаясь на Байдибек-бия, потомка Майкы-бия, разъяснял, что в понимании казахского народа «племя младшего брата» – это «кіші жүз» (младший жуз). Но во времена Есугар-батыра термин «кіші жүз» не употреблялся, а вместо него обиходным был термин «іні-руы», который в монгольских и китайских летописях прописан как «нирун». Прадеду Чингисхана, Кабыл-хану, удалось создать союз племен из «іні-руы» и «тайшы-ұт». «Тайшы-ұт» означает «древне-княжеское автономное племя», его родословная начиналась от Иекея с прозвищами-титулами «Көк-бөрі» и «Бөрі-тегі шын» и продолжалась по линиям старших братьев десятого чингисхановского предка «Бүтін-шора», предоставивших ему право на отделение и создание своей родовой общины «іні-руы». Вот что об этом говорится в учении Майкы-бия:

Двенадцатый потомок хана «Бөрі-тегі шын» по имени «Табын Мерген» женился на красавице «Алуан-Құба». Она была дочерью родового старшины по имени «Қорылер тай мерген», что в переводе означает «охотник-снайпер, накапливающий богатство». Этот старшина отделился вместе со своим родом («ру» или «обык»), включающим сородичей до восьмого колена по отцовской линии, от «кіші-ұт», т.е. под-племени с самоназванием «Қара тама-ұт» (племя кара-тама, коренных тама, сейчас племя «тама» входит в казахский Младший жуз и находятся в Западном Казахстане). Ранее это под-племя отделилось от большого племени кара-жалаир. Свою родовую общину «Қорылер-тай-мерген» назвал «Қорылер». Старшего брата Алуан-кубы звали «Қыят-бөрі мерген» (охотник-снайпер по имени «Волк, живущий на скалах»). По древней традиции, «нағашы» (родня по матери) особо опекают своих «жиен» (племянников), поэтому он проявлял большую заботу о детях младшей сестренки, и поэтому сыновей Алуан-кубы называли «Қыят-бөрі жиені» (племянники «Қыят-бөрі»).

От Табын-мергена Алуан-куба родила двух сыновей. После рождения второго сына Табын-мерген выехал на охоту и на первой же сопке встретил другого охотника, который только что освежевал тушу кунан-марала (оленя-трехлетки). По просьбе Табын-мергена он подарил ему всю тушу, оставив себе только внутренности и шкуру. Они побеседовали ровно столько, сколько требует приличие, после чего Табын разделал тушу, сложил мясо в «қоржын» (дорожную сумку), приторочил его к седлу, вскочил на коня и направил его в обратный путь. Спускаясь с сопки, увидел двух путников, шагавших в направлении к его аулу. Впереди шел мужчина средних лет, за ним устало плелся его сынишка. Догнать их на коне не стоило труда. Поравнявшись с ними, Табын по обычаю поздоровался, справился о самочувствии и задал вопрос об их родоплеменной принадлежности. Затем состоялся диалог, который красочно передан в древней казахской легенде про мергена (охотника-снайпера) и «сары-күшік» (желтого щенка). В беседе с путниками Табын-мерген установил, что прибыли они с далекого запада, с берегов великой реки «Еділ» (Волга), пристав к какому-то купеческому каравану. Родились в местности «Сары-ата тау» около горы («тау»), на которой был похоронен их великий предок Сары-ата, который в свое время создал союз племен «сары-қыпшак» на основе «утов» (родоплеменных образований), прежде называвших себя «сары-түркеш» (богатые тюргеши). В честь Сары-ата названа не только гора, но и «құрым» (городище) в котором и родились путники. Старшего из них звали «Маларалық баютай», т.е. «обогатится, получая скот в дар». Рассказывая об этом, носитель этого прозвания горько улыбнулся и продолжил: «Наши близкие родственники были уверены, что моя способность запоминать древние устные предания, легенды и песни, которая проявилась в раннем детском возрасте, поможет мне обогатиться за счет подарков, которыми бы одаривали благодарные слушатели. Но этого не случилось. Кроме устных благословений и пышных слов признательности, я ничего в дар не получал. Сородичи

бесплатно использовали мою страсть к древним преданиям и способность завораживать слушателей своими повествованиями. Они быстро сообразили, что я столько же нуждаюсь в слушателях, сколько они нуждаются в рассказчике, и что я не могу обходиться без них. Мои знания переполняли меня и внутри постоянно терзала нужда поделиться ими с сородичами. Последние быстро поняли это и решили, что поскольку я больше нуждаюсь в них, чем они во мне, то достаточно того, что они ежедневно приглашают меня в гости, кормят всем вкусным, что имеют, и при этом с интересом слушают меня. Я не обижался на сородичей, до тех пор, пока не осознал, что мой единственный сын унаследовал от меня вместе со знаниями и непреодолимую страсть к пересказу древних преданий. Осознав это, я стал опасаться, что, заразив сына этой страстью, я невольно обрекаю его на существование без личного богатства, т.е. на пожизненную зависимость от других. После долгих раздумий я вспомнил древнюю пословицу наших предков: «Ер – туған жеріне, ит – тойған жеріне» (достойный муж дорожит родиной, а собака дорожит местом, где ее сытно кормят). Мой великий предок Тан -хан и твой великий предок Бури-хан родились здесь, и для нас исконной родиной является место их рождения. Твой предок Иекей привел с запада обратно на прародину целое племя «мәңгі-ку». Я же привел только лишь единственного сына, которого прозвали «Мақалы-игі баяғыдай» (Его сказы и пословицы несут с собой благо, как и прежде). Я надеялся найти здесь сородичей – потомков Тан-хана – и пристроить к ним сына. После продолжительных поисков я нашел их, но оставить им сына не решился. Здесь проживают кара-тюргеши и среди них – кара-жалаиры. Я же родился в среде сары-тюргешей, а среди них принадлежу к племени «сары-жалайыр». Прибыв к кара-жалаирам, я узнал, что они по-прежнему, как и века назад, питают обиду на сары-жалаириров и называют их «сары ит» (желтые псы). Попрекают нас за то, что наши предки в свое время со всем несметным количеством скота откочевали на запад в поисках сытного ме-

ста для своего скота, а следовательно, и для себя. Осуждают за то, что они покинули родственников в горах Каратау в тот самый момент, когда те больше всего нуждались в помощи. «Подобно собакам умчались в сытные места», – так попрекали меня здесь, будто бы я виноват в том, что случилось несколько веков назад. Где бы я ни был среди кара-жалаиров, всюду меня называли «сары ит», «желтый пес», и я разочаровался в своем ожидании того, что священные предания наших великих предков, которые мы с сыном знаем наизусть, окажутся востребованными на прародине, и что все мы непременно задумаемся о возрождении былого величия Турана. Прибыв сюда, я с горечью осознал, что мои соплеменники пока что не нуждаются в возрождении. Вот, теперь я стою перед тобой – потомком хана «Бәрі» и тещу себя надеждой, что в твоей семье востребуются благонесущие сказания наших предков. Я готов доверить тебе моего сына, который знает все, что знаю я сам. С этими знаниями он пригодится в твоей семье. Если ты согласишься принять его младшим братом, то я со спокойной душой вернусь в свой «ұт», чтобы рассказать обо всем, что видел в долгом пути, братьям и сестрам, которым я обещал это сделать. Прошу тебя снабдить меня на дорогу мясом, чтобы я смог добраться до места, где недавно остановился очередной караван, уже готовый к возвращению на Запад»...

Табын-мерген внимательно выслушал собеседника, затем молча наполнил его «қоржын» (дорожный мешок) мясом, пожелал ему доброго пути, усадил мальчика на коня позади седла и отправился домой. С этого момента в семье Табын-мергена появился приемный младший брат («іні») «Мақалы-игі баяғыдай». Подросток ничего не умел делать, кроме как талантливо пересказывать легенды, эпосы, предания, былины, сказы. Поэтому стал прислуживать Алуан-кубе, выполняя разные работы по ведению домашнего хозяйства. Алуан-куба была искусницей, мастерицей на все руки. Поэтому она всегда нуждалась в лишних руках для выполнения вспомогательных работ. Непрерывно загружая ими приемного брата мужа, она

вместе с тем не уставала слушать его рассказы о былинных временах. Будучи необычайно любознательной и обладая раскидистым умом, Алуан-куба заставляла рассказчика снова и снова пересказывать некоторые предания, чтобы поглубже вникнуть в суть мудрых сказаний. В отсутствие мужа, который часто отлучался на охоту, она слушала рассказы юнца до глубокой ночи. При этом постоянно поражалась емкости и многогранности древних сказаний, светившихся всеми цветами радуги и носивших в себе множество едва уловимых оттенков. Но далеко не все в ауле интересовались прошлым, деяниями великих предков. Многие жили по принципу: «Абы день прожить, а завтра будет видно». Они посмеивались над юнцом и называли его «сары-күшік» («желтый щенок») из-за его внешности – белой кожи, голубых глаз и рыжих волос. Пока юнец приспособивался к разным работам в прислуживании по домашнему хозяйству, незаметно пролетели три года. Однажды на охоте Табын-мерген жестоко простудился и по возвращении домой слег. Встать после этого не смог и вскоре скончался. Все заботы по управлению родовой общиной («обык») легли на плечи Алуан-куба. Проводя весь день в заботах, она ближе к полночи приглашала в свою юрту приемного братишку мужа и долго слушала его рассказы. Пролетели четыре года с момента смерти мужа и, вдруг, на удивление всем, «Алуан-күба» родила третьего сына. Через два года на свет появился четвертый, а еще через два года – пятый. Пересудов было много, и, однажды, два ее возмужавших старших сына, рожденные от Табын-мергена, посоветовавшись, решили прямо спросить у матери – не родила ли она трех младших сыновей от «желтого щенка, ставшего желтым псом». «Алуан-күба» тут же дала старшим сыновьям столь убийственный ответ, что те никогда не поднимали позже вопрос об отцовстве трех младших братьев. Мать сказала, что действительно допоздна слушает рассказы «желтого щенка». Больше всех из рассказов она любит предания о славных деяниях великого Тан-хана. И, пожалуй, именно поэтому в момент восхода солнца («таң-атқанда», т.е. когда на-

чинается рассвет) ей кажется, что через открытый «шаңырак» (купол юрты) вместе с лучом рассвета («таң») в юрту проникает образ Тан-хана в виде рыжего, белолицего и синеглазого мужчины, который овладевает ею. Она засыпает вместе с этим образом, а когда просыпается, то видит вместо образа «желтого щенка», который спешит удалиться из юрты через дверь, пока никто не заметил. Этим ответом Алуан-куба дала понять двум страшим сыновьям, что тот, в ком они видят «желтого пса», является прямым потомком Тан-хана и повторяет его не только чисто внешне – белизной кожи, рыжим цветом волос и синим цветом глаз – но и несет дух Тан-хана в своем сердце, в своем знании истории. Ее интересует не сам «желтый щенок», который ей прислуживает, а гены и дух Тан-хана. В свое время она дала согласие выйти замуж за Табын-мергена только потому, что он действительно являлся прямым потомком Бури-хана, нес в себе его гены и его дух. Она намеревалась родить от него нескольких сыновей, но не получилось. Если бы она родила от него 10 сыновей, то достаточно большой была бы вероятность того, что кто-то из ее потомков в первом, втором или возможно, даже в десятом поколении повторит Бури-хана. Такая вероятность подкрепляется ее верой в саму себя. Она умеет воспитывать сыновей. То, что отец имеет благородные гены и несет в себе дух благородства – это безусловно очень важно, но мало. Без должного воспитания сыновья не смогут раскрыть заложенные в них способности. Табын-марген не случайно принял в качестве названного младшего брата «Мақалы-игі». Он это сделал в воспитательных целях для своих сыновей. В рассказах «Мақалы-игі» содержится много поучительного и полезного для укрепления духа. Она быстро осознала это. Несколько лет внимательно наблюдала за «желтым щенком» и пришла к выводу, что этот прямой потомок Тан-хана несет в себе как кровь, так и дух своего великого предка. Но беда его состоит в том, что он получил одностороннее воспитание. Оно выразилось только в воспевании подвигов великих предков, но отнюдь не в стремлении целиком посвятить себя цели проявления этого

духа на деле. Она решила родить трех сыновей от прямого потомка Тан-хана и воспитывать их с верой в то, что кто-нибудь из ее потомков повторит великие деяния великих тюркских ханов. Осуждать ее никто не смеет, поскольку по древнему обычаю «эменгер» (левират) после смерти мужа на вдове обязан жениться его младший брат, а «сары күшік» – младший брат мужа, хотя и приемный...

«Алуан-құба» добилась единства всех пятерых своих сыновей. Но это единство сохранялось только лишь при ее жизни. После ее смерти четверо старших сыновей не преминули воспользоваться возможностью подвергнуть третированию самого младшего – пятого – брата по имени «Бүтін-шора». Последний, как и его отец, и дед, питал страсть к древним сказаниям и постоянно думал о том, чтобы каким-то образом и в чем-нибудь на деле проявить дух великих предков. Повседневные заботы об улучшении жизни в родовой общине, увеличении достатка не интересовали его. Когда находились слушатели, он с увлечением пересказывал древние предания, а когда таковых не было, замыкался в себе и сосредоточенно думал о чем-то. В глазах окружающих он выглядел «белой вороной» и «не от мира сего». Братья называли его «мәңгүрт» (манкурт), т.е. «психически больной, блаженный». При дележе наследства братья настолько его обделили, что тому достались только один-единственный конь и обычное охотничье снаряжение: лук, колчан со стрелами, ножи. Обидевшись на братьев, он уехал подальше от них на землю, на которой позволялось охотиться всем и которая по существу была ничейной. Лисий малахай был подвязан у него на подбородке и это помогло ему поймать беркутенка. Последний «камнем упал откуда-то сверху» и с силой вонзил когти в лисью шапку. «Бүтін-шора» почувствовал это, поскольку когти птенца чувствительно задела его макушку. Он тут же снял шапку и бережно освободил беркутенка, привязав прежде к его ноге веревочку, чтобы тот не смог улететь. В древних преданиях, которые он помнил наизусть, были наиздания по искусству приручения соколов и

беркутов. «Бүтін-шора» неустанно стремился опробовать свои теоретические знания и поэтому в деле приручения птенца вскоре достиг заметных успехов. Из беркутенка получилась отличная ловчая птица. Каждый день она приносила диких уток и гусей. Помня древние сказы, «Бүтін-шора» соорудил добротный шалаш, научился сушить и вялить мясо. Однажды он заметил, что на берегу озера, куда летал охотиться беркут, разместилось кочевье. Он тут же сложил в «қоржын» туши нескольких уток и гусей, и отправился на коне к кочевью. Приблизившись к аулу, он спешился и, держа за уздечку коня, направился к крайней юрте. Поприветствовав женщин, которые возились у очага, спросил хозяина. Услышав его голос, из юрты вышел мужчина средних лет. Поздоровавшись и приняв приглашение зайти в юрту, «Бүтін-шора» снял с коня «қоржын» и сказал, что приехал поделиться совей добычей. Мужчина ответил, что в таком случае он обязан повести его к старшине рода и привел в центр аула, где стояла просторная белая юрта. В юрте на почетном месте полулежал высокий старик богатырского телосложения. По всему было видно, что он очень болен, но всячески старается не показывать этого. «Бүтін-шора» вежливо поздоровался со старцем и по его знаку присел рядом. По обычаю справился: «Мал-жан аман ба?» (здоровы ли скот и члены рода-общины?). Поскольку вся жизнь кочевников зависела от целостности и сохранности поголовья скота, то у них испокон веков было заведено сперва спрашивать о сохранности скота, а затем уже о здоровье всех членов родовой общины. Старик ответил: «Тәңірінің бұйрығымен аман-сау ата жеріне оралдық» (по воле Создателя вернулись на родину предков живыми и здоровыми). Потом старик задал традиционный вопрос о родоплеменной принадлежности гостя. «Бүтін-шора» не стал ничего скрывать и рассказал обо всем, как было и есть, вплоть до того, что его отца обзывали «желтым щенком». Старик улыбнулся и заметил, что и дед, и отец гостя – достойные мужи. Они вернулись на землю предков и оставили за собой потомков, которые вырастут достойными защитниками Отече-

ства. Чувствуя приближение смерти, он сам решил вернуться на родину великих предков со всей родовой общиной, которую он возглавляет. Счастлив, что будет погребен в земле предков. Счастлив, что весь его род и все его потомки обустроятся на родине предков и будут отстаивать ее честь и независимость. Не беда, что род лишился изрядного количества скота, а оставшееся поголовье отоцало донельзя. Есть хорошие молодцы и девицы, есть светлые головы и сильные руки. А главное – есть единство рода. Самое большое богатство – это единство. Конечно, кочевники не могут выжить без скота. Для этого нужно пристроиться к богатому племени и взяться пасти часть его скота, получая в оплату приплод от верблюдиц, кобыл, коров и овец. Есть много оружия, которое нужно обменять на скот. Старик особо подчеркнул, что его род принадлежит к племени «мэңгі-қол» («вечный воинский контингент»), а сам род называется «жетіру». По традиции, как старшина рода, он сам носит прозвание «Мэңгі қол», а по родословию также является прямым потомком Тан-хана и счастлив, что первым гостем, явившимся к нему с подарком в виде охотничьего трофея, стал его родич. Когда приступили к обеду из специально зарезанного для гостя барашка, старик снова повторил, но уже извинительным тоном, что скот сильно отоцал за долгий путь перекочевки. После обеда «Бүтін-шора» откланялся, узрев, что больной старец устал и ему требуется отдых. Вернувшись к шалашу, он тут же взял беркута и отправился на охоту. С того времени он регулярно посещал старика, доставляя ему свежие туши диких птиц. В один из его приездов старик велел сыновьям собрать около его юрты всех признанных руководителей рода, а потом вынести его и посадить в центр круга. Когда его приказ был выполнен, он объявил, что находится в предсмертном состоянии, и что отныне вместо него старшиной рода будет «Бүтін-шора», а его новым прозвищем-титолом будет «Мэңгі қол». Правда, по обычаю «Бүтін-шора» должен испросить на это разрешение старших братьев. По счастливой случайности в тот же день «Бүтін-шора» встретил двух своих старших братьев,

которые разыскивали его по приказу дяди по матери по имени «Қыят-бөрі». Узнав о желании младшего брата возглавить новый «ру» они дали свое согласие. Со следующего дня «Бүтін-шора» стал старшиной родовой общины «жетіру». Поскольку он получил прозвание «Мәңгі қол», то и род стал называться «Жетіру Мәңгі қол». А поскольку для старших братьев он был «іні» (младшим братом), то род, который он возглавил, получил также прозвище «іні-руы», что в переводе означает «род младшего брата». Узнав о том, что младший родной племянник возглавил новый род, его дядя «Қыят-бөрі» выделил для рода «жетіру мәңгі қол» достаточно большое поголовье скота в качестве «стартового капитала» для накопления богатства и при жизни всячески опекал этот род. В благодарность ему род стал носить самоназвание «Қыят-бөрі-жиені» (род племянников Кыята по сестринской линии). Эта увлекательная легенда о «желтом щенке» заканчивается сказкой о том, что «Бүтін-шора» – тот самый молодец, на голову которого уселась птица счастья в виде беркутенка. Если бы беркутенок не увяз когтями в его лисьем малахае и он не поймал эту «птицу счастья», не выдрессировал ее в ловчую птицу, то он не заимел бы тех самых охотничьих трофеев, которые регулярно отвозил к старшине рода «жетіру» племени «мәңгі қол». Не найди «Бүтін-шора» дорогу к уму и сердцу этого старца, не бывать бы ему основателем рода «іні-руы», которое позже разрослось в племя, а затем в союз племен, названный в «Сокровенном сказании монголов» нирунами. Не случайно поэтому казахские аксакалы и байбише говорят о предках кагана: «Басына бақыт құсы қоңған» (птица счастья села на голову)...

Таким образом, по генеалогии-шежире номинальным предком Чингисхана является Табын-мерген, потомок Бури-хана, поэтому буряты обоснованно считают кагана «своим». Биологичеким же предком Чингисхана является «Мақалы игі баяғыдай» по прозвищу «Сары күшік» из племени «сары жалайыр», поэтому по сей день среди всех племен казахского Старшего жуза самыми уважаемыми считаются жалаиры:

«Төрге отыратың – жалайыр». По традиции, во время любого собрания Старшего жуза, должны поинтересоваться, есть ли жалаир, и пусть он даже будет самым младшим по возрасту среди присутствующих, на почетное место – «төр» – усадят именно жалаира, и первым слово дадут именно жалаиру, и самый пожилой аксакал должен будет привстать, здороваясь с ним. Род «сары-күшік» по казахскому шежире сейчас относится к отделению «сырманак» племени «жалайыр» и проживают, в основном, в Алматинской области. Также следует заметить, что персидские историки пишут род Чингисхана как «бурджихан» и переводят как «синеглазые». Вполне возможно, поскольку биологический предок Чингисхана действительно был синеглазым, а сам каган, по описаниям, унаследовал зеленые рысьи глаза и огненно-рыжую бороду, за что именуется в казахском фольклоре «қызыл арыстан» (красногривый лев)...

Сам Чингисхан никогда не пытался скрывать, что по отцовской линии он происходит из сары-тюргешского племени «сары-жалайыр», позже откочевавшего на Едиль и взявшего народное имя «сары-кыпчак». Он с гордостью заявлял, что является прямым потомком второго тюргешского кагана Сакала, сына Жалайыра Первого, который был прямым потомком Естемира с титулом «Тан-хан», младшего брата Бумын-кагана с титулом «Ер Тұрық». Впитав «с молоком матери» предания предков, Чингисхан нередко с гордостью подчеркивал, что его десятый предок, получивший прозвание «Мәңгі-қол», являлся потомком Жалайыра Первого, а по материнской линии Чингисхан был потомком хана Конырата, сына легендарного хана «Көкбөрі», внука Бури-хана. Это чувство гордости было вполне уместным по той причине, что если Жалайыр был прямым потомком Тан-хана, то Конграт был прямым потомком первого западно-тюркского кагана Абылая Второго. Современникам Чингисхана не приходилось сомневаться, что он являлся потомком великих тюркских ханов, как по отцовской, так и по материнской линии. Гордость Чингисхана за свою родословную была тем более уместной, что в годы его молодости

все считались с могущественными племенами «жалайыр» и «коңырат». Но после того, как его избрали каганом, Чингисхан, в связи с поставленной целью объединить всех евразийских кочевников в единую монгольскую нацию, позволял себе упоминать своих предков только лишь по десятое колено. Десятым его предком был «Бутін-шора» прозванный «Мәңгі-қол» в связи с тем, что он разработал учение о вечном нерушимом военном братстве под названием «мәңгі-қол» («вечная рать», «вечная дружина» или «вечное воинство»). Кроме того, Чингисхан учитывал, что могучее племя «кара-жалайыр» (коренные жалаиры), на которое он опирался, по-прежнему называет «сары-ит» (желтые псы) «сары-жалаирав» за то, что эти богатые соплеменники откочевали на запад и бросили в беде своих разорившихся сородичей. Со временем прозвище «сары-ит» укрепилось за всеми бывшими «сары-тюргешами». Но так называли тех из них, которые стали кыпчаками. Что касается тех, которые смешались с согдийцами, то их прозвали «сарт». Не случайно Чингисхан называл сартами вообще всех подданных хорзмшаха Мухаммеда. Вместе с тем он запретил называть «желтыми псами» кыпчаков-половцев и признал их самоназвание «кыпшак». Своих же кипчакских гвардейцев он называл «кара-кыпшак», т.е. «коренные кыпчаки». Что касалось других кипчаков («белых», «желтых», «синих», «коричневых», «красных», «зеленых» и др.), то всех их он называл просто «кыпшак». Говорил, что они подобны «одичавшим и отбившимся от табуна рысакам, которых следует обуздать и вернуть в строй». Однако, спустя три века, казаки, отделившиеся от Абулхаира Узбекского, по-прежнему приговаривали: «Өзі бек, өз ағам, сары-ит – садағам» (сам себе господин, сам себе покровитель, а сарта – принесу в жертву).

Выше была приведена родословная Чингисхана по учению Майкы-бия «Яссы». С десятого предка кагана начинается род, который бии называли «алтын-ұрық» (золотое семя). Племена «оң-құт» и «дала-еркіні» называли этот род «іні-руы». Поначалу и племя «мәңгі ку» так называло эту родовую общину, ко-

торая называла сама себя «мәңгі қол» и «қыят». Позже данный род разросся до размера большого племени. В настоящее время племя «қыят» входит в состав казахского Младшего жуза. Во времена пятого предка Чингисхана с прозвищем «Қор докейі шын» в Монголию из Приаралья прикочевали племена «бай алшын» и «мәңгі-ұт» («маңғыт»). Они образовали союз с племенем «мәңгі қол» и выбрали ханом пятого предка Чингисхана. С этих пор этот союз стал носить прозвище «Бай Алшын – Қор докейі шын». Ко вновь созданному племени присоединилось и племя «мәңгі қу», но уже с самоназванием «тайшы-ұт» («древнекняжеское автономное племя»), призванным подчеркнуть его старшинство перед родом «қыят-бөрі-жиені». В целом весь союз племен получил название «іні-руы». По преданию, он состоял из сорока «ру» (родов). Позже от этого союза племен отделилось племя «маңғыт» и присоединилось к союзу племен с названием «үш бу» («үш жүз бу»). Чингисхан распорядился, чтобы это племя снова вернулось в состав союза племен «іні-руы», который он назвал в начале «Алтын ұрық», а позже «Алтын орда» (Золотая орда).

На языке Майкы-бия понятие «үш жүз бу» означает «традиционное компетентное арбитражное племя для трех разных союзов племен». По учению «Жасау-ізі» («Яссы») испокон веков среди саков, гуннов, тюрков, уйгуров, кыргызов, кыпчаков и других туранских народов особым почетом пользовалось племя «арғы-үйсін» («древние уйсуну»). Это племя проживало в местности, которое по сей день называется в Монголии «Арыг-усун». Испокон веков в этом племени главным делом считалось хранение и развитие древних знаний и учений, одним из которых было учение «Билік» о праве и морали, без которого невозможны были бы не только межплеменная консолидация, но и консолидация родовых общин внутри племени. Создателем этого учения считается праотец всех туранских народов «Алп Арыс би» (Афрасиаб). Нередко случалось так, что то или иное племя признавало своим бием одного из талантливых представителей племени «арғы үйсін». Например,

во времена Чингисхана мангыты признали своим бием сына Уйсуну Тобе-бия по имени «Мүкрейіл». В мировой истории он получил известность под прозвищем «Мухали-гован», а в казахской родословной получило прописку его второе прозвание «Жалайыр». Такое прозвание он получил после того как племя «ақ-жалайыр» выбрало его своим старшиной. До этого племенем руководил его отец, «Үйсін Төбе-би». По преданиям Байдибека, отцом Тобе-бия был «Кейкі би», дедом – «Райым», прадедом – «Ыба», которые считались родоначальниками «ру» (обыка) «Ыба-Райым». В ногайском эпосе это родовая община называется «баарин». Сын Ыба, по имени-отчеству «Ыба-Райым», прикочевал во владения прадеда Чингисхана, Кабыл-хана. Ыба-Райым был признан верховным бием союза племен «үш бу». Обоснование Ыба-Райыма со своей семьей на угодьях Кабыл-хана означало, что с этого времени союз племен «үш бу» присоединяется к племени «іні-руы», и, тем самым, подает пример двум другим союзам племен – «оң-күт» и «дала-еркіні» – в благородном деле подчинения родоплеменных интересов цели объединения всех «утов» в единый улус. Ыба-Райым побратался с Кабыл-ханом, стал его «анттасом», т.е. клятвенным братом. Казахи говорят: «Қандастан аннтас артық» (клятвенный брат надежнее кровного брата). Неслучайно Чингисхан признал внука Ыба-Райыма, Мана по прозвищу «старец Уйсун», в качестве «названного отца». Также не случайно Чингисхан дал Ману титул «Төбе би» (верховный бий) с правом принятия окончательного вердикта, не подлежащего обжалованию.

Десятый предок Чингисхана – «Бүтін-шора» – возглавил племя «мәңгі-қол», не утруждая себя ссылками на заветы Бумына. Еще более радикально в этом отношении повел себя «Бай Алшын – Қор дөкейі шын». Он усыновил двадцать родовых старшин огузского племени с самоназванием «Аққұс қасақ», которое прикочевало из Приаралья к родственному племени «жетіру», возглавляемого в то время Бай Алпином. Название «аққұс қасақ» означает «племя «казак» из огузского союза племен». При перекочевке они широко использовали повозки,

которое в древних монгольских преданиях названы как «кас-сак терген» (казакская телега). Поступок Бай Алшина можно назвать гражданским подвигом, поскольку со времен великих тюркских каганатов огузы считались своего рода «возмутителями спокойствия», носителями центробежных тенденций, воплощателями в жизни принципов «вольному воля» и «право на уход». Бай Алшин уравнил в правах огузских старшин и своих родных сыновей. В результате племя «іні руы» существенно укрепилось, и по численности могло быть приравнено к целому союзу племен. Позже, двадцать шесть родовых общин из сорока «обыков», объединенных Бай Алшином в свое время в единый «ұт» (союз племен) «іні руы», вошли в состав Младшего жуза казахов...

Неординарный опыт своего пятого предка по отбору и назначению ноянами (князьями-воеводами) личностей по личным качествам, а не по знатности рода, Чингисхан учел сполна. Он лишил власти старую тюрко-монгольскую аристократию и привел к власти новых аристократов, которых называл «ар-ісі» («арыс»), т.е. «аристократами духа». Он возродил как кредо жизни истинного «арыса» древний императив: «Мал жаныма садақа, жан арыма садақа» (жизнь дороже богатства, а честь дороже жизни).

Символ «арыс» в виде свастики и идея диалектики мироздания, а также казачества в символе «қу мойын» (лебединая шея) на боевой амуниции «белдік» (пояс-портупея), XV век

ПРЕДАНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ:

о союзе племен «татар»

и национально-объединительной идее «монгол»

На языке Майкы-бия понятие «татар» звучит как «дат-ар». Они – потомки союза племен «дат» и «ар», прикочевавших в монгольскую степь в незапамятные времена с берегов Каспия, гор Урала и равнин Сары-Арки. Сами себя считали потомками легендарного Дата, сына Аза, и древнейшими насельниками кочевий, находившихся восточнее Алтая и Тянь-шаня. В эпоху гуннов военачальники делились на две категории: «шад» – стратег и «дат» – тактик, поскольку шадами были потомки Мадиара, а датами – в основном татары. Этим званием гунны награждали тех строевых командиров, которые постоянно руководили боем на передовой, т.е. обязаны были непременно сражаться на переднем крае обороны или наступления, находиться в гуще схватки. Тамерлан своих генералов-тактиков тоже называл «датқа», т.е. «командир на передовой». Говоря современным языком, это были «полевые командиры». Прозванием первого царя гуннской державы было «Мэди-ар». В качестве самодержца он имел звание «шаң-үй» (верховный дворянин). Дворянами признавались только его потомки, которые становились «шадами» – командирами «туменов» (дивизий) из десяти тысяч воинов. Шадом можно было стать лишь после того, как талант военачальника признавался ветеранами. Что касается «татов» – командиров полков – то они отбирались из среды прямых потомков легендарных родоплеменных старшин, считавшихся «отцами-основателями» гуннского союза племен. Имена этих предводителей присваивали себе племена, которыми те успешно руководили. Магьяры выбрали союзниками племена канглы, дулы и тех саинбийцев, которые приблизительно во втором веке до новой эры, приняли древнее имя «кыпшақ». Они вначале обосновались в Семиречье и Восточном Казахстане. Позже «гвардия шадов-магьяр» раз-

делилась еще на несколько подразделений по именам своих лидеров: «бұлақ-ар», «каз-ар», «құт-іс» («кутуз»), «ку-сары» (звучит как «гусары» и переводится как «богатые гунны»), «мәдиар-қыпшақ» («мадьяр-кыпчаки»). Булгары откочевали в современной Приволжский регион, хазары – в Прикаспийский регион, мадьяры – в Прииртышье и Притоболье, а племена «ку-сары» и «құт-іс» совершили марш-бросок далеко на запад, в Приазовье и далее в Придунавье. Эта гвардия гуннских аристократов-шадов не пожелала подчиниться своим бывшим вассалам-татам и, потерпев несколько серьезных поражений от последних, стремительно удалась к берегам Дуная, так и не признав победы своих «бывших младших братьев»...

Последние уже не называли себя татарами. После откочевки в Прибайкалье и Приамурье в середине первого века до новой эры они объединились с крупным племенем «Сайын би», которое называло своего предводителя ханом. Саин-бий, получив титул «хан» возглавил новый союз племен и получил от татар древнее прозвание «Бәңгі» (Легендарный). Конфедерация называла себя по-прежнему «сайын-би» (сяньбийцы), но гвардия Саин-хана называлась «тат-ар». Укрепившийся союз племен «саин-би» избрал после смерти Саина нового хана, которого прозвали «Мәңгі» (Вечный). Так татарская гвардия продолжала турано-арийскую эпонимическую традицию. Но в реальной жизни он оказался далеко не вечным, поскольку погиб на охоте после трех лет правления. Его заместил другой потомок Саин-хана по прозвищу «Жан жиған» (Собравший родовые общины). Начало образованию первой сяньбийской державы положил его потомок «Ес-жиған» (Объединивший разумных членов общества). Его дело успешно продолжил и завершил легендарный «Таң Сығай». Он был сыном татарского князя-воеводы по имени «Таң» (Рассвет). Уже в 15 лет получил прозвание «Сығай» и был выбран ханом. На Востоке его имя приобрело столь же широкую, грозную славу, какой пользовалось на Западе имя Аттилы. Ему ничего не стоило разгромить южных гуннов, которые присоединились к импе-

рии Хань и признали себя «младшими братьями» (вассалами) ханьского императора. Гунны, которые в свое время вытеснили богатых собратьев «ку-сары» из Семиречья и облюбовали долины реки Чу, назывались «шу-баши», т.е. «облюбовавшие верховья реки Чу». После первых столкновений с сяньбийцами они не стали испытывать судьбу и откочевали на северо-запад. Эти гуннские племена с названием «шу-баши» являются предками современных чувашей. Свою новоиспеченную державу «Таң-Сығай» разделил на три части: центр и два крыла. Каждую из трех частей державы он назвал ордой. Правое крыло войск он назвал «башкы-орда», т.е. «головная орда». По существу, орда представляла собой автономное самоуправляемое военное общество. В ее состав входили два древнегуннских племени – «жылан» и «шабу». Центр назывался «сайын-орда», т.е. «средняя орда». В ее состав также входили два племени. Одним из них руководил князь-воевода по прозвищу «Тат-эби» (Старший брат татов). Другим племенем руководил воевода по прозвищу «Тат-ар» (Достойный тат). Это племя с самоназванием «татар» позже поглотило племя татабов. По крайней мере, во времена Кабыл-хана все татабы называли себя татарами. Левое крыло войска называлось «кара орда» (коренная орда). В ее состав входили племена «сайын би», «арғы үйсін», «арғын», «қой», «қоян», «жүн».

Правое крыло «башкы орта» и центр «татар орта» сяньбийской военной державы состояли из древнегуннских племен и только лишь левое крыло было представлено в основном сяньбийскими племенами. «Таң-Сығай» скончался и с этого момента начался развал его державы на три орды. Вначале башкорты откочевали за Урал на земли, отвоеванные ими у «богатых гуннов». Татары отделились от сяньбийцев и объявили, что они являются прямыми наследниками первых гуннов и ставят перед собой цель возродить гуннскую державу в былом ее величии. Они заняли бывшую территорию северных гуннов.

В Саянах, Прибайкалье и Приамурье обосновались гунно-сяньбийцы. В течение длительного времени они признавали татар своими «старшими братьями». Как подчеркивал Абай, военному искусству тюрки и монголы научились у татар. Поскольку татары всегда возвращались в «отчий край» после военных походов, как во времена древних гуннов и сяньбийцев, так и во времена тюрков, то они считались «коренными», т.е. автохтонами. В 12 веке татарам пришлось считаться с самоназваниями «оң-құт», «дала еркіні» и «іні-руы». По своему составу эти племена делились на потомков древних дулатов, тюргешей, кок-кыпчаков, огузов. Татары довольно часто попрекали пришлых. Последние не скрывали истории своих предков, оказавшихся при хане Бури в Причерноморье, а затем вытесненных оттуда половцами-куманами. Откочевав в прикаспийский и приаральский регионы, племена «жетіру-мәңгіқол» и «алшын-қазақ» вынуждены были через некоторое время разделить вследствие резкого изменения климатических условий, которые сопровождалось усыханием степей, неурожаем трав и бескормицей скота. Племя «мәңгі-қол» прикочевало на территорию бывшего Восточного Тюркского каганата к потомкам хана Бури (бурятам и тайшиутам) и выбрало здесь своим старшиной «Бүтін-шора» (десятого предка Чингисхана), прозвав его «Мәңгі-қол». Позже, при пятом предке Чингисхана, Бай Алшине, к нему прикочевало племя, которое называло себя «алшын-алаш-қазақ». Пятый предок Чингисхана усыновил всех 20 старшин этого племени, которые с этого момента стало также называть себя «монголами-нирунами». Добровольное вхождение 20 новых родовых общин значительно усилило союз племен. По своему могуществу он мог вполне противостоять татарам. Поэтому и татары, и другие племена, в частности меркиты, начали проявлять беспокойство, связанное с опасениями утратить преимущественное положение в существовавшей иерархии племен. Но до поры до времени, несмотря на разные трения, соперничество между племенами довольно редко приобретало характер масштабного военного противостояния. На протяжении почти четверти века погодно-климатические условия благо-

приятствовало скотоводству. При обилии трав и росте поголовья скота на всех хватало хозяйственных забот и работы. Каждая семья ощущала достаток и не была расположена к ссорам и обидам по отношению к другим семьям. Как говорил четвертый предок Чингисхана «Түбін-айт шешен»: «Барлық татуластырады, жоқтық таластырады», что означало «достаток объединяет, бедность разъединяет и сеет смуту»...

Как известно, трава не может жить без воды, скот не может жить травы, а кочевники не могут жить без скота, который составлял главное их богатство. Последнее десятилетие своей жизни четвертый предок Чингисхана из года в год наблюдал одну и ту же безрадостную картину: каждое лето сопровождалось нестерпимым зноем и отсутствием дождей, а каждая зима заканчивалась сильным гололедом, из-за чего скот не мог пробиться к подножному корму через толстый слой льда. По этим причинам ежегодно случались крупные падежи скота из-за бескормицы. Весной все кочевники устремлялись на летние пастбища – джайлау. Но к середине лета полностью усыхала трава вблизи мелких рек, которые превращались в ручейки, неспособные напоить скот, а около рек, которые прежде были многоводными, катастрофически не хватало пастбищных мест из-за большого скопления скота. Именно по причине нехватки пастбищ происходили межплеменные столкновения, которые грозили перерасти в нескончаемые войны. К несчастью, такие столкновения учащались из года в год. Как было подчеркнуто выше, в их основе лежали прежде всего экономические причины, точнее говоря, нехватка пастбищ для скота. Но не только. Действуя по принципу «разделяй и властвуй», могущественная Цзиньская империя искусно натравливала одни племена на другие. Следует отдать должное древним маньчжурам. Они сумели завоевать империю Ляо, затем весь Северный Китай не только опираясь на военную силу, но и искусно используя принцип «разделяй и властвуй», для чего прекрасно наладили работу разведки. В результате была создана Цзиньская империя...

Кабыл-хан, прадед Чингисхана, не раз убеждался в том, что отец его был мудрецом-провидцем. Именно по совету отца он в детстве стал анттасом (клятвенным братом) Ыба-Райыма, который в 20 лет стал руководителем союза племен «үш-бу». В этот союз входили племена «арғы-үйсын», «кең-кеңес», «ақ жалайыр», «керей-уақ», «ақ-қоңырат», «маңғыт». У тюрко-монголов бытовала пословица: «Қандастан анттас артық», т.е. «клятвенный брат надежнее кровного брата». Эту пословицу полностью оправдали взаимоотношения между Кабыл-ханом и Ыба-Райым-бием. Именно по предложению Ыба-Райыма, Кабыл был избран первым всемонгольским ханом. Тогда известный в степи мудрец и провидец «Түбін-айт шешен», отец Кабыл-хана, произнес пророческие слова: «Малын талауда болар, басын қамауда болар». В переводе это означало: «Скот твой будет разграблен, а голова твоя окажется в неволе». Произнося эти слова, отец Кабыл-хана имел в виду, что если цзиньцам удастся покорить весь Китай, то они тут же используют возросшую экономическую и военную мощь, чтобы покорить татаро-монгольские племена. Зная предсказательную силу слов своего отца, Кабыл-хан немедленно собрал всю монгольскую рать и совершил опустошительный набег на богатую Цзиньскую империю. В результате набега монголы захватили в цзиньских запасниках некоторое количество зерна, а также добились от империи выплаты дани. «Қабыл-хан», побывав в цзиньских городах, говорил: «Қарыс жері бір арық, жер сорлысы мұнда екен, қатыны семіз, ері арық, жұрт сорлысы мұнда екен». В переводе это означало: «Свободной земли здесь не больше арычка и потому земля не чувствует себя счастливой, женщины здесь разжиревшие, мужчины донельзя исхудавшие, а потому население не чувствует себя счастливым». Но цзиньцы, преисполнившись решимости отомстить монголам за срыв далеко идущих своих планов, натравили на последних татар и меркитов...

Прапрадед Чингисхана, «Түбін-айт-шешен», говорил: «Жақсы еркек неменесінің болашағын ойлайды, жақсы қатын

немересінің болашағын ойлайды». В переводе это означает: «Достойный муж думает о будущем праправнуков, достойная жена думает о будущем правнуков». Судя по его изречениям, которые собрал Майкы-бий, прапрадед Чингисхана действительно был «білгір» или, как говорили древние тюрки, «бильгей», что означало «многосведующий». Он предсказал, что начавшийся при нем период неблагоприятных климатических условий для разведения и содержания скота в татаро-монгольских степях продлится «он мүше», т.е. 120 лет. По этой причине резко обострятся межплеменные раздоры. Ему же принадлежат следующие изречения: «Жақсы өскен балалар, он бесінде ер мен тең. Жаман өскен балалар отызында сор мен тең». В переводе это означает: «Хорошо воспитанные дети в свои 15 лет сравнимы с благородными личностями. Плохо воспитанные дети в свои 30 лет сравнимы с неприкаянными людьми, порождающими одни лишь проблемы». «Алтау ала болса, ауздағы кетеді, төртеу түгел болса, төбедегі келеді», что означает «если шестеро враждуют, то лишаются того, что само к ним «в рот летит», но если четверо проявят единство, они способны достать то, что летает в небе». «Бірлік түбі береке, береке түбі мереке, ақ білектің күшімен, ақ найзаның ұшымен ел болұды ойландар, ұрлық, зорлық, таласты түбі менен жойыңдар». В образном переводе это значит: «Итогом единства является достаток. Итогом достатка является хорошее настроение. Праведно применяя силу и острие копья, достигайте единства. Грабеж, воровство и межплеменные, межродовые, межсемейные столкновения искорените навсегда». Все эти мудрые высказывания, дошедшие до нас благодаря Майкы-бию и созданной им историко-философской и гражданско-правовой школе биев, за прошедшие столетия стали неотъемлемой частью казахской национальной культуры в виде традиционных пословиц и поговорок...

Заслуга прапрадеда Чингисхана заключалась еще и в том, что вместе со своими аннтассами-единомышленниками он оставил после себя устное учение по целенаправленному вос-

питанию личностей, называемыми ими «ер» (герой). Например, его клятвенными братьями (антгасами) были старшина кок-кипчакского племени «ұран-қайыр» по имени «Інілі би» и старшина племени «үш жүз бу» по имени «Кейкі би». «Інілі би» – прадед великого полководца Сыпатай-батыра, известного в русских летописях как Субедей. «Кейкі би» – прапрадед Майкы-бия. И таких единомышленников, как «Інілі би» и «Кейкі би» у прадеда Чингисхана были десятки. Многие из них привили в своих семьях такую систему воспитания детей с раннего возраста, что их праправнуки действительно стали «аристократами духа», истинными «арысами». Всех своих соратников Чингисхан величал «арыс», поскольку все его нояны до конца жизни были привержены принципу «честь дороже жизни». Например, о таких ноянах, как «Үйсін», «Куман», «Атығай» и «Көке-жас» (так Чингисхан называл младшего брата своей старшей жены Борте), он говорил: «Эти четверо виденного не скроют, слышанного не утаят». Это означало, что перечисленные им соратники говорят правду в глаза любому, в том числе самому кагану. Он ценил личности, про которых в народе говорят: «Отважен сердцем, не продажен душой». Собрание таких аристократов духа, притягивание их к себе, достижение уважения с их стороны было одним из главных принципов стратегии единства Чингисхана. Но, чтобы собрать благородные личности и создать прочное стальное единство, необходима была объединительная благородная идея. Такую идею Чингисхан впитал в себя с раннего детства, как говорить с «молоком матери». Убежденным приверженцем этой идеи был десятый предок Чингисхана, «Бүтін-шора», прозванный «Мэнгі-қол». Идея «мэнгі-қол» – это идея «вечного воинского братства», идея «вечной непобедимой рати», неразрывно связанная с древним понятием «арыс» о воинском долге, о воинской чести, о воинской славе, о воинской гордости, о воинской доблести, о верности присяге. Эти идеи были особенно востребованы, поскольку в татаро-монгольских степях в ту эпоху царили анархия и произвол, по существу «степной

терроризм», когда разбойничьи шайки безнаказанно угоняли скот, принадлежащий отдельным семьям, обрекая их на голодное существование. Разгул и произвол преступности приобрели особенно угрожающие масштабы после смерти прадеда Кабыл-хана. В период от Кабыл-хана до Чингисхана степные разбойники оправдывали свои поступки ссылками на то, что племена западно-тюркского происхождения должны «удалиться восвояси». И такое суровое требование оправдывалось объективной необходимостью: в татаро-монгольской степи катастрофически не хватало пастбищ. Мечта о возвращении племен в места, где они были сформированы и считали своими «отчими краями», была вековой для этих племен. На протяжении нескольких веков тоска по рекам Чу и Сыр-Дарье, Иртышу и Яику, по горам Каратау и Тарбагатай, Алтай и Мангыстау закладывалась в детях с пеленочного возраста. Например, у дулатов и жалаириков на протяжении более четырех веков дети пели: «Қаратауды жайласам, Шудың бойын қыстасам», что означало: «Жить бы в горах Каратау и зимовать бы на побережьях Чу». С издевкой над этой мечтой, считая ее недостижимой, меркиты дразнили частушкой: «Қаратауға барайық, табыншыға пана бар, Шу маңына барайық, малшыларға тамақ бар». В переводе это означало: «Откочуем к горам Каратау, там табунщикам найдется приют. Перекочуем к реке Чу, там будет сытно пастухам»...

После успешного набега Кабыл-хана в центральную часть Цзиньской империи чжурчжени сделали вывод, что монголы усилились настолько, что главными врагами следует считать их, а не татар, потенциальной мощи которых они опасались прежде. Поскольку сами татары очень болезненно восприняли усиление монголов, то цзиньцы мгновенно сменили враждебную политику в отношении татар на тактику моральной и материальной поддержки их. Суть моральной поддержки состояла в том, что со ссылкой на китайские летописи, доказывалось, что нируны последними прикочевали из прикаспийского и приуральского регионов. Татары же извечно на-

селяли свою родную территорию. Когда благоприятствовали природно-климатические условия, они традиционно гостеприимно встречали потомков Западных тюркских ханов с их дружинами, и опекали их так, как полагалось страшим братьям опекать младших братьев. Но когда резко ухудшились погодно-климатические условия и непомерно сократились пастбищные угодья, пришлые племена обязаны были возвратиться в родные края, причем первыми должны были откочевать те, которые прикочевали последними. Такой аргумент трудно было оспаривать. По их мнению, эти племена должны были откочевать туда, где они сформировались как «уты», т.е. автономные, самодостаточные племена. Так можно было решить актуальнейшую для тех времен проблему – проблему нехватки пастбищ. Но для такого решения главной проблемы необходимо было вернуть силой те территории, которые тюркеша, как и часть огузов, покинули не по своей воле. Без военной экспансии эту задачу невозможно было решить. Но чтобы совершить поход на Запад, нельзя было оставлять за спиной непокоренными такие могучие державы, как Цзинь, Сун и Тангут. Не покорив их, можно было оказаться «между двух огней» и испытывать угрозу полного истребления под ударами с двух сторон. Но чтобы покорить великие державы, необходимо было самим тюрко-монголам создать могучую военную державу. Для этого необходимо было создать стабильное нерушимое единство татаро-монгольских племен. В целом, объединительная идея Чингисхана провозглашала, что если обеспечить полную безопасность всех и каждого, создать условия для воцарения порядка, права и справедливости, полностью искоренить родоплеменной эгоизм, трайбализм и создать единую нацию братьев и сестер, то такое единство будет поддержано абсолютным большинством, а потому будет прочным. В этом состояла суть стратегии единства Чингисхана.

Что касалось материальной поддержки цзиньцами татар, то она заключалась в поставке татарам зерна, которого у цзинь-

цев было достаточно много в хранилищах и которое использовалось в качестве «экономического оружия» против кочевников во времена крупных падежей их скота от бескормицы. Опираясь на поддержку могущественной Цзиньской империи, татары вознамерились во чтобы то ни стало вытеснить нирунов подальше на запад. Они угоняли их скот, но главное – полонили их князей и передавали цзиньцам, которые подвергали последних жестокой казни, приколачивая железными гвоздями к деревянному ослу и обрекая тем самым на долгую мучительную смерть. Монголы считали такое поведение татар проявлением самого гнусного преступления – предательства за мзду. Потомки Кабыл-хана поклялись покарать татар за предательство, а цзиньцев за жестокость. Но исполнение этой клятвы было невозможным без достижения единства тюрко-монгольских племен. А достичь этого оказалось невероятно трудно. То единство, которого достиг Кабыл-хан, оказалось непрочным и кратковременным. После его смерти усилились межклановые споры о старшинстве. Единственным, кому удалось при жизни сохранить союз «древнекняжеского» рода тайшиутов и «новокняжеский» род борджигинов, был «Есугар-батыр», отец Чингисхана, который нанес первое серьезное поражение татарам. Однако полную победу над ними, как и над меркитами, найманами и керейтами, одержал сам Чингисхан...

В ряде исторических летописей утверждается, что Чингисхан якобы истребил татар. Но на деле этого не было. Он истребил только лишь правящую элиту. Само же племя он расформировал и принудил татар называть себя членами тех племенных образований, в состав которых они вошли по его приказу. Чисто формально татары так и делали при жизни Чингисхана. Между собой они называли себя татарами, а в окружении кереев – керейами, уаков – уаками, кыпчаков – кыпчаками. Но спустя лет десять после смерти Чингисхана снова называли себя татарами во всеуслышание. Поскольку они составляли авангард войска Батыя и довольно часто предрешали судьбы

сражений, то Бату-хану ничего другого не оставалось, как признать их право вернуться к прежнему самоназванию...

Гунны называли себя «ку», так как считались потомками легендарного предводителя древних алтайских кочевников по имени «Ку» (Лебедь). Гунны считали себя лебединым племенем. Подчеркивая, что татары и башкиры являются прямыми потомками древних гуннов, Майкы-бий говорил о них «ку татар» и «ку башкорт». Но на языке Майкы-бия слово «ку» обозначает несколько понятий: во-первых, «ку» – это лебедь; во-вторых, «ку» – это хитрый; в-третьих, «ку» – это характеристика однородности. В связи с этим, понятие «ку татар», подразумевавшее, что татары происходят от гуннов, трактовалось насмешливыми соседями и как «хитрый татарин», и как «однородное племя татар».

ПРЕДАНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ:

нояны Чингисхана и шежире народа «алаш-казак»

В учении Майкы-бия сохранились фрагменты речи, с которой Чингисхан выступил на курултае в 1206 году. В частности, он объявил, что отец Майкы-бия старец «Үйсін» возводится в сан «беки», т.е. верховного бия (общественного судьи) всего народа. Председателем же военного трибунала был назначен усыновленный матерью Чингисхана татарин «Шеген-құтгык» (монг. Шиги-хутуху). Казахи говорят не «беки», а «бекір» («судья окончательного вердикта») или «төбе би» («вершинный би»). Поэтому в казахских преданиях и генеалогии-шежире главный советник Чингисхана известен как «Төбе-би». Но имя, данное ему при рождении, было «Мэн», или, то же самое, «Мәніс», что означает «значение», «суть», поскольку он был из потомственного уйсунского рода биев «үш бу». Отец Майкы-бия Ман и все его сыновья были ближайшими сподвижниками Темиршина и способствовали его избранию каганом на всенародном курултае. Титул «Чингисхан» был присвоен Темиршину именно по инициативе Маниса...

По преданиям биев, в 1227 году Чингисхан собрал на горе «Найман-күре» девяносто своих ближайших соратников-ноянов (князей- воевод) в связи с назначением ханами своих внуков Орду, Батыя и Сибана (Шейбана). Эта гора в настоящее время называется «Шыңғыс-тау» и расположена на территории современной Восточно-казахстанской области. Так она названа в честь собрания («жиын»), которое провел Чингисхан в Сары-Арке. На собрании он объявил, что отныне эль Булатной орды (иначе, «боз орда», «серая орда» – прим. ред.) будет называться «Үйсін» в честь его мудрого соратника, Верховного судьи Уйсуну Тобе-бия, который одновременно имел чин нояна. Орду, которую Джучи называл «Белой», Чингисхан переименовал в «Серую» (Булатную) после конфликта Джучи и Жагатая, поскольку Белой ордой назывался улус Жагатая. Ураном (призывным и боевым кличем) Булатной орды Чингисхан назначил клич «Салауат». Чингисхан сформировал Булатную орду

на основе племени «Арғы Үйсін» (по другому, «Арыҥ Үйсін») и завещал, чтобы хранителем учения «Жасақ» («Яса») был его сын «Жағатай» (Чагатай), а хранителями учений «Билік» и «Жасау-ізі» («Яссы»), входивших в «Ұлы жасақ» («Великую ясу») – Майкы-бий и его сын «Бақтиар». Дело в том, что Джагатаевская орда разместилась на той территории, которая испокон веков считалась прародиной среднеазиатских ариев, потомков Арыс-бия (Афрасиаба). Хорезмийцы и туркмены были потомками древних тохаров-юэчжи, уйгуры в большинстве своем были потомками древних уйгуров, а онгуты – потомками древних уйсуней. Испокон веков среди кочевников общепринятым было считать, что автором систематизированного учения «Билік» является Арыс-бий. Сердцевину этого учения составляло понятие «ақтық» («белизна» как синоним понятий «праведность и справедливость»). Поскольку большинство подданных Жагатая считали себя прямыми потомками Афрасиаба, то второй сын Чингисхана убежденно считал, что именно его орда имеет право называться «белой»...

Далее, предание Майкы-бия гласит, что поскольку в те времена верховным бием Синей орды («Көк орда») был ноян «Құбан» (по другому «Құман», ошибочно – «Қабан») из племени «арғын», входившего в то время в племенной союз «қоңырат-ойрат», то Чингисхан провозгласил, что эль Синей орды будет называться «Құбан», а ураном Синей орды будет «Қоңырат». Несмотря на то, что по генеалогической легенде Ойрат родился раньше Коңырата, главенствующую роль в племенном союзе «братьев-близнецов» играли не ойраты, а конграты. Эль Золотой орды Чингисхан назвал «Алшын» по имени верховного бия этой орды, который, в свою очередь, получил это прозвание-титул, возглавляя древнее племя Бай-Алшин, которое было ядром союза племен, составивших Золотую орду. Алшин-бий был зятем Чингисхана и поэтому его звали «Алшын-күреген», или, то же самое «Алшын-құрыген». В «Сокровенном сказании» имя «Алшын-күреген» указано как имя одного из 95 ноянов, назначенных Чингисханом в 1206 году, его нельзя путать с Алшыном-Аршона, предком кок-тюрок, и с Бай-Алшином. Напомним, что у степных аристократов существовал обычай назы-

вать детей именами великих предков. Считалось, что дух предка, именем которого назван ребенок, будет его ангелом-хранителем. Казахи соблюдают этот обычай по сей день и называют детей именами аруахов, живших за тысячи лет ранее...

Ураном Золотой орды, по указанию Чингисхана стал боевой клич «Адай». Характерно, что казахи Старшего жуза до сих пор называют себя собирательным именем «Үйсын», а казахи Младшего жуза – собирательным именем «Алшын», а порой – «Адай». Только лишь казахи Среднего жуза не сохранили собирательное название «Құбан» и отказались от урана «Қоңырат». На это были свои причины, но рассказ о них – отдельная тема. Отметим лишь, что эти же причины лежали в основе знаменитой откочевки аргынов от Абулхаира Узбекского и образования ими Казахского ханства. Братья аргына Кумана также были ноянями-тысячниками Чингисхана: «Атығай», «Қорғасын», «Жүніс», «Бала», «Өрі-Нартай», «Марал». Чингисхановскими ноянями из восточных кыпчаков были: «Қара-шора», «Қығтай», «Құлан», «Торы-буқа», «Құршақұс», «Кейкі». Тогда же в 1227 г. на горе «Найман-күре» Чингисхан распорядился, чтобы все кыпчаки были разделены на 4 ветви («бау») и носили имена ноянов «Қара-шора», «Қығтай», «Құлан», и «Торы-буқа». С того времени казахские кыпчаки ведут свою родословную от Кара-кыпчака, Кығтай-кыпчака, Кулан-кыпчака и Торы-кыпчака. Что касается аргынов: если начинать отсчет со времен Чингисхана, то родословную аргынов, по свидетельству Жазыбия, следовало начинать с Кадай-нояня. Поскольку Кадай-ноян приходился зятем Чингисхану, то его еще называли «Кадай-күреген» (Кадай – зять кагана). Сын Кадая по имени «Арғын», известный у казахов как «Арғын-ата» и «Арғын Десятый», а также внук Кадая «Ақ-кожа» были ноянями хана «Құлағь» (Хулагу) – внука Чингисхана по линии его младшего сына «Төле». Арғын-ата сперва был назначен Чингисханом руководителем племени ойрат, входившего наряду с аргынами в ойрато-кыңыратский племенной союз, а затем, уже после смерти Чингисхана, был откомандирован в распоряжение Хулагу-хана и назначен командующим его группы войск, которая покорила Афганистан, Иран и ряд стран Передней Азии. Правнук Арғына по имени «Қара-кожа» и праправнук «Қодан-тайшы» (по другому «Қотан-жырау») были

ноянами Тохтамыша, а позже служили у ногайского бия Едыге и у эмира Тимура (Тамерлана). Сыном Аргына был «Ақ-қожа», внуком – «Болат-қожа», правнуком – «Қара-қожа», праправнуком – «Қодан-тайшы». Сыном «Қодан-тайшы» и был «Дайыр-қожа» по прозвищу «Ақжол-би» (бий «Праведный путь»). «Древо» прямых потомков от Ақжол-бия по мужской линии и есть по существу родословная современных аргынов. В честь его предка по имени Аргын-ата названа местность Аргынаты в Восточно-Казахстанской области. Про внука Аргын-ата Болат-кожу нет известий...

На том же собрании Чингисхан разделил ойратов и конгратов по принципу предназначения для выполнения державных задач, о чем уже говорилось выше. Придав ойратам статус «коренной наследственной орды», Чингисхан вместе с тем назвал их «қалмақ», т.е. «остающимися». После этого слово «ойрат» он сам никогда не произносил. Точно также каган настоял на переименовании многих племен и родовых общин. Казахское племя «қоңырат» начинает свою родословную с седьмого по счету потомка, Удай-шешена которого звали «Нағанай»...

Что касается чингисхановских ноянов Кете и Табын, то их считают своими родоначальниками одноименные ру (родовые общины) Младшего жуза...

На том же «жиыне», по предложению нояна Майкы-бия, было единодушно решено считать в статусе «ақ-сүйек» потомков Чингисхана от его «байбише» (старшей жены) по имени «Берте», дочери Удай-шешена из племени конграт. Понятие «ақсүйек» (белая кость) существовало задолго до того, как оно стало привилегией чингизидов. В образно-символическом мышлении степняков-скотоводов, человеческое общество ассоциировалось с телом. Кости черепа назывались «ақ сүйек», «белая кость». Кости скелета назывались «қара-сүйек», или «опорные, коренные кости», «черная кость». «Белая кость» также означала неординарную личность, как следствие благородного происхождения, воспитания и дальнейшего поведения человека. «Белая кость может почернеть», – говорили, предупреждая что случится, если ребенок не получит правильного воспитания. Система

династийного воспитания была распространена в условиях устной передачи информации и отсутствия письменности...

Предвидя, что со временем его потомки образуют целое племя, Чингисхан предрекал, что возможны браки внутри племени. Но при этом строго завещал, что запретны браки внутри рода до седьмого колена включительно. Семияродные братья и сестры должны считаться родными братьями и сестрами. Смешения крови между ними быть не должно. Иначе, как говорил он, «қан бұзылады», то есть «испортится кровь», в смысле «произойдет генетическая порча». Как уже говорилось, скотоводы были по сути своей генетиками-селекционерами. Поэтому своим потомкам он завещал: «Асыл тұқымнаң қыз алындар», то есть «женитесь на девушках из благородных семейств», ибо «жан қатын, жақсы ат секілді еркекті көкке жеткізеді» (хорошая жена, подобно доброму коню, мужа вознесет до небес). По устному уставу Чингисхана никто из представителей «қара-сүек» (коренной кости) не должен и помышлять о том, чтобы поднять руку на представителя «ақ-сүек» (белой кости). Если кто-нибудь из чингизидского рода «төре» заслужит смертной казни, то приводить приговор в исполнение должны сами представители «белой кости». Только они наделены правом подвергать телесному наказанию или лишать жизни выходца из своего племени. Но требовать уплаты штрафа (каз. «құн») мог и суд биев...

Главным делом своей жизни Чингисхан считал единство, сплочение тюрко-монгольских племен в единую нацию – «ел». Нацию он административно разделил на улусы. Понятие «улус» на языке Майкы-бия пишется как «ұлы іс» (великое дело) и означает «единение племен внутри одного государства, под управлением одного человека». Этими достойными управленцами были сыновья кагана. Понятие «ұлыс-дәреже» означает «высокопочитаемое государство в мире». Так и случилось, но самым известным и почитаемым был улус Джучи...

Сразу после объявления о создании им новой державы, Чингисхан подчеркнул, что она будет отличаться от прежних кочевых держав тем, что воплотит в себе все их лучшие черты и бу-

дет держаться на таких незыблемых устоях, как «бірлік» (единство), «төрелік» (государственное право) и «билік» (общественное право и мораль). Он не уставал напоминать: «Ақ найзанның ұшымен, ақ білектің күшімен ел болуды ойландар». В переводе это означает: «Праведно употребляя острие пики и праведно употребляя физическую силу, заботьтесь о нации, как едином целом». Он был убежден, что без использования силы единства достичь невозможно. Но уповать на одну силу неразумно. Ни одно племя, ни одна родовая община не подчинится силе, если будут считать, что ее употребление было делом не праведным несправедливым. Тюрко-монголы говорили про праведное дело «ақтық», а про несправедное дело – «қаралық». Чингисхан считал, что сила становится победоносной только лишь тогда, когда «жұрт» (народ) соглашается с тем, что она была использована в пользу дела «ақтық» (честь, справедливость)...

Чингисхан учил своих ноянов тому, чтобы каждый из них так прожил свою жизнь, чтобы после смерти был причислен к лику аруахов. Многие исследователи отмечают, что ни в одном из своих 95 ноянов Чингисхан не ошибся. Образ каждого из них сохранился в благодарной памяти народа, как пример проявления мужества, доблести, героизма, самоотверженности, честного служения долгу, верности присяге. Поскольку Чингисхан достаточно хорошо разбирался в традиционной тюркской иерархической системе наследования власти и неплохо знал родословную племен, то ему нетрудно было прийти к выводу, что обе они полностью потеряли способность объединять племена в эль (народ, нацию). Поэтому он отменил и «иерархическую лестницу» Бумын-кагана, и старую тюрко-монгольскую родословную. Новая нация, по его мнению, должна была иметь новую родословную. Логично было бы начать ее с самого себя и своих родных братьев. Но Чингисхан поступил воистину демократично, присваивая имена своих ноянов родовым общинам нового эля. Казахи сохранили свою родословную «шежіре» в том виде, которая соответствует заветам Чингисхана. Именно в плане родословной эра Чингисхана у казахов не прерывалась и продолжается до сих пор...

ПРЕДАНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ:

Алаш-хан Джучи и Чингисхан. Трагедия отца и сына.

Казахи никогда не произносили вслух имя Чингисхана вплоть до начала советского периода отечественной истории. При необходимости, например, при ведении бесед на исторические темы, если речь заходила о Чингисхане, то говорили «хақ-хан». Понятие «хақхан» означает по-тюркски «каган», а по-арабски – «судьбой, роком, ниспосланный хан». В силу образности мышления, казахи совмещали оба этих понятия в одном, не осмеливаясь всеу произносить его имя. Еще его называли «Қызыл арыстан» (красногривый лев), «Арыс-хан» (хан, посвятивший себя служению делу чести), называли другими иносказательными прозвищами, но «Чингисханом» – никогда. Столь силен был суеверный страх перед духом этой выдающейся личности. Зато огромной любовью в народной памяти пользуется образ Джучи-хана, старшего сына Чингисхана, которого казахи считают своим первым ханом. В отличие от советских исторических мифов, в народной памяти первым ханом народа «Алаш» считается сам Джучи, а не его потомки. Вот что говорится о нем в устных народных преданиях, изложенных аксакалами Масгутом Шайкемелевым и Султаном Имбергеновым:

Джучи был самым прилежным и самым способным учеником своего отца, Чингисхана. Длительное время он беспрекословно выполнял волю отца, лично руководил многими военными операциями, совершал головокружительные марш-броски, ни разу не терпел поражения, всегда одерживал блестящие победы ценой минимальных потерь, приумножая славу отца. Он вырос до уровня отца в качестве выдающегося политического и военного стратега. Но они были очень разными по характеру. Про Чингисхана говорили, что ночами на его челе собираются «густые тучи мыслей и дум», которые днем разряжаются «бесчисленными громами и молниями», сопровождаемыми «ливнем и ураганом». Напротив, о Джучи говорили, что он всегда спокоен, раз-

мерен, ровен, задумчив, загадочен, как «звезды в безветренную лунную ночь». Чингисхан ввел неукоснительное правило: «Хан говорит единожды», т.е. если хан один раз распорядился, то его распоряжение не подлежит пересмотру, оно должно немедленно исполняться. Позже бывало, что Чингисхан не раз сожалел об уже принятом решении, раскаивался, хотя умел скрывать свои переживания, облекая их в афоризмы. Джучи же никогда не сожалел о принятом решении. Прежде чем принять решение, он многократно обдумывал его, но если уж он принял решение, отговорить его не мог никто, даже Чингисхан. Возражая отцу, он напоминал: «Хан говорит один раз». Поскольку это правило ввел в ранг закона, не подлежащего обсуждению, сам Чингисхан, то ему ничего не оставалось делать, как развести руками.

Будучи разными по характеру отец с сыном не могли долго ужиться рядом. Поэтому Джучи рвался в дальние походы, говоря: «Жақын мен алыстан сыйласқан жақсы», т.е. «хорошо сохранять уважительные отношения с близкими, находясь вдали от них». Отец ценил в сыне неординарный полководческий талант. Он доверял Джучи руководство самыми сложными военными операциями, в которых, в силу тех или иных обстоятельств, не мог участвовать лично, причем, доверял сыну так, как доверял самому себе. Но Чингисхан слишком принижал политические способности Джучи. Он ошибался, говоря, что в политике Джучи является «соқыр күшік», т.е. «слепым щенком». С одной стороны, Чингисхан был прав в том, что гордый, независимый, прямодушный Джучи, презиравший политические интриги, был беззащитным перед политическим коварством. Но, с другой стороны, он был неправ, не признавая, что «никудышный политический тактик» Джучи был вместе с тем прозорливым политическим стратегом.

В своем войске Джучи добился железной дисциплины и безоглядной преданности не столько суровостью и жестокостью, сколько умом и справедливостью в сочетании с требовательностью. Он добился беззаветной веры в себя, личной преданности себе. Он исходил из того, что каждый воин – это личность,

воспитанная в духе беззаветного уважения к аруахам, духам родоначальников-предков, что для его бойцов честь их рода, достоинство племени – превыше всего. После каждой победы он говорил не об отваге отдельного воина, а об отваге отдельного рода, отдельной общины. Он создал личную гвардию, решающий резерв из шестисот самых прославленных отвагой воинов, в который вошли сто казаков, сто кыргызов, сто узбеков, сто туркмен, сто кара-калпаков, сто уйгуров. Казаки издревле населяли Сары-Арку и состояли из разных родов и племен, когда-либо проходивших через нее. Но в эпоху Джучи они обобщенно именовались кыпчаками. Понятия «казак» и «кыпшак» в те времена совпадали. Кыргызов же, по словам Жазы-бия, Джучи большей частью переселил из Сибири. Эту гвардию он назвал «Алаш», а потом уточнил: «Алты алаш», т.е. «шесть алашей». Его воины вступали в бой с боевым кличем «Алаш», а его самого ру-аксакалы и бии, избирая ханом всех народов и племен Дешт-и-Кипчака, нарекли прозвищем-титолом «Алаш-хан Третий». Майкы-бий, прикомандированный Чингисханом к Джучи в качестве главного советника и командующего правым крылом войск, так учил всех солдат и командиров пестрого (каз. «алаш») и разноязыкого войска: «Алаш» деген атты ұранға койып; жауға шапқанда «Алаш-Алаш» деп шабындар. «Алаш» демегенді екен де болса ұрып жыға беріндер» («Твой уран – «Алаш», с ним ты должен идти в атаку, а если встретится даже родной отец в бою, кричащий другой клич, то должен, не дрогнув, сбить наземь»). Основную массу войска Джучи составляли представители именно этих шести народов. Они поверили в то, что Джучи сумеет принести им мир, покой и процветание.

Джучи первым среди чингизидов осознал, что народы устали от войны, что они жаждут мира. Джучи был верен клятве, данной отцу, что он до конца будет служить идее единого мирового государства «от моря до моря». Но он, лично руководивший многими завоевательными походами, понял, что одним лишь методом военной экспансии мечту и цель Чингисхана достичь невозможно. Джучи не отказывался ни от цели отца, ни от клят-

вы, данной ему. Но пришел к убеждению, что нужно сперва управиться с уже завоеванной территорией, обустроить ее, показать на практике всем, что народы быстрее достигают мира и процветания в составе одного государства, чем разделенные государственными границами. В этом своем убеждении Джучи невольно стал оппозиционером Чингисхану, который спешил при жизни убедиться, что великий поход на Запад начался. Чингисхан понимал, что при его жизни никому, кроме Джучи, он не сможет доверить руководство этим походом. Поэтому он торопил Джучи, но Джучи находил все новые и новые отговорки, ссылаясь на те или иные объективные обстоятельства. Сам же в это время создавал концепцию нового независимого государства из шести автономных народов и регионов «алты алаш» (шесть алашей). Джучи никогда не напоминал отцу о своих сыновьих правах по обычаям, которые ввел сам Чингисхан. Он терпеливо дождался момента, когда Чингисхан выделил ему в управление целое государство с огромной территорией – «ұлы ісі» («ұлыс», улус). Вот в этом улусе Джучи и решил создать шесть автономных «жүз»». Слово «жүз» переводится, с одной стороны, как «сто», а с другой стороны – как «лицо», «внешние признаки отличия», «разновидность». Джучи под понятием «жүз» имел в виду «разновидность, самобытность, автономность».

Чингисхан благодетельствовал своих сородичей по линии отца чуть ли не до самого Монгола – родоначальника монголов. При этом самых талантливых, самых способных, самых компетентных людей Чингисхан назначал военачальниками и отправлял в далекие походы. Самые же бесталанные, неспособные, некомпетентные, но в то же время самые коварные, самые хитрые, властолюбивые и алчные сородичи толпились в ставке Чингисхана, заглядывая к нему в глаза и рот, готовые предугадать его пожелания и опрометью мчаться бездумно выполнять их. Эти плуты быстро сообразили, что завоевать расположение кагана можно одним: никогда ему не перечить, никогда не высказывать собственного мнения, а лучше вообще его не иметь. Эти плуты с полуслова понимали друг друга и мгновенно сплачивались,

создавая нерушимую систему круговой поруки. Джучи первым понял, что великий государь Чингисхан создал великую бюрократию и сам попал в заложники к ней. Чингисхан доверял своим лакеям куда больше, чем гордому и независимому Джучи. А Джучи ненавидел и презирал окружение отца, называя его «ит-аршы», т.е. людьми, «уподобившимися собакам, угодливо заглядывающим в глаза, виляющим хвостами, но в то же время готовыми укусить сзади».

Создавая свое собственное ханство, Джучи решил не подпускать к себе сородичей. Всех, кого присылал отец с рекомендацией использовать в делах управления улусом, он отпугивал тем, что сообщал о решении назначить их военачальниками в походе, который, якобы, вот-вот начнется, а потом, почувствовав молчаливый отказ, немедленно оправлял их обратно во свояси, нагрузив богатыми подарками. Чингисхан терпел, не теряя надежду, что Джучи вскоре действительно возглавит новый поход на Запад, но в нем постепенно накапливался гнев. Его же окружение люто возненавидело Джучи и при случае постоянно напоминало Чингисхану, что Джучи необоснованно теряет время. А Джучи, увлеченный делами обустройства собственного улуса, решил прочно опереться на местное население, местные обычаи и традиции. Поскольку он расположился в гуще тех племен, что обобщенно именовали себя «казак», то, естественно, решил начать дело с использования менталитета казаков. Многократно познав на опыте ужасы войны, он сердцем воспринял образ «каз-ак», как образ стаи гусей-лебедей, как символ независимости, равенства, братства и слияния с природой. Он ввел термин «кара-сүйек», подразумевая под этим понятием, что сами «собственно казаки» составят «скелет улуса». Обществом будет управлять институт биев, что гарантирует самоуправление родов. Государственное же и военное управление будет привилегией прямых потомки самого Джучи, которые будут с раннего детства непрерывно учиться мастерству и профессионализму в деле управления государством с привлечением в качестве советников самых уважаемых биев. Чтобы избежать возможности возникновения бюро-

кратии, не должно было быть никакого промежуточного звена между «кара-сүйек» и «ак-сүйек», между биями и ханом.

Ханы и бии обязаны были всячески поощрять кровнородственные связи между родами. Бии разных родов должны были родниться между собой, устанавливая сватовские отношения. Всячески должны были также прославляться взаимоважение и взаимоподдержка как между родами, так и внутри родов: между сватами, между родственниками и т.д. Джучи совместно с Майкы-бием разработал такую человечно-красивую систему взаимоотношений для казаков, описание которой требует отдельной большой публикации. Правда, Джучи не мог приписать авторство этих общественных нововведений себе или Майкы-бию и исповедовал их от имени Чингисхана. Но казахские аксакалы знают, что истинное авторство принадлежит Алаш-хану Джучи и Майкы-бию и легко доказывают это тем очевидным фактом, что нововведения Джучи не внедрились ни в один другой народ, кроме прямых наследников Алаш-орды. Если бы автором был Чингисхан, то добрый десяток народов, прежде всего монгольский народ, имели бы те же самые обычаи и традиции, которые распространились среди казаков с момента ханства Джучи.

Увлечение мирной жизнью и делом создания концепции нового государства стоило собственной жизни для Джучи. Чингисхан, предчувствовавший свою скорую кончину, пришел в ярость, когда узнал, что вместо того, чтобы готовить войска в поход, Джучи проводит время за обустройством своего улуса и за охотой между делами. По версии Султана Имбергенова, окружение кагана, люто ненавидевшее независимого Джучи, подослало к нему убийц в лице сотника Домбаул-мергена из кыпчаков, который якобы убил хана на охоте. Но в народе более распространена другая версия, изложенная Масгутом Шайкемелевым, о гибели Джучи-хана на охоте от стаи волков. Звучит она так: «В момент, когда во время очередной охоты Джучи, увлеченный погоней за куланом, вырвался на быстром скакуне вперед и оставил охрану далеко позади себя, на него

напала стая волков, одна часть которых погналась за куланом, а другая – за всадником. Джучи не мог обороняться, поскольку в саадаке (колчане) у него не было стрел. Не было у него никакого оружия, кроме двух охотничьих ножей. Следы на снегу показывали, что волки вначале впились в ляжки коня, из-за чего конь присел и свалился на спину, придавив седока. По всей вероятности, Джучи на мгновение потерял сознание, а в это время волки принялись раздирать коня. Когда нукеры добрались до тела Джучи, то обнаружили его под шкурой и скелетом коня. При этом оказалось, что у хана была отгрызена правая рука по самое плечо. Было видно, что при падении коня вместе со всадником, у Джучи был поврежден позвоночник. Было также понятно, что в один момент он очнулся после ранения. Об этом свидетельствовал тот факт, что в одном из двух ножен на поясе Джучи не оказалось большого охотничьего резака. Этот нож исчез вместе с правой рукой. Видимо, придавленный конем Джучи пытался защититься кинжалом, стиснутым в правой руке. Такое предположение объяснило тот факт, что в целом тело погибшего не пострадало за исключением отсутствия правой руки. Телохранители не сомневались в том, что волки не успели добраться до остальных частей тела, придавленного кожей и скелетом коня поскольку почувяли приближение охотников. По следам на снегу можно было установить, что волков было несколько. Сотник («жүз-қол») Домбаул-мерген, прискакавший на место гибели хана первым, тут же бросился в погоню за волками по их следам, выкрикнув на ходу, что отомстит за смерть Джучи, уничтожив дюжину волков и пристрелив из лука дюжину куланов. С того времени никто не видел Домбаул-мергена. Поиски не дали результатов, поскольку сразу после того, как тело Джучи было обернуто в кошму и доставлено в главный стан, повалил густой снег. В пустынной местности быстро замело все следы и стало бессмысленным искать сотника личной охраны, кыпчака Домбаул-мергена, который сбежал, зная, какое наказание его ждет за то, что не сумел уберечь от гибели любимого сына грозного Кызыл-арыстана». Также говорилось, что расследовать ги-

бель Джучи приехал сам легендарный Сыпатай-батыр, который после проведения дознания и выяснения обстоятельств гибели хана действительно приказал казнить всех участников той трагической охоты...

Этой трагедии посвящен кюй «Аксақ-құлан» и жыр «Аксақ-құлан Жошы-хан», написанные выдающимся музыкантом и полководцем «Кіт-Бұқа» (Кет-Бука) из племени «найман». В народном предании говорится, что в момент, когда в ставку Чингисхана прибыли гонцы со скорбным известием о гибели Джучи, соратники кагана уже знали, что накануне Чингисхану приснился вещий сон, в котором Джучи «спел лебединную песню». У древних гуннов такой сон истолковывался, как прощание с жизнью. И то, что этот сон приснился Чингисхану, означало, что в последний момент перед смертью Джучи думал об отце. Проснувшись, Чингисхан тут же вскочил на ноги, вышел из юрты и долго стоял, устремив взор на угасающие звезды. На рассвете он сообщил окружающим, что его гнетет ужасное предчувствие. При этом предупредил, что тому, кто осмелится сообщить скорбную весть о гибели его сына, нукеры зальют плотку расплавленным свинцом. Поэтому гонцы, прибывшие в полдень с горестной вестью, не осмеливались показываться на глаза кагану. В течение нескольких часов они обходили ноянов одного за другим, начиная со старших по возрасту и кончая младшими, чтобы услышать спасительные советы. Но никто из них не смог дать дельный совет. Наконец, очередь дошла до самого молодого полководца, каковым был 18-летний найманский батыр Кет-Бука, только что назначенный нояном. К этому времени он уже имел славу прекрасного музыканта-кюйши и, уповая на могучую успокоительную силу музыки, принял смелое решение лично передать скорбное известие кагану посредством кобыза. В других вариантах речь идет не о кобызе, а о домбре, но это не принципиально. Кет-бука потребовал от гонцов рассказать в деталях все, что они знали о гибели Джучи. Внимательно выслушав каждого из них, он взял в руки свой кобыз (в другой версии – домбру) и при них начал наигрывать на инструменте. Гонцы замерли с закрытыми глазами, вслушиваясь в каждый звук музыки. Когда Кет-бука

окончил игру и отложил инструмент в сторону, они вскочили на ноги и, почтительно скрестив руки на груди, молча стояли перед музыкантом, склонив головы, пока не заговорил он сам. Кет-бука сказал, что по их поведению видит, какое впечатление произвел на них кюй. Он посоветовал гонцам не произносить слов, не тратить время и немедленно удалиться восвояси. Успокоил их обещанием, что скорбную весть кагану сообщит он сам. Вечером, как это нередко случалось, Чингисхан распорядился вызвать ноюна Кет-буку, чтобы тот поиграл ему на кобызе (или домбре). Когда Кет-бука сыграл свой новый кюй под названием «Ақсақ-құлан», Чингисхан с горечью, медленно выговаривая слова, сказал: «Ну вот, пришлось таки мне убедиться, что страшный мой сон оказался вещим. Сейчас я услышал самую скорбную весть в своей жизни. Погиб мой любимый сын, Жошы. Как и полагалось великому мергену, он погиб на охоте». Оторвав глаза от земли, каган впился взглядом в музыканта и произнес: «Разве ты не в курсе того, что я приказал залить расплавленным свинцом глотку тому, кто принесет мне скорбную весть?». На что Кет-Бука ответил: «Разве я произнес хотя бы одно слово? Скорбную весть принес вот этот инструмент». Чингисхан молча кивнул головой в знак признания правоты музыканта и вызвал стражников. Приказал им залить отверстие кобыза (в другом варианте – домбры) расплавленным свинцом. Этим самым он показал, что не отменяет установленного им правила: «Хан бір рет сөйлейді» («хан говорит один раз», однажды приняв решение, не имеет права его отменять). В народном предании говорится, что отсюда, дескать, в корпусе домбры появилась дыра (резонаторное отверстие)...

Внимательно прослушав кюй и одноименный жыр, можно понять некоторые логически необъяснимые детали поведения Джучи. Казалось бы, он мог положить в колчан побольше стрел. Мог бы вооружиться пикой или боевым топором. В крайнем случае, мог прихватить «сойыл» (дубину). Этой дубиной он вполне мог прикончить несколько волков. Наконец, коль скоро он решил участвовать на охоте без необходимого оружия, было бы разумным не отрываться от своих телохранителей. Чем же

объяснить нелогичность поведения Джучи? Кюй наводит на мысль, что есть нечто общее между судьбой Джучи и судьбой кулана. И тот и другой были безоружны перед стаями волков. Но оба скакали навстречу им. Кулан предпочел славную гибель на воле позорной смерти во рву. Джучи предпочел погибнуть так, как подобало великому охотнику. Такое образное сравнение ясно прослушивается в музыкальном повествовании. И секрет такого, на первый взгляд безрассудного, поведения Джучи кроется в следующих обстоятельствах. За 20 лет правления Джучи, суд биев приобрел в его улусе тот вес и значение, которые были предусмотрены в учении о морали и праве «Билик», хранителем которого, по распоряжению Чингисхана, был назначен Джучи. В результате в чего в его улусе воцарились мир, спокойствие и взаимопонимание. Джучи предпочитал больше слушать, чем говорить. Он в точности выполнял наставление своего отца: «Сөзің күміс болса да, сөйлемегенің алтын» (даже если слово твое серебро, то молчание - золото). Без лозунгов и назиданий, без спешки и суеты, без приказов и увещаний, опираясь только на силу личного примера и ровного уважительного отношения к личности, Джучи добился того, что новый язык — язык «Майқы би» — стал элитарным языком, освоить который считали за честь все инициативные люди в его орде. Возродив древний суд биев и создав на этой основе единый эль (народ) «алаш», он не мог собственными руками отбросить назад те свои достижения, которыми искренне и по праву гордился. Война лишала власти суд биев, который был самым надежным инструментом в деле укрепления единства в обществе кочевников. Рассеяние народа «алаш» на бескрайних просторах Великой степи грозило опасностью его растворения в среде других народов. Отказаться от выполнения боевого приказа для него, как для военачальника, было немислимо. И как сын он не мог ослушаться отца. С другой стороны, он в принципе не мог подчиниться приказу отца о походе на Запад, не переступив через самого себя, через свою совесть и убеждения. Жить в состоянии такого неразрешимого противоречия Джучи не мог. Поэтому, будучи духовно цельным

человеком, истинным «арысом», он решился на отчаянный шаг — выразить протест отцу своею смертью. При этом он считал позорным накладывать на себя руки. Как подобало великому мергену, он предпочел погибнуть на охоте...

О том, как любил и высоко ценил Чингисхан своего первенца говорит следующее предание: в начале года кабана (февраль 1227 г.) известие о трагической гибели Джучи застало кагана в предместьях тангутской столицы Чжунсин, осаду которой возглавлял лично каган. Получив скорбную весть, Чингисхан удалился в свою юрту, прошел к своей постели и, не раздеваясь, прилег на нее, свернувшись калачиком на правом боку. В такой позе отрешенности от мира он пролежал 10 суток, не принимая пищи и игнорируя присутствие любого, кто посмел войти в юрту. За все это время он изредка позволял себе лишь пригубить сосуд с кумысом, предусмотрительно поставленный рядом с ним заботливой младшей женой «Ес-үй», татаркой по племенной принадлежности (в обязанность молодой супруги входило сопровождение его в дальних походах). На одиннадцатые сутки в ставку Чингисхана прибыла его первая жена, «Бөрте», мать Джучи. И только после этого Чингисхан поднялся с постели. Обняв Бөрте, он произнес: «Сен, құлындаған құландай, құлыннаң айырылдым... Мен, айрылысқан ақ-қудай, ер-ұлымнаң айырылдым». В переводе это означает: «Ты, подобно ожеребившейся самке кулана, лишилась своего жеребенка. Я, подобно прощающемуся лебедю, лишился своего сына, который был настоящим героем». В этих словах мужа Бөрте ощутила всю ту неизмеримую тяжесть горя, которую он испытывал. Его тоска по сыну, погибшему после трех лет разлуки, так и не встретившись с отцом, оказалась соизмеримой с ее материнским горем. И, как всегда бывало до этого, одной лишь ей оказалось под силу успокоить мужа и в очередной раз поддержать его. Бөрте уговорила супруга собраться с силами и поехать в орду Джучи, чтобы справить достойные поминки. В те времена поминки по героям справляли на сотый день после их погребения, сегодня этот обычай сохранили только казахи племени «адай» Младшего жуза. Спустя

три месяца после гибели Джучи, Чингисхан справил поминки на горе «Найман-Күре» в Восточном Казахстане, которая с тех пор называется «Шыңғыс-тау». Останки Джучи-хана покоятся в мавзолее «Жошы-хан кесенесі» («Жошы хан күмбезі»), расположенном в предгорьях Улытау, в самом сердце Сары-Арки...

Чингисхан скончался примерно через полгода после справления поминок по Джучи. Но он успел услышать клятву от своего внука, второго сына Джучи, Бату-хана, что тот исполнит завет деда и покорит Запад. Одновременно Чингисхан услышал клятву от руководителей ведущих племен народа «казақ кыпшақ» (казакующие, т.е. свободные кыпчаки – прим. ред.), что эти роды будут преданы Бату-хану до конца.

*Мавзолей Джучи-хана в Улытау,
Центральный Казахстан*

ПРЕДАНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ:
«Үш жүз Алаш-қазақ»
(трехликий казахский народ «Алаш»)

При рождении Бату назвали Саином в честь великого предка Саин-бия, именем которого именуется Саянского нагорье, но в историю он вошел и как Саинхан и как Бату-хан. Казахи говорят: «Батыр туы Батухан», что означает «Бату – знамя батыров».

Бату-хан недолго собирался в поход. Основную массу его войска составили сарыаркинские казаки-кыпчаки, не пожелавшие уходить с сары-кыпчаками на запад, а примкнувшие к Жошы, войдя в его улус «Алты-алаш». Поскольку они составляли ядро новой державы, то именовались «Алаш-орда». Но образ вольных птиц «казақ» настолько не вязался с военно-командной идеологией централизма, иерархии и подчинения, что они, благодаря Майкыбию, вспомнили своих предков по имени Дат и Ар и назвали себя «татар». Благо оба этих легендарных прародителя степных народов жили как раз там, где позже расположилась ставка Джучи – в предгорьях Ульгтау. Оно и понятно: ведь самоназвания племен в честь предков также подразумевали и учения, идеологию, заветы этих предков, а учения Дата и Ара имели в виду военизированное общество, где из детей готовят бойцов, начиная с «младых ногтей», воинский долг и воинскую честь. С образом «мирных перелетных птиц, приземляющихся на заповедных лугах» это, конечно же, было несовместимо. Поэтому смена самоназвания с «казақ» на «дат-ар» (татар) означала смену идеологии и самого образа жизни с мирного на военный. Если полтысячелетия назад идейно-философскими антиподами были символические образы «лебедя» и «волка», то теперь – «казақ» и «татар»...

Татары – это древний тюрко-монгольский род, разогнанный Чингисханом и вследствие этого полностью ассимилировавшийся. Часть этих монгольских татар вошли в состав «казаков». Что касается военачальников, то они себя называли монголами. Дескать поэтому, по преданиям, о войске Бату-хана распростра-

нилась молва, что оно состоит из «татаро-монгол». Как говорили казахские аксакалы, те татары, которых рассеял Чингисхан, сумели сохранить свое имя и дать его алашевцам, то есть татары Казани и Крыма – идейные наследники монгольских татар, но не их биологические потомки...

После возвращения из Великого западного похода и смерти Бату-хана настроение среди народа Алаш резко ухудшилось. Почти все военачальники, прославленные в боях, были смещены и вернулись на родину. Слава ничего не стоила. Все продавалось и покупалось. Как бы в насмешку над памятью Чингисхана, Джучи и Бату продавались и покупались даже должности военачальников. Расцвела коррупция. Появилось многочисленное наемное войско из всякого сброда, у которого не было ни «ар», ни «ұят», ни «намыс». Наиболее наглые и оборотистые служили сборщиками дани и принуждали кочевников платить «жасақ» (ясак), т.е. налог от имени и в казну ханов Золотой Орды. Русским было полегче. У них были деньги. У коневодов-казаков денег не было. Приходилось платить скотом, а это было не выгодно. Этот же скот на глазах степняков, не умевших торговать, продавался втридорога и на этом наживались, как собиратели дани, так и продавцы. Не случайно на вопрос «қал қалай?», т.е. «как самочувствие?», предки казахов в те времена отвечали «қал ит», т.е. «самочувствие собачье». Но преданное клятве и приученное к железной дисциплине поколение Бату-хана и поколение их детей, несмотря ни на какие тяготы, стойко исполняли повинности. Зато их внуки не намерены были слепо исполнять неблагодарные повинности и начали возвращаться к образу «қазақ», критикуя отцов и дедов за фанатическую приверженность уставу Бату-хана и называя их за это «халитами», т.е. «покорно сносившими собачью жизнь». Новое поколение справедливо считало, что устав Бату-хана, его установки первыми нарушили, а потом постоянно нарушали прямые потомки хана, а потому клятвы, данные Бату-хану при жизни, становились недействительными. Бии говорили, что следует

вернуться к идее Джучи-хана «алаш» и образу жизни «казак». Эти настроения резко усилились после принятия мусульманской религии в Золотой Орде. Общечеловеческие духовные ценности мусульманской религии отвергают алчность, властолюбие, тиранию, продажность, которые непомерно расцвели в Золотой Орде. С принятием мусульманства татары основали собственное независимое Казанское ханство. Их пример стал показательным для таких новых мусульманских народов, как узбеки, ногайлы, башкурты, туркмены, казаки, кыргызы, уйгыры, кашкары, карачайцы, кумыки и гагаузы, которые вместе с татарами начали называть себя «аннас сахаба», т.е. духовными наследниками вероучения пророка Мухаммада. Так гласят казахские исторические предания, являющиеся неотъемлемой частью родовых генеалогий-шежире в качестве устных комментариев...

Миссионеров, распространявших ислам, степняки называли «қожа» и относили к категории «ақ-сүйек» наряду с чингизидами-торе. Для степняков громадное значение имел синтез духовных ценностей мусульманской религии с их традиционными духовными ценностями. Этот процесс асакалы в своих сказаниях связывают с такими легендарными именами как Майкы-би Акарыс, Назар, Хиван, Малик. Особое значение имело учение Майки-бия, идейным продолжателем и пропагандистом которого был легендарный ногайский бий Едыге. Под воздействием учения Майки-бия и пропаганды Едыге предки казахов начали уходить из Золотой Орды, которой в то время правил Тохтамыш. Кыпчаки уходили с лозунгом «Ақ шолпан», символизирующим понятие «светлый звездный путь». Алшыновцы уходили с лозунгом «Ақ құрай», символизовавшим понятие «чистая заповедная степь». Аргыны – с лозунгом «Ақ жол», означавшим «праведный жизненный путь». Хотя власти всячески препятствовали возрождению движения «казак», называя казаков «кашаками», т.е. «беглыми», но их войска не смогли остановить уход казаков, поскольку он принял массовый характер. Казаки уходили в

обезлюдившие и опустыненные территории, бывшими населенными и ухоженными во времена Джучи. Они уходили поближе к узбекам Тамерлана, которым принадлежит честь первенства в возрождении идеи «алты алаш» – идеи независимой государственности. Казахи произносят слово «узбек», как «өзібек». Оно означает «сам себе хозяин, сам себе господин». Концентрируясь вокруг узбеков, казаки, кыргызы, туркмены, каракалшаки и уйгуры создали новое государство, которое в устных народных преданиях называется Узбекским ханством («Өзібек хандығы»), а его правитель – «Әмір Темір» (эмир Тимур – прим. ред.), «Темір күреген» (Тимур, зять хана-чингизида – прим. ред.) и «Ақсақ Темір» (хромой Тимур – прим. ред.). Но эйфория от независимости, автономии в составе нового государства продолжалась недолго. Идеи мира, покоя и процветания в условиях независимости и собственной государственности оказались призрачными. Ру-аксакалы и бии степных племен пришли к убеждению, что пора покончить с практикой, когда носители «лучшей крови» вовлекаются в дальние походы, а затем не возвращаются. «Қан таратып әлсізденеміз», – говорили они. Эта древняя мудрость – предупреждение амбициозным «собирателям земель», которая означает, что «кровь наша рассеется по миру и мы, как единый народ, ослабеем». Так сказали когда-то кыпчакские ру-аксакалы туркмену Мухаммед Хорезм-шаху, когда тот затеял заведомо провальный поход на Багдад. Это же предупреждение высказал легендарный Едыге-бий хану Тохтамышу во время очередной военной авантюры последнего. Знаменитый Байдибек-бий, строитель мавзолея Ходжи-Ахмеда Яссауи, повторил эту мудрость Тамерлану, когда тот потребовал от уйсунцов людей и коней для своего последнего похода в Китай. Эти же слова не побоялся сказать в лицо Абулхаиру Узбекскому великий аруах аргынского племени Даир-ходжа, по прозвищу Акжол-бий, когда Абулхаир собрался покорять сперва Могулистан, а затем Джунгарию. «Они растворяются среди других народов. Хватит казакам делиться лучшей кро-

вью с другими народами, иначе казаки обескровятся», – говорили родовые старшины и бии. Действительно, в дальние походы уходили самые энергичные и пассионарные сыновья степей...

Недовольство усугублялось тем, что потомки Джучи негласно упразднили институт биев, низведя статус бия до формального названия. Они игнорировали принцип самоуправления родов, пренебрежительно относились к волеизъявлению самого народа – «қара-сүйек». «Пора «қара-сүйек» самим позаботиться о себе. Пора на деле воплотить священные принципы казаков «вольному воля», «право на уход», и «из степи выдачи нет», – так говорили ру-аксакалы и бии. Но слова словами, а для дела требовалась четкая идея, целостная концепция. С простой, понятной, но в то же время последовательной концепцией нового сообщества «Үш Алаш», т.е. «три алаша» выступил некий бий по имени Жуман, представитель «қара-сүйек», т.е. простонародья. Жуман принадлежал к роду «алаша». Вначале он проповедовал свои идеи внутри своего рода. Сородичам настолько понравились его идеи, что они стали называть Жумана своим ханом и позвали «Алаша-хан». Его идеи подхватили знаменитые в то время в Степи личности – «Жиренше-шешен», «Асан-қайғы» и другие. Древний принцип «ұзын құлак» («длинное ухо» – прим. ред.) мгновенно разносил новости на тысячи километров – недаром русские его называли «степной телеграф». Позже, многие роды и племена, приняв близко к сердцу идеи Жумана, стали звать его «Алаша-хан» и говорить, что он является якобы первым ханом казаков, первым ханом «қара-сүйек». Но Жуман наотрез отказался избираться ханом, поскольку это противоречило учению Чингисхана «Төрелік», по которому ханом мог быть только его потомок от сыновей от байбише (первой жены Борте). Действительно, никакого самозванца не признало бы официально ни одно государство, поскольку по своду законов «Ұлы Жасақ» (Великая Яса), составной частью которого был «Төрелік», неизбежно соблюдавшемуся со времен Чин-

гисхана, легитимным правителем должен был быть один из прямых потомков Чингисхана. Сам Тамерлан имел титул эмира и не смел именоваться ханом, довольствуясь прозвищем «күреген» (зять хана). За свою дальновидность Жуман был приближен к себе аргынским бием Даиркожой по прозвищу «Акжол-би», который, по устным преданиям, был в ту пору советником хана Абулхайра Узбекского. Идеологической концепции Жумана аргын Акжол-бий придал конкретное политическое содержание...

Идеологическое понятие «казак» основывалось на образе «гуси-лебеди», который символизировал мир, покой, свободу, равенство, порядок и бережное отношение к природе. Поскольку все эти лозунги были традиционными и носили дух первобытной демократии кочевых общин, то их идеологическую силу трудно переоценить. Это были древнейшие, будоражащие самые глубинные чувства архетипы. Политический же образ нового общественного устройства несколько отличался от образа, созданного Жошы-ханом. Во-первых, вместо шести автономий, представленных шестью народами, создавалось три автономии из представителей одного и того же народа. Это делалось исходя как из исторической практики, так и из сложившихся политико-экономических реалий. В пределах каждой разновидности «кара-сүйек» сложились свои принципы раздела территории, прежде всего пастбищ, по родо-племенной принадлежности, свой институт биев, свои принципы межродовых связей, свой хозяйственный уклад и свой быт в соответствии с географическими и климатическими условиями, свой механизм взаимодействия с соседними народами и государствами, свои структуры торговли и обмена. В пределах каждой разновидности «ак-сүйек» («төре» и «кожа») сложились своя иерархия власти, свои структуры власти, свои принципы взаимоотношений с «кара-сүйек»...

Белая Орда, Синяя Орда и Золотая Орда были практически тремя независимыми государствами со сложившимися межгосударственными границами и, хотя никто не охранял эти границы,

они были нерушимыми, поскольку нарушение их «пахло войной» между практически независимыми ханствами. Поэтому ни в коем случае нельзя было пересматривать границы между уже сложившимися жузами по той причине, что вопрос о земле, вопрос о пастбищах был главным вопросом о войне и мире. «Жерсу» (земля-вода), т.е. земельная собственность каждого жуза, племени и рода, была священна и нарушать ее было недопустимо – ведь там находились могилы предков-аруахов. Одним словом, предстояло объединить в одну федерацию три исторически сложившихся автономных образования казаков. При этом предусматривалось, что дело интеграции с образованием федерации – сугубо добровольное дело каждого рода, входящего в состав любого из трех жузов. Предусматривалось также, что «белая кость» из числа торе-чингизидов сама определится в принципах собственного отождествления с народом «казак» и структурного подразделения в соответствии с подразделением «кара-сүйек» на три жуза. Предусматривалось также приглашение всеми тремя жузами арабских миссионеров «қожа» из второй ветви «ақ-сүйек». Политический «истэблишмент» должна была составить ветвь «белой кости», которая называлась «төре», а религиозными делами предоставили управлять ветви «белой кости», именуемой «қожа». Таким образом достигалось отделение религии от политической власти. Главным вектором национальной идеи является «ар-ісі» (арыс), т.е. дело чести и достоинства, а главным компонентом этой идеи, в свою очередь, является дело объединения степных племен под единым ураном «алаш» в единый народ «казак». При возрождении образа жизни «казак» три жуза ассоциировались с понятиями «старший сын», «средний сын», «младший сын». Принималось во внимание, что идея «ар-ісі» впервые возникла на земле древнего народа «үйсын» – прямых потомков Арыса-Афрасиаба. Слово «үйсын» означает «соборный», «объединяющий», «собирающий». Старший жуз был наделен правами «старшего брата» еще по одной важной причине: в момент создания классической казахской национальной идеи, уйсуну (обобщенное название казахов Старшего жуза) были

самыми могущественными в экономическом плане. В силу географических и климатических условий, пролегания на его территории торговых путей, навыков в садоводстве и земледелии, в ремеслах и торговле Старший жуз воплощал собой экономическую состоятельность казахов. Поэтому было вполне естественно, что расходы по созданию нового государства Старший жуз добровольно взвалил на свои плечи. С тех пор казахи говорят: «Ұлы жүзге таяқ беріп малға қой», в образно-смысловом переводе это означает «дай Старшему жузу жезл правления и поставь руководить экономикой»...

Первым призвал казахов совершить уход из Золотой Орды ученик уйсына Майкы-бия – ногайский бий Едыге из племени «маңғыт», который проповедовал общечеловеческие ценности мусульманской религии в гармоничном сочетании с такими традиционными идеями степняков, как «ақ», «ар», «іс». В своей целостной и законченной форме концепция «қазақ», как возвращение к образу жизни своих предков, возник в Младшем жузе – прямом наследнике Ногайской орды, а поэтому исконным носителем национальной идеи «қазақ» среди казахов традиционно считается Младший жуз. Младший жуз в свое время составлял авангард войска Бату-хана и имел неординарный боевой опыт, а также находился в регионе непрерывных военных конфликтов в связи с борьбой за власть потомков золотоордынских ханов. Поэтому казахи говорят: «Кіші жүзге найза беріп жауға қой», т.е. «дай Младшему жузу копье и поставь защищать страну от врагов».

Про Средний жуз говорится так: «Орта жүзге қалам беріп дауға қой», что в образно-смысловом переводе означало «дай Среднему жузу перо и предоставь заниматься интеллектуально-творческой и арбитражной деятельностью».

В старой национальной идее казахов специализация давалась не только каждому жузу, но и каждому племени внутри каждого жуза. Например, в Старшем жузе традиционно считалось, что дулат – это род воинов и лучших верблюдоводов; албан – род инициативных и предприимчивых; суан – род мелиораторов; ысты – род деловых, лучших строителей; ошакты – род храни-

телей очага; шапырашты – род агрономов и садоводов; жалаир – род пограничников; канлы – род, порождающий политиков и т.д. В Среднем жузе, к примеру, найманы рассматривались как племя экономического могущества Среднего жуза; аргыны – как племя лучших коневодов, биев, поэтов и музыкантов; кыпчаки – род мастеровых, ремесленников и воинов... Но при всем том, независимо от традиционной специализации, каждый мужчина «казак» должен был быть в первую очередь воином – уметь стрелять из лука, биться палицей-шокпаром, дубиной-соилом, рубиться саблей и боевым топором-айбалта...

Особо следует отметить, что среди предков казахов практически не было носителей «духовного сифилиса», называемого трайбализмом, т.е. склонности к межжузовой и межродовой конфронтации. Таких наши предки характеризовали словом «казак емес ит» (не казахская собака). Дело в том, что казаки считали что у собак нет единства, что в любую минуту они готовы перегрызть горло друг другу за обглоданную кость. Древние казаки делили людей не по расово-этнической принадлежности, а только по понятиям «арыс» (человек чести) и «арсыз» (бессовестный) и принимали в свои ряды любого человека, если он имел «ар» (честь, совесть), принимал образ жизни «казак», усваивал язык, обычаи и традиции. Более того, он мог и не быть мусульманином – степняки никогда не страдали религиозным фанатизмом. При этом пришельца «усыновлял» какой-нибудь конкретный род, он женился и становился полноправным членом этой родовой общины. Если даже он был объявленный в розыск бунтарь (а таких было немало!) из Московского, Кокандского, Хивинского или другого государства с деспотическим режимом, то на его защиту вставал весь род или племя, принявшее его в сородичи. Правило «из Степи выдачи нет», означавшее «один за всех и все за одного» действовало неукоснительно. Например, нередко можно встретить казахских аксакалов, которые прямо заявляют, что их предки были татарами, кыргызами, узбеками или уйгурами. В этом и кроется секрет знаменитой казахской открытости, веротерпимости и этнической толерантности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Древнее учение «Яссы» представляло собой не просто сухую генеалогию-шежере народов Великой степи, но являлось энциклопедией истории, философии, морали, права, психологии, военного дела, географии и даже медицины насельников Турана. Здесь приведена лишь небольшая его часть, дошедшая до наших дней, хотя в записях Омара Беген-улы оно занимало целых два сундука.

Как в материальном, так и в духовном мире ничто не возникает из ниоткуда. Наивное удивление западных и советских исследователей по поводу того, как якобы «дикий, безграмотный кочевник» Темучин «вдруг» и «внезапно» стал гениальным стратегом, великим полководцем и мыслителем, автором бессмертных учений Чингисханом, свидетельствует о незнании ими фундаментальных основ кочевого бытия и значения института биев в кочевом социуме. Именно благодаря великому учению «Жасау-ізі» («Яссы»), творчески осмысленному и переработанному на основе нового категориально-понятийного аппарата Майкы-бием, Темучин смог стать великим Чингисханом, а его сын Джучи – создать степную державу, именуемую самими ее насельниками «Алаш-орда». Лишь постигнув мудрость предшествующих поколений, Чингисхан смог создать великую державу, управляемую «ар-ісі» — людьми чести и достоинства, арысами-арийцами, независимо от их этнической и религиозной принадлежности, аристократами духа, «людьми длинной воли», давшими начало новой эре в истории евразийских народов — эре Чингисхана.

Таким образом, можно констатировать, что именно глубокое знание истории позволило потомку знатного рода с богатой устной историологической традицией Чингисхану с помощью его великого советника Уйсуну Тобе-бия, отца Майкы-бия, извлечь уроки из ошибок предшественников и, напротив, взять на вооружение все лучшее, что ими было реализовано. В этом и заключалась притягательная сила «чин-

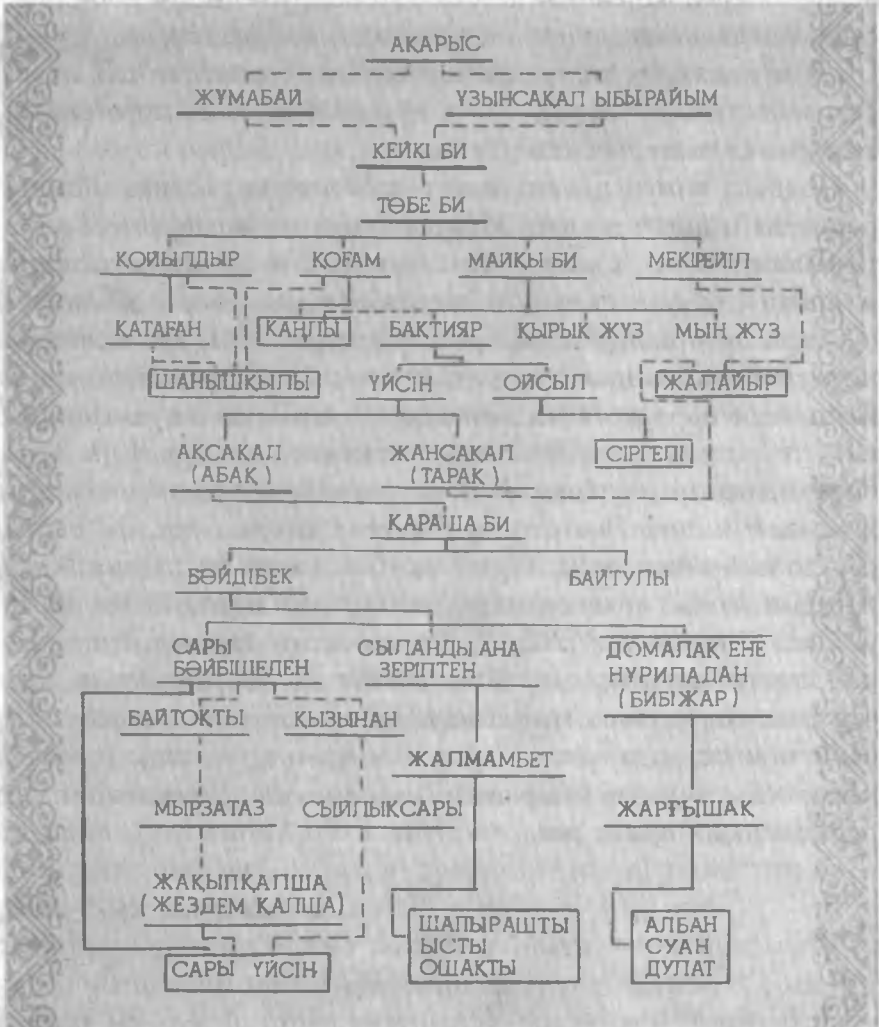

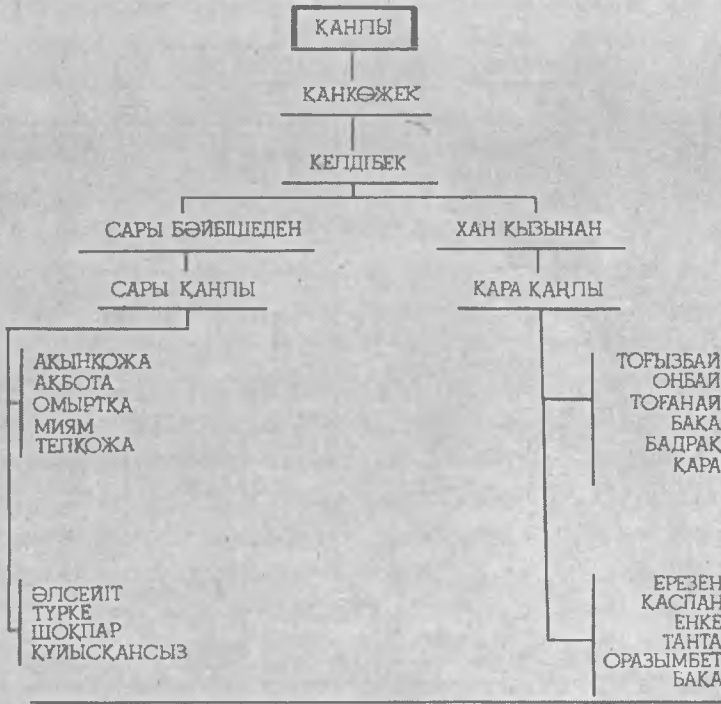
гизизма» как целостной доктрины и историко-философского мировоззрения, позволившего кагану и его потомкам покорить мир с минимальными военными потерями, ибо испокон веков люди покорялись не столько вооруженному насилию, сколько захватывающим умы и сердца справедливым идеям. Об этих идеях, их авторах, носителях и ретрансляторах повествовало учение «Жасау-ізі» и Майкы-бий, как назначенный каганом хранитель этого учения.

Подводя итоги письменному изложению рассказов моих родителей, моего нагашы Ильяса Омарова, аксакалов Масгута Шайкемелева, Султана Имбергенова, и других казахских мудрецов, хочу сказать: эти предания, названные В. Юдиным «устной историологией», привлекательны тем, что позволяют непосредственно ощутить феномен, именуемый «душой казахского народа». Они позволяют напрямую ощутить и понять то, что русский философ, лингвист и этнограф Н. Трубецкой назвал «туранской психологией» и «туранским духовным типом». Поэтому я посчитал святым долгом перед светлой памятью этих людей опубликовать их рассказы, за которые в годы советского тоталитаризма можно было легко угодить в тюрьму, в ГУЛАГ, или в ссылку. Вечная благодарная память об этих аксакалах живет во мне в связи с тем, что они доверились мне, поддержали веру мою в себя и в свой многострадальный народ – «мың өлген, мың тірілген қазақ» (тысячу раз умиравший, но вновь воскресавший народ «қазақ» – *прим. ред.*).

Алматы, 1999-2008

ШЕЖИРЕ
ҰЛЫ ЖҮЗ - АҚ АРЫС

ЖАЛПАЙЫР

СЫРМАНАҚ

АРЫҚТЫНЫМ
БАЙШЕГІР
СЫЫРШЫ

БАЛҒАЛЫ
КАЙШЫҒЫ
КҮШІК

ШУМАНАҚ

АНДАС
МЫРЗА
ҚАРАШАПАН

ОРАҚТЫ
АҚБҮЙІМ
ҚАЛПЕ
СЫПАТАЙ

СЫЫРШЫ

СЫРЫМБЕТ

БӘЙІМБЕТ

БАЙШЕГІР

ЖИЕНКҮЛ
ЖИЕМБЕТ

БЕГІМБЕТ
АБЫС

КӨБІС

БАЛҒАЛЫ

ҚҰЛЫМ
ШАҒЫР

ӨГІЗ
НИЯЗ-БАРАҚ

КҮШІК

ТАЗ
ЖАБЫСҚАҚ

ҚАРАСАҚАЛ
МАРЖА

АНДАС

ҚАЛҚА

ТОЛЫМБЕК

ДЕРІСАҒЫ
ЖОМАРТ
ӘЙТІМБЕТ
ҚЫРҒЫЗ

ҚАНАЙ-ҚОНАЙ
ҚҰТТЫҚ-ҚАРАҚҰС
АНДАБАЙ-ТАНАТ
АЛАКӨЗ-ЖЕТІНАР
МЕНШБАЙ-КЕНЖЕКЕ

ТАЙМӨҢКЕ-БАЙЫС
БАЙҚАРА-ЖҰМАН
ТҮРКЕ-САУРЫК
ШӘКІ-ШҮКІ
ҚОШҚАР-ШӨРЕК

МЫРЗА

ӘЛКЕ
БӘЙІШЕ
АМАН

ҚАРАШАПАН

ТӨНІРБЕРГЕН
БАТАШЫ
КЕЛМЕМБЕТ

ӘЛПЕНДӘУЛЕТ
АЙТҚҰЛ

ОРАҚТЫ

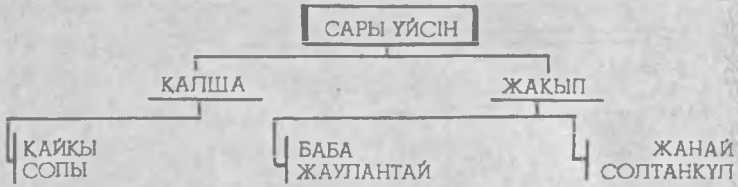
ТӨКЕ
КЕНЖЕ
ӘЖІКЕ

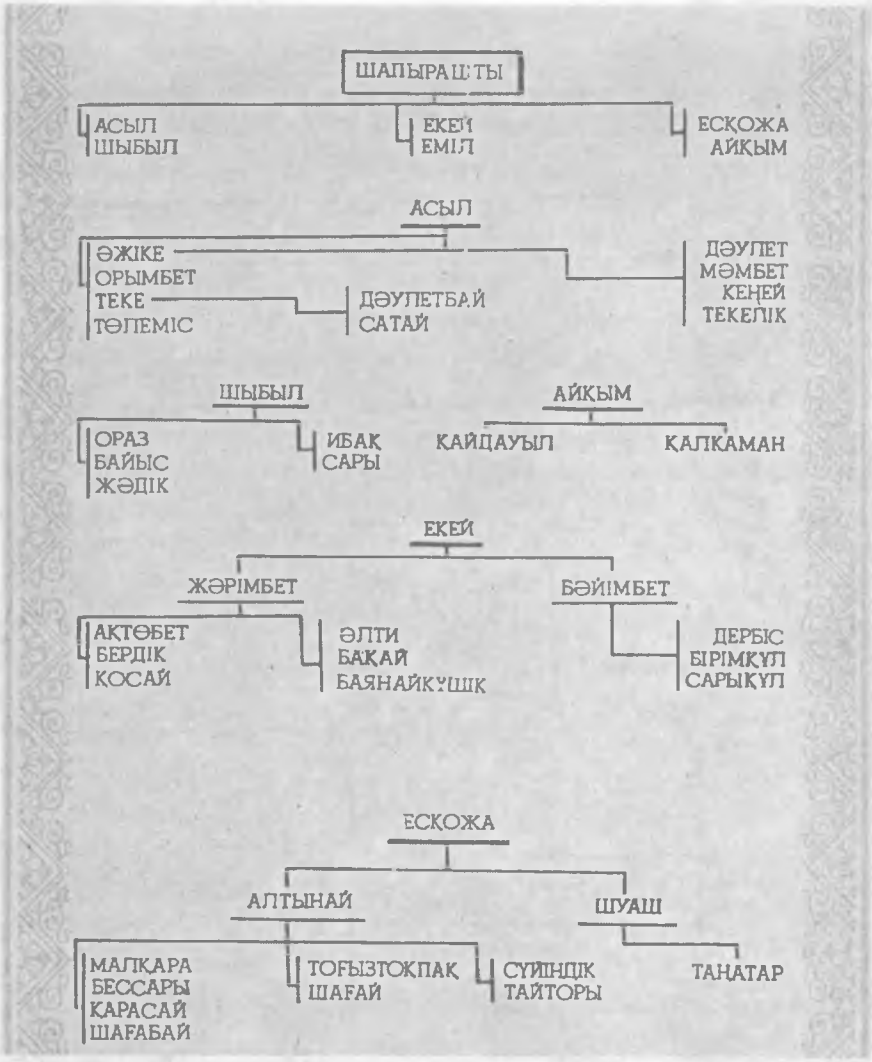
КӨШЕЙ
КӨКШЕГӨЗ
ЖАЙЫҚБАЙ

СЫПАТАЙ

АҚМАРҚА
ҚАРАМАРҚА
САУЫҚ

ШАЛЫМБЕТ
ЕСЕНЕЙ
КҮШЕК

АЛБАН

САРЫ

ШЫБЫЛ

| СУЙЕРКУЛ
| СУЙМЕНДИ

| КЫЗЫЛБӨРІК
| ҚОҢЫРБӨРІК (ӨТЕП)

| БОТИ
| БОЙДАК

СУЙЕРКУЛ

| ШОҒАН
| ҚОЖАМБЕТ

| ЖАРТЫ
| ДОСАЛЫ

| АЛЖАН (КЫЗЫ)

| САРЫМБЕТ
| ШАҒЫР
| АЛІАМАН
| ХАНГЕЛДІ

| ТҮРЫМЖАН
| ДӘУЛЕН
| ШАЖА

| ТЫНЫБЕК
| ЖӘНБЕК
| ҚАЛМАТАЙ

| КАЛЫКЕ
| ЖӘДІК

СУЙМЕНДИ

АЙТ

БОЗЫМ

ҚЫСТЫК

| ТАҒАТАР
| УАНАШЫ
| МАМАДАЙЫР
| АБЫТЫ

| САРЫ
| ТАЗ
| ЖАНШЫҚ

| ШИТЕМІР
| МАМЫРБАЙ
| ТАИЛАК

| БОЗДАК
| НОҒАЙ

| АҚҚЫСТЫК
(АҚНАЗАР)
| ҚАРАҚЫСТЫҚ
(ТОҚТАМЫС)

| ӘЛМЕРЕК
| ОЛЖАЙ

| БАБА
| ЖӘНБЕК
| КҮРМАН

| ТОҚАН
| ҚАРАКІСІ

| АҚТОҚАН
| ҚАРАТОҚАН

| ОРЫНТАЙ
| ЕЛЕМЕС

| МАЙЛЫБАЙ
| КИИКБАЙ

| БЕСНАИЗА
| ЕЛШІБАЙ

| МАЙЛЫБАЛТА

АҚҚЫСТЫК

ҚАРАҚЫСТЫК

| ҚУЛАҚАЙ
| ТШЕМІС

БӘЙБШЕДЕН

ТОҚАЛДАН

| ШОҒҚАРА
| ЖАЙЫН
| ОНТОҒАР
| МАЙАСАР
| ҚУЛАҚАЙ

ӘПИ

БАЙТОҚ

ЕЛТОҚТЫ

БӨЖЕ

| ҚАРАҚҰС
| АМАНГЕЛДІ

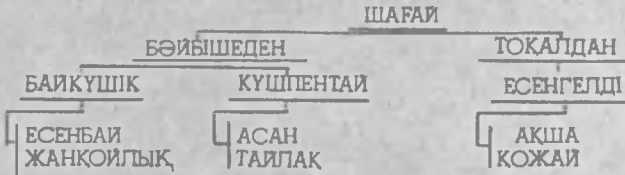
| МОМЫН
| БЕКТЕМІР

| САҚАУ
| ЕСЕНЕ

| МӘЛИКЕ

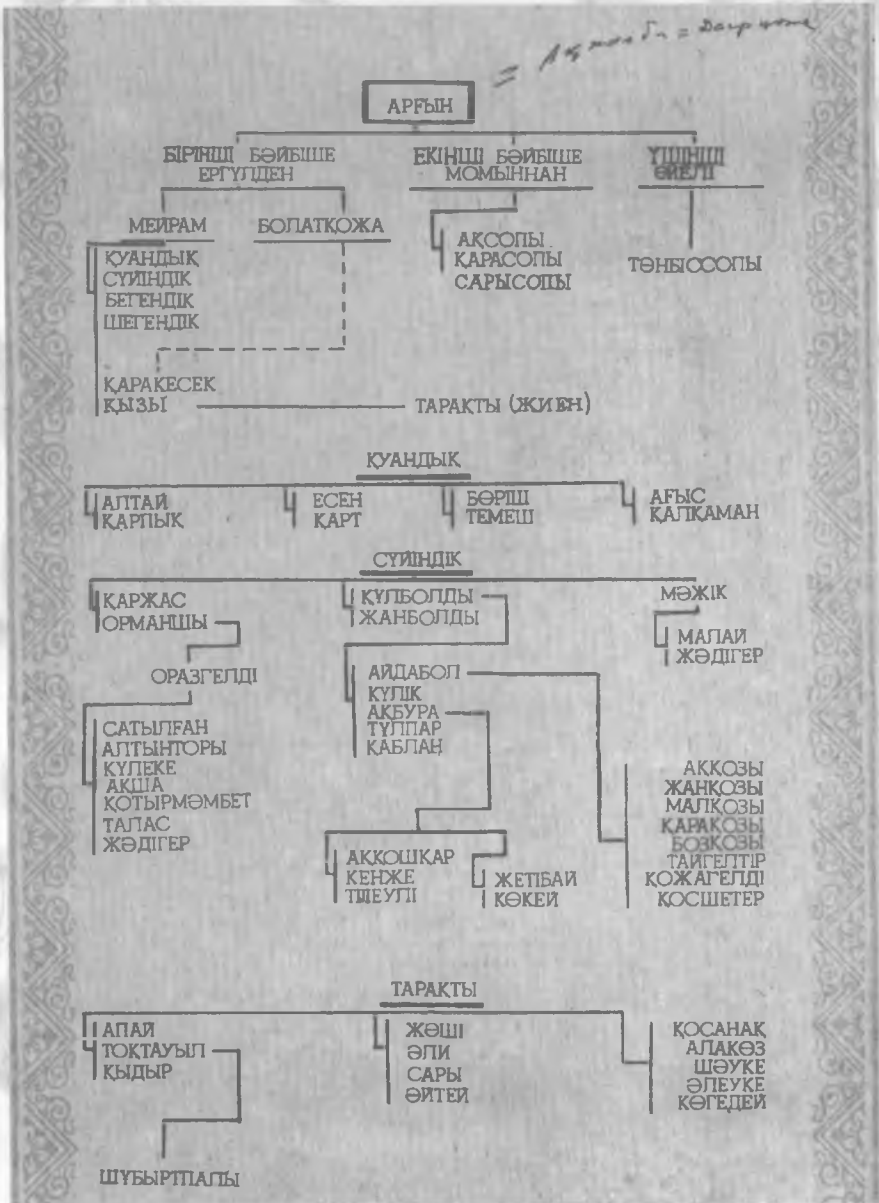

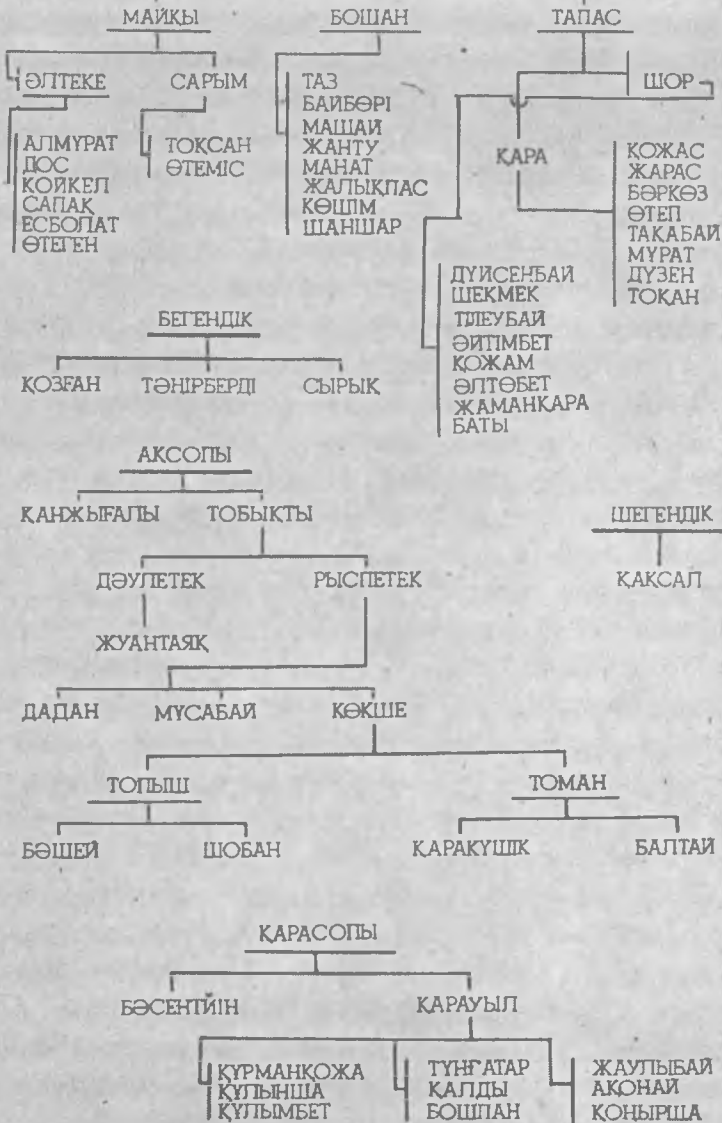

ОРТА ЖҮЗ - ЖАН АРЫС

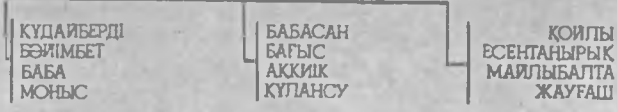
ҚАРАКЕСЕК

САРЫСОТЫ

АТЫҒАЯ

ТӘНЕССОТЫ

Ашарнал.

САРЫЖЕТИМ

ШАҚШАК

↓
 Мағмыр
 Айсұлтан
 Бақыр Бақыр
 Айсалам
 Мам
 Хазір
 Теген
 Смай
 Чыла.

↓
 Мәжібек
 Әздіктай
 Муса
 Шерен
 Дәуренбек
 Қаржыбек
 Мәдікқали

Қағарбек
 Әбілтай
 Бектөлеу
 Етемилу
 Аманжол
 Аман
 Қылыш

НАЙМАН

ТЕРІСТАМФАЛТЫ

МӘМБЕТ
РЫСКҮЛ

САРЫЖОМАРТ

БАЛТАЛЫ
БАҒАНАЛЫ
КӨКЖАРЛЫ
БУРА
КАРАТАЙ

ТӨЛЕГЕТАЙ

КАРАКЕРЕЙ
МУРЫН
ТӨРТУЫЛ
МАТАЙ
АТАЛЫҚ
КЕНЖЕ
САДЫР

СҮГІРШІ

КҮРМАНАЙ

БАЛТАЛЫ

МАРДАН

БЕГІС

ТӨРТУЫЛ

ТОҚАН

ТОҒЫЗ

БАҒАНАЛЫ

АҚТАЗ
ҚЫЗЫЛТАЗ
ШЕГЕДІК

ШЕГЕЛІК
ҚОҚАН
ЖЫРЫҚ

ЖҮРТШЫ
ИБЕСКЕ

БАЙНАЗАР
САРҒАЛДАК

ТНЕЙ
СЕИТ

ӨЖЕМ
ЖҮМЫК

БАЛЫҚШЫ
КАРМАҚШЫ

КӨКЖАРЛЫ

АПЫСТЫМ
КАРА

ЕСЕҢӨЛІ

ЖӨРКЕ
ҚАРШЫҒА

ӨТЕМІС
БАБА
ШАЛПТЕКЕ

ҮЙЖЫҒАР
ИТБАҚПАС

ТӘТТІБЕК
ЖАРҚЫМБЕТ
СЕНГІРБАЙ

АНДАҒҮЛІ
КОИСАРЫ

БУРА

ШЕГЕ
АЛУШЫ
СЫРДАК

КАҢЛЫ
ҮМБЕТКҮЛ

СУЛТАНҚҮЛ
ЖАРАС
КҮТТҮДЫ

КАРАТАЙ

БОРАНШЫ
ТОНМУРЫН
БЕЙСЕКЕ

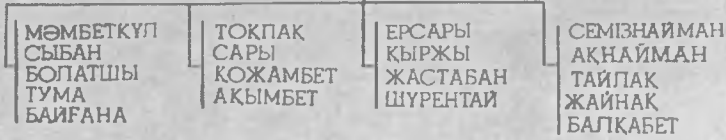
ШОҢМУРЫН
КОЖАС
КОЖАМБЕРШ

ДӘУЛЕТ
ШЕРУШ
ТЕНЕКЕ

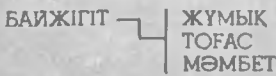
ШИМОЙЫН
САРҒАЛДАК

КАРАКЕРЕИ

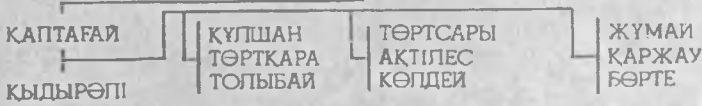
МҰРЫН

САДЫР

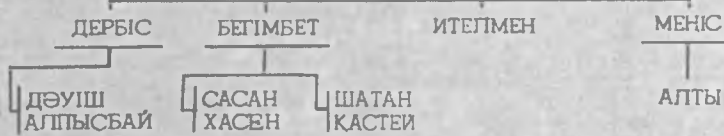

МАТАЙ

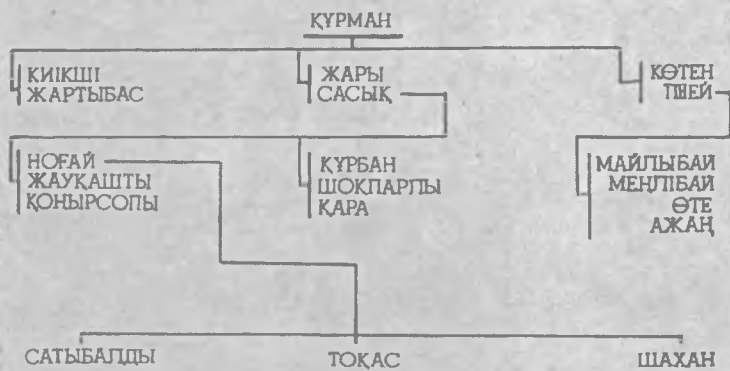
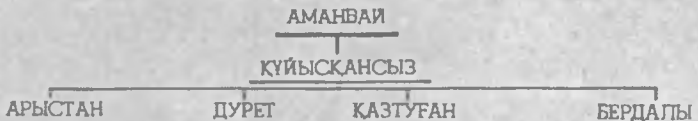
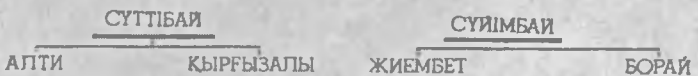
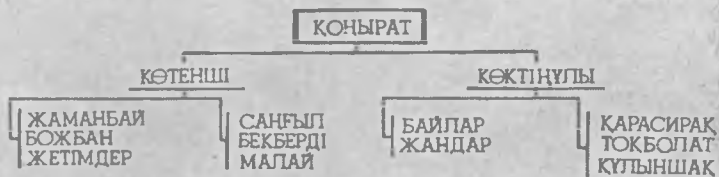
АТАЛЫК

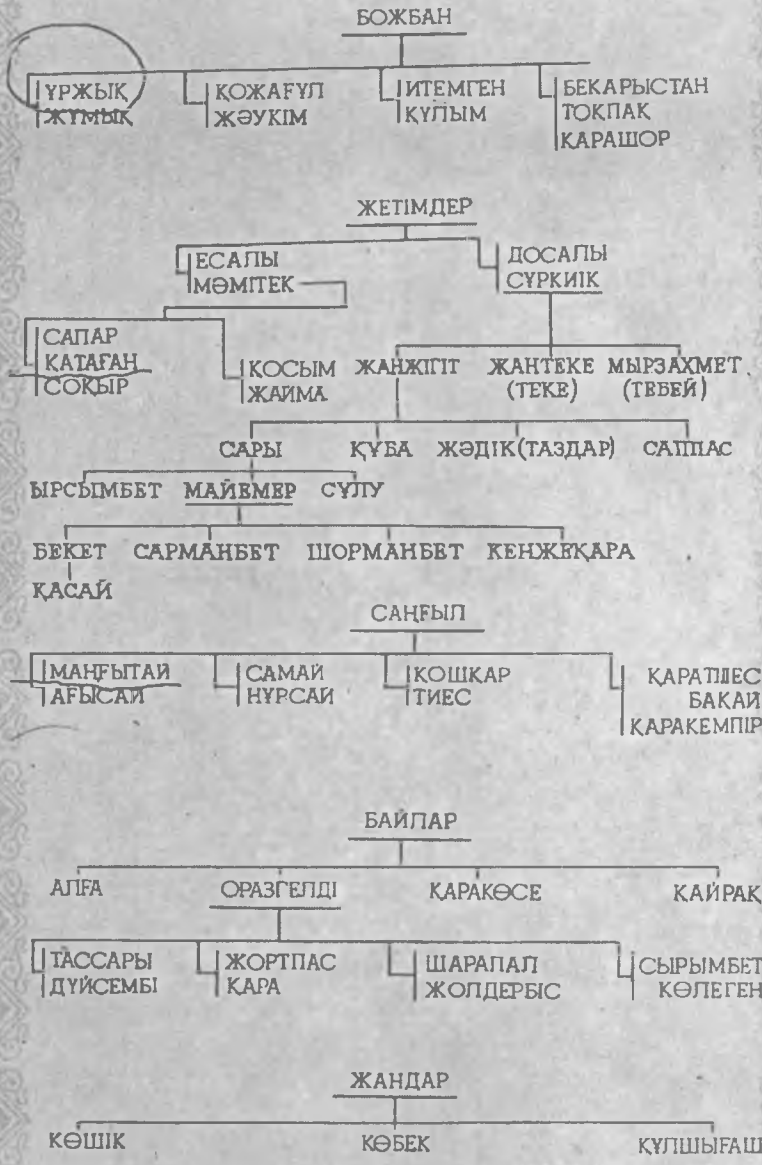
ШАҒЫР

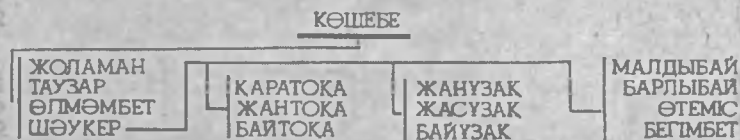
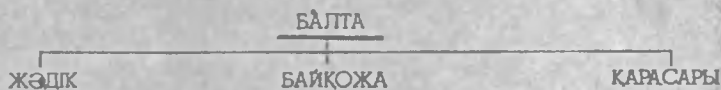

КЕНЖЕ

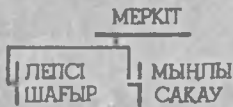
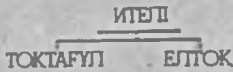

ШУБАРАЙҒЫР

ЖАСТАБАН

АШАМАЙЛЫ КВРЕЙДЕН ТАРАҒАН РУЛАР:

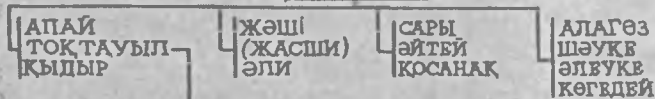
САҒЫНДЫҚ

САҚАЛ

ТАРАҚТЫ

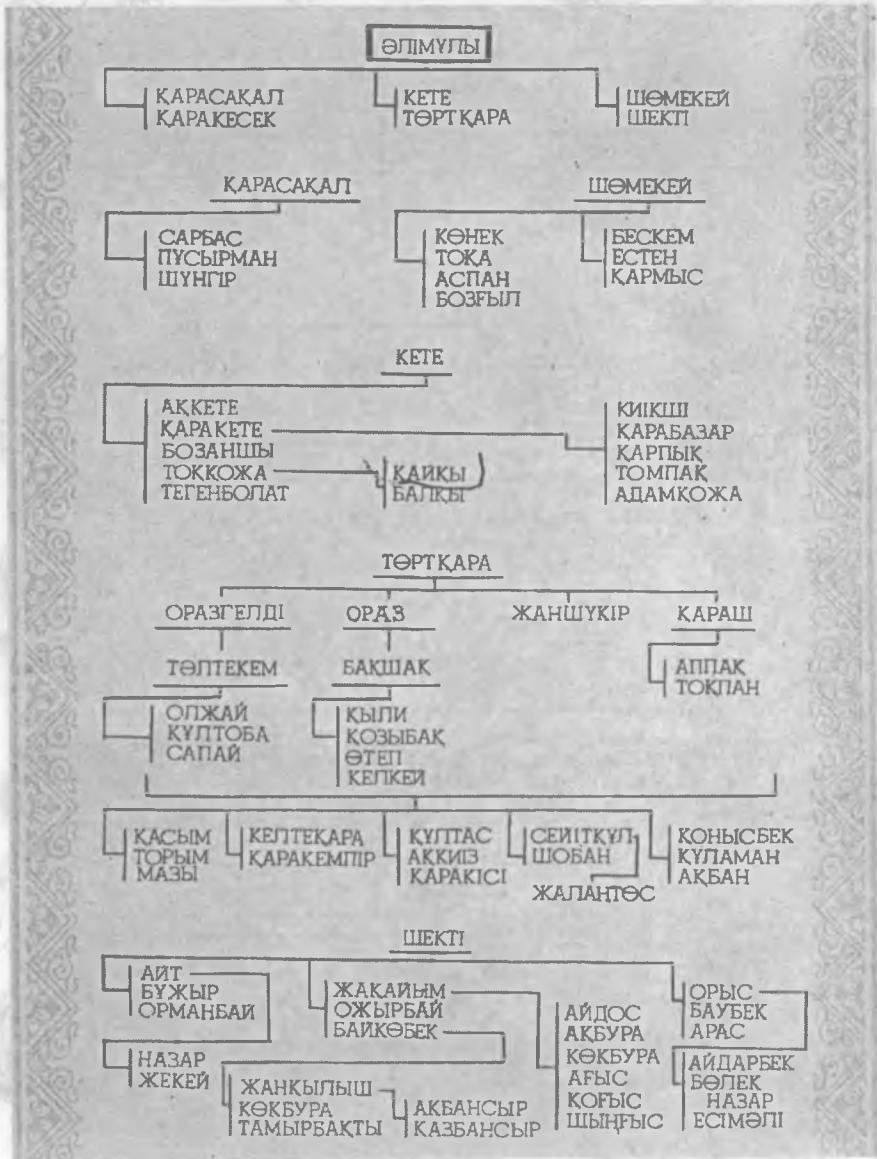
ШУБЫРТПАЛЫ

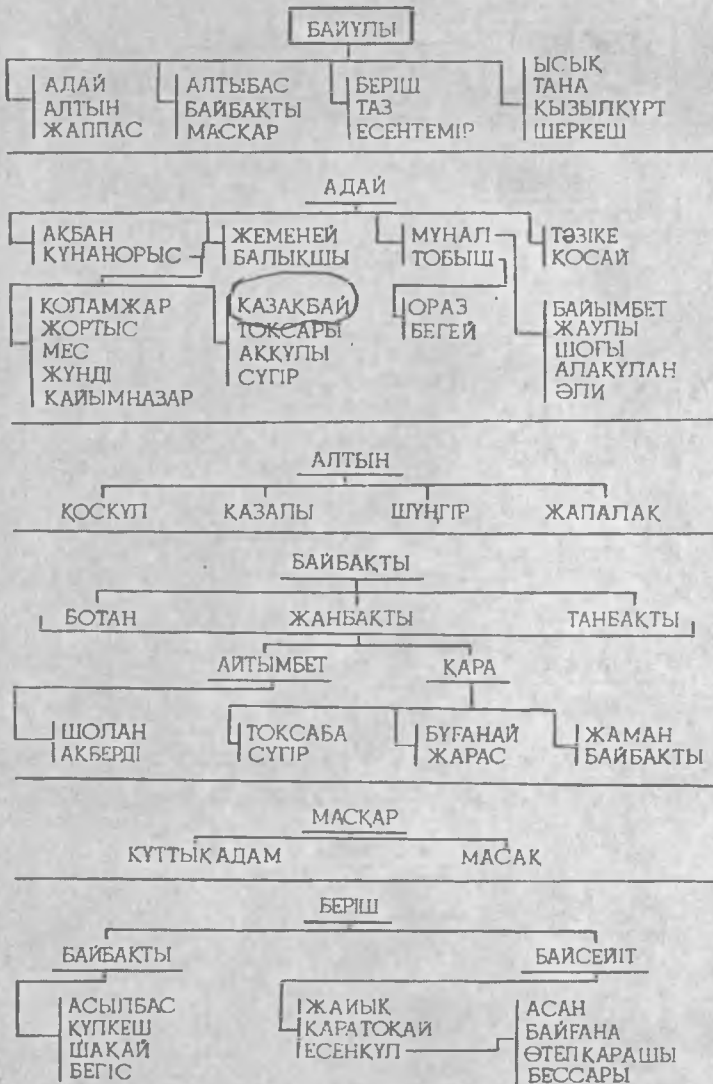

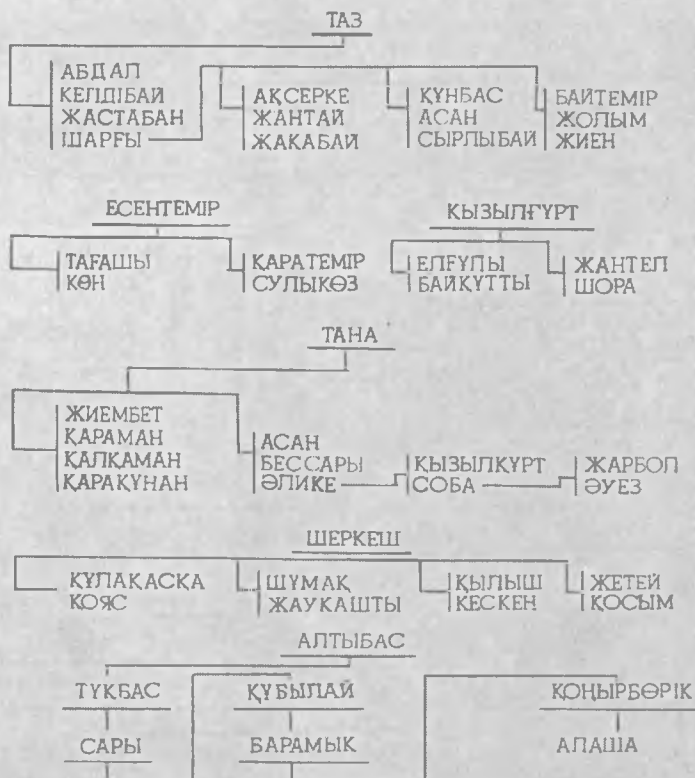
ЕР ҚОСАЙДАН ТАРАҒАН РУЛАР: САРЫБАҒЫШ
БІРІНШІ
ӘЛІМБЕТ

КІШІ ЖҮЗ – БЕК АРЫС

ЖЕТІРУ

КЕРДЕРІ | ТАБЫН | ЖАҒАЛБАЙЛЫ | РАМАДАН
КЕРЕЙІТ | ТАМА | ТЕЛЕУ

КЕРДЕРІ

ЖАБАҒЫ | СЫМАЙЫЛ | БЕРДІМБЕТ | ЖАНБАС | ҚҮТСИЫК

КАЛҚАМАН | ЕСЕЙ | ЖАНАС | ҚҰЖАС | МӘМБЕТЕК
КАРМЫС | ҮСЕН | ТІЛЕУБЕРЛІ

КЕРЕЙІТ

ЕДІК | АШАМАЙЛЫ | АРБАЛЫ | ШӘЙКӨЗ | ҚОНАҚБАЙ
ЖАРТАЙ | САЙШАК | ЕРШАК | САРМАН | ОБАҒАН
ЖАСТАБАК

ТАБЫН

ЖАМАНКЕРЕЙ | ҚАЙЫРҚОЖА | ШӨМШІТ | КОСЕЛ
БОЗЫМ | БЕГІМ | ТАРАКТЫ

ТУАТАЙ | ҚЫДЫРҰМБЕТ | ҚЫДЫРБЕК
АҚДӘУЛЕТ | АМАНДӘУЛЕТ | ДӘУЛЕТАЙ

АШБОЛАТ | АБЫЗ | ЕСІМБЕК | ҰМБЕТ
ЖАБАЙ | ЖИЕМБЕТ | ТАУЫМБЕТ

ТАМА

ВСЕНГЕЛДІ

ЖОҒЫ

ЖАБАЛ

АТАМШАЛ | КЕНЖЕБАЙ | АНДАҒҰЛ | ЗОРТЫМАҚ
ҚЫЗЫЛҒҰРТ | ДӘУЛЕТКЕЛДІ | САУЫРБАЙ | ЖАҒАТАМА

ЖАҒАЛБАЙЛЫ

МЫРЗА | БОЛДЫ | БІЛІС | ҚҰТМАНАЙ
ЛЕЗ | ҚАРАША | МАНАТАЙ | СИРАКТЫ
АҚҚОЖА | БОДЕС | ОРМАНТАЙ | БАЛҚОЖА
БЕСКҮРЕК | ЕСЕНҚАЛА | БОЗБЕТ
ШИРЕК

РАМАДАН

ТЕЛЕУ | АЛТАЙ | ТАСЖАРҒАН
ӨЖІАХМЕТ | САМАТ | МҰСАК | АҚБӨРІК
НОҒАЙ | КЕРЕЙІЛ | ҚАРҚАБАТ | ҚАРАБӨРІК

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Д. Самай</i>	
«Об авторе».....	3
<i>И. М. Сулейманов</i>	
«Майкы-бий: соратник Чингисхана, идеолог «чингизизма»	11
<i>Предисловие редактора</i>	
«Идеи и люди: исторические судьбы»	26
<i>М. Х. Сулейманов</i>	
Майкы-бий и учение «Жасау-ізі» («Тропа существования») как историко-философский источник «чингизизма»	
Предисловие автора	39
«Мои источники»	42
«О некоторых казахских понятиях»	63
<i>М. Х. Сулейманов</i>	
Реконструированные фрагменты историко-философского учения «Тропа существования» («Жасау-ізі», «Яссы») Предание первое:	
«Кісілік» (человечество) и прамасть «Ал Бір-ана».....	69
Предание второе:	
«Жер күйген мезгіл» (время, когда земля горела под ногами), «Аяз-би мезгіл» (эпоха мороза-судьи), Алтай-Инь, дэвы-алпы и народ «шу»	81
Предание третье:	
«Топан су мезгіл» (время всемирного потопа) и допотопные потомки Кибирия.....	94
Предание четвертое:	
Возвращение в степь после потопа, учения «Әз» (мудрость) и «Дат» (возмездие – основа правопорядка).....	103
Предание пятое:	
«Ар-ісі» (дело чести) и учения древних арьев «Бай-ар» (богатство), «Жан» (душа), «Нам» (гордость), «Еге» (хозяин), «Мәңгі» (вечность)	122

Предание шестое: «Алл Арыс-би» (Афрасиаб) по прозвищу «Дулы» (Тур), его учения «Үю» (соборность) и «Билік» (власть праведных биев).....	135
Предание седьмое: Скифы, саки, сколоты, уйсуну, уйгуры и другие потомки Афрасиаба	143
Предание восьмое: «Ақ найзаның ұшымен» (праведно используя острие копья) – народ лебедей «кун» (гунны) и «Аққұс Мәдиар» (Огуз Мадьяр).....	148
Предание девятое: «Сайын-бидың сайын дала» (широкая степь сянби), Саин-хан, Майкы-бий Первый и «Бері ана» (мать-волчица).....	160
Предание десятое: «Алшын-би», «Ер-Тұрық» по прозвищу Бумын и история тюрок.....	167
Предание одиннадцатое: о народах «казак», «түркеш алаш», «жалайыр» и «қыпшақ».....	175
Предание двенадцатое: о «степной вольнице» и племенах «керей», «уак», «найман», «ойрат», «конрат»	188
Предание тринадцатое: племена «мәңгі қу» (вечные лебеди), «жалайыр», «бай алшын», «үйсын» и предки Чингисхана	196
Предание четырнадцатое: о союзе племен «татар» и национально-объединительной идее «монгол»	214
Предание пятнадцатое: нояны Чингисхана и шежире народа «алаш-казак».....	226
Предание шестнадцатое: Алаш-хан Джучи и Чингисхан. Трагедия отца и сына	233
Предание семнадцатое: «Үш жүз Алаш-казак» (трехликий казахский народ «Алаш»)	245
Заключение	254

Приложение. Шежире

Ұлы Жүз – Ақ арыс.....	256
Орта Жүз – Жан арыс	265
Кіші Жүз – Бек арыс	275

Мухамет-Халел Сулейманов

**МАЙКЫ-БИЙ, УЧЕНИЕ «ЖАСАУ-ІЗІ»
И ИСТОКИ ЧИНГИЗИЗМА**

**История народов Турана
в преданиях казахских биев**

Автор: Сулейманов М.-Х.

Редактор: Сулейманов И. М.

Подписано в печать 26.07.2013.

Формат 60x90 - 1/16.

Гарнитура «Times New Roman».

Печать офсетная. 17,5 усл. печ. лист.

Тираж 2000 экз.

Страна изготовитель Казахстан. Отпечатано в 2013 г. в типографии ТОО «Service Press».

Адрес типографии: Республика Казахстан, 050000, г. Алматы, ул. Макатаева, 129/1.

тел/факс +7 (727) 279-71-34, 352-82-02 e-mail: signetprint@bk.ru, site: www.signet.kz

Товар сертификации не подлежит, соответствует стандартам качества и безопасности.

Рекомендованный возраст читателя и срок хранения книги не ограничен.

Претензии по качеству книги принимаются изготовителем.

Дайындаушы мемлекет Қазақстан. 2013 ж. ЖШС «Service Press» баспаханасында

басылған. Мекен жай: Қазақстан Республикасы, 050000, Алматы қаласы, Макатаев көшесі, 129/1.

Байланыс тел/факс +7 (727) 279-71-34, 352-82-02 e-mail: signetprint@bk.ru, site: www.signet.kz

Тауар сертификақталмайды, сапа мен қауіпсіздік стандартына сәйкес келеді.

Сақталу мерзімі шектелмеген. Оқырман жасына шектеу жоқ.

Сапасы туралы қарсылықтарды дайындаушы қабылдайды.

Алматы

2013

**Технические опечатки
следует читать:**

Предание шестое.....	134
Предание седьмое	142
Предание восьмое	147
Предание девятое	159
Предание десятое	166
Предание одиннадцатое	174
Предание двенадцатое	187
Предание тринадцатое	195
Предание четырнадцатое	213
Предание пятнадцатое	225
Предание шестнадцатое	231
Предание семнадцатое	243
Заключение.....	252

Приложение. Шежире

Ұлы Жүз – Ақ арыс.....	254
Орта Жүз – Жан арыс	263
Кіші Жүз – Бек арыс	274

Стр. 180 читать следующим: «Алаш-ханом Четвертым наши предки именуют хана Ахмета Ногайского».

«Чингизхан и Майки-бibi», Работа школьников художественной школы Сифурийского района Республики Башкортостан

ISBN 978-601-7283-03-2

9 786017 283032